

Алистер Маклин. 10 баллов с острова Наварон

Пер. с англ. Н. Е. Знаменской

ГЛАВА 1. ЧЕТВЕРГ. 00.00--06.00

Капитан Винсент Райан, командир эскадренного миноносца "Сирдар", новейшего корабля военно-морского флота Его Величества, стоя на мостике, наблюдал в ночной бинокль отливающую луной серебряную гладь Эгейского моря.

Прямо по курсу на север, поверх крутых, резко очерченных и фосфоресцирующих водяных валов, отбрасываемых в обе стороны острым форштевнем, милях в четырех, на фоне усыпанного звездами черно-синего неба, вырисовывалась мрачная громада скалистого острова Кирос. После долгих месяцев осады две тысячи английских солдат готовились ночью принять на этом острове смерть. Помощи они не ждали ниоткуда.

Райан развернул бинокль на 180 и одобрительно кивнул. Картина радовала взор. Четыре эсминца, шедших с юга в кильватер флагману, настолько совершенно держали строй, что корпус первого корабля совершенно закрывал собой остальных. Райан перевел бинокль на восток.

"Странно, -- подумал он неожиданно, -- насколько безобидными и незаметными могут оказаться последствия недавней катастрофы". Отвесная стена, ограждавшая гавань, выглядела, наверное, точно так же и во времена Гомера, и только тусклое красноватое свечение и струйка дыма над скалой внушали безотчетный страх и мысли о кругах Дантова ада. Огромный уступ в скале, издали такой гладкий и правильный, мог возникнуть естественным образом под действием морских ветров за какую-нибудь сотню миллионов лет. А может быть, именно здесь добывали мрамор для строительства Парфенона древние греки пятьдесят столетий назад. Казалось совершенно невероятным, что всего лишь десять минут назад этого уступа вообще не существовало. На его месте высилась тысячетонная каменная громада самой неприступной германской крепости на Эгейском море с двумя знаменитыми пушками острова Наварон, которые теперь благополучно покоились на девятиностометровой глубине залива. Покачив головой, капитан Райан опустил бинокль и взглянул на людей, которым удалось за пять минут достигнуть большего, чем природе за пять миллионов лет.

Капитан Меллори и капрал Миллер. На операцию их послал его старый друг, капитан флота по фамилии Дженсен. Райан, кстати, был чрезвычайно удивлен, узнав всего сутки назад, что Дженсен -- начальник разведслужбы союзных войск в Средиземноморье. Вот и все, что он о них знал. Да и в этом не был уверен. Возможно, их и звали иначе, и воинские звания у них были другие. Таких капитанов и капралов он раньше не встречал. Вообще они не были похожи на военных. В намокшей, с бурыми пятнами крови немецкой форме, грязные, небритые, отчужденно глядящие вдаль, они не походили на тех людей, с которыми капитану приходилось встречаться. Он был уверен, видя покрасневшие от напряжения глаза, распухшие веки, изможденные, испещренные морщинами серые лица немолодых уже людей, только в том, что ему никогда еще не доводилось видеть людей, доведенных до такой степени измождения.

-- Значит, так, -- сказал Райан, -- войска на Киросе ждут эвакуации. Мы им в этом поможем, а пушки Наварона больше не смогут нам помешать. Вы удовлетворены, капитан Меллори?

-- Именно это и требовалось доказать, -- согласился

Меллори.

Райан снова прильнул к биноклю. На этот раз он с трудом различил на фоне моря резиновую лодку, приближающуюся к скалистому берегу острова с запада. Силуэты двух людей едва угадывались в темноте. Райан опустил бинокль и задумчиво произнес:

-- Ваш приятель и подруга не любят зря терять время.

Кстати, вы меня им так и не представили, капитан Меллори.

-- Не было подходящего случая. Мария и Андреа. Андреа -- полковник греческой армии, 199-я моторизованная дивизия.

-- Андреа был полковником греческой армии, -- заметил Миллер, -- По-моему, он только что вышел в отставку.

-- Может, и так. Они очень спешили, капитан. Ведь они -- греческие патриоты, местные, и у них много дел на Навароне. Кроме того, как я понимаю, у них есть сугубо личная причина для спешки.

-- Ясно. -- Райан не стал углубляться в подробности и снова взглянул на дымящиеся остатки взорванной крепости, -- Вроде бы, на сегодня достаточно, джентльмены?

Меллори едва заметно улыбнулся.

-- Думаю, достаточно.

-- В таком случае, предлагаю немного поспать.

-- Чудесно. -- Миллер с трудом оторвался от поручня и устало прикрыл рукой воспаленные глаза. -- Разбудите меня, когда прибудем в Александрию.

-- В Александрию? -- удивленно переспросил Райан. -- Туда не меньше тридцати часов хода.

-- Именно это я и имел в виду, -- сказал Миллер. Но ему не удалось поспать свои тридцать часов, через полчаса он проснулся от рези в глазах. Недовольно пробурчав что-то нечленораздельное в знак протеста, он с усилием приоткрыл один глаз и сразу понял, что ему мешало: яркая лампочка, расположенная над иллюминатором предоставленной им с Меллори каюты, светила ему в лицо. Миллер приподнялся на локте, привел второй глаз в работоспособное состояние и оглядел без энтузиазма двух других обитателей каюты. Меллори, сидя за столом, похоже, -- расшифровывал какую-то депешу. Капитан Райан стоял в дверях.

-- Безобразие, -- возмутился Миллер. -- Я глаз не сомкнул.

-- Вы спали тридцать пять минут, -- сказал Райан. -- Простите, но Каир настаивал. Срочное сообщение особой важности для капитана Меллори.

-- Вот как? -- подозрительно спросил Миллер. Затем обрадовался.

-- Наверное, это насчет продвижения по службе, представления к награде и внеочередного отпуска, -- он с надеждой взглянул на Меллори, который с облегчением откинулся на спинку стула, закончив расшифровку.

-- Не совсем так. Начинается достаточно многообещающе: сердечно рад, горячо поздравляю и все такое... Но потом кое-что в другом стиле. -- Меллори зачитал текст: "Сообщение получил. Сердечно поздравляю. Замечательно потрудились. Почему отпустили Андреа, болваны? Срочно свяжитесь с ним. Вылетайте на рассвете под прикрытием бомбардировщиков. Взлетная полоса в двух километрах к северо-востоку от Мандракоса. Связь через "Сирдар". Готовность Но 3. Повторяю, готовность Но 3. Желаю успеха. Дженсен".

Миллер взял телеграмму у Меллори, долго вертел ее перед носом, пытаясь приспособиться к освещению, перечитал в зловещей тишине, вернул Меллори и растянулся во весь рост на своей койке.

-- О Боже! ~ произнес он и впал в состояние прострации.

-- Лучше не скажешь, -- согласился Меллори. Он выразительно покачал головой и повернулся к Райану. -- Простите, сэр, но нам придется попросить у вас три вещи. Резиновую лодку, портативный передатчик и срочное возвращение на Наварон. Проследите, пожалуйста, чтобы передатчик был настроен на постоянно контролируемую вашими радистами частоту. Когда получите сигнал "СИ", передайте в Каир.

-- "СИ"? -- переспросил Райан.

-- Вот именно.

-- И это все?

-- Не помещала бы еще бутылка бренди,-- сказал Миллер.-- У нас впереди нелегкая ночь. Райан вопросительно вскинул брови:

-- Пять звездочек, капрал, если я вас правильно понял?

-- Неужели,-- угрюмо заметил Миллер,-- у вас хватит духа предложить три звездочки человеку, идущему на верную смерть?

Мрачный прогноз Миллера по поводу своей безвременной кончины, по крайней мере, в эту ночь не оправдался. Даже предполагаемые лишения на поверку обернулись лишь незначительными неудобствами.

К тому времени, когда "Сирдар" приблизился к скалистому берегу Наварена на минимально безопасное расстояние, небо заволочло тучами, задул зюйд-вест и хлынул ливень. И неудивительно, что Меллори с Миллером порядком промокли, пока гребли от корабля к берегу. Еще менее удивительным оказалось то, что на берегу они очутились в совершенно плачевном виде, ибо коварная волна, накатываясь на берег, перевернула резиновое суденышко, вынудив их принять морские ванны. Ничего страшного при этом не произошло, так как снаряжение -- два "Шмайссера", радиопередатчик и фонари -- было надежно спрятано в водонепроницаемых мешках и не пострадало. "В конце концов,-- подумал Меллори,-- почти идеальная высадка по сравнению с предыдущей, когда мы подплыли к Наварону на лодке и штормовая волна разбила ее в щепы о неприступную вертикальную скалу Южного Мыса".

Скользя и спотыкаясь, не скупясь на крепкие выражения, они упрямо взбирались по мокрой гальке и скользким валунам, пока на их пути ни встала почти отвесная каменная стена. Меллори достал фонарь и принялся внимательно изучать склон, освещая его узким, как жало, лучом. Миллер тронул его за рукав.

-- Мы не слишком рискуем? Я имею в виду фонарь.

-- Никакого риска,-- отозвался Меллори.-- Сегодня ночью на берегу нет ни одного солдата. Они все тушат пожары в городе. Кроме того, кого им бояться? Ведь мы -- перелетные птицы. Сделали дело и улетели. Только сумасшедшему взбредет в голову снова вернуться на остров.

-- Кто мы такие, я и сам знаю,-- выразительно произнес Миллер.-- В подсказке не нуждаюсь.

Меллори усмехнулся и продолжал осмотр. Вскоре он обнаружил то, что искал: изломанную расщелину в скале, по дну которой струился ручей. Вместе с Миллером они начали карабкаться вверх вдоль его русла, по скользкой глине и осыпающимся камням. Через пятнадцать минут они выбрались на плато и с трудом перевели дыхание. Миллер запустил руку за пазуху, покопался там, и спустя мгновение его тяжелое дыхание сменилось булькающими звуками.

-- Что ты делаешь? -- спросил Миллер.

-- У меня зуб на зуб не попадает от холода. А что значит "готовность Но 3", как думаешь?

-- Никогда таких указаний не получал. Но что это значит, знаю: кому-то где-то угрожает смертельная опасность.

-- Как минимум двое для такого задания мне известны. А что, если Андреа не согласится? Он ведь не наш офицер и не обязан идти с нами. Кроме того, он собирался жениться.

-- Андреа пойдет! -- в тоне Меллори не было и тени сомнения.

-- Почему ты так уверен?

-- Потому, что он -- единственный из всех, кого я знаю,-- обладает чувством абсолютной ответственности. И за других, и за себя самого. Вот почему он вернулся на Наварон -- знал, что нужен. И сразу же покинет Наварон, как только увидит сигнал "готовность Но 3" -- поймет, что где-то нужен еще больше.

Миллер забрал бутылку бренди у Меллори и водворил ее на прежнее место.

-- Знаешь, что я тебе скажу? Будущей супруге Андреа Ставроса это не очень понравится.

-- Да и сам Андреа Ставрос не будет в восторге. Мне совсем не хотелось бы портить ему настроение,-- заметил Меллори. Он

взглянул на светящийся циферблат своих часов.--- Через полчаса будем в Мандракосе.

Ровно через тридцать минут, сняв водозащитные чехлы со "шмайссеров", Меллори и Миллер бесшумно, короткими перебежками от дерева к дереву, пробирались сквозь оливковую рощу на окраине селения Мандракос. Внезапно совсем рядом они услышали звук, который невозможно ни с чем спутать,-- звяканье стакана о горлышко бутылки.

Оба настолько привыкли к неожиданностям, что среагировали одновременно: молча опустились на землю и продолжали двигаться ползком. Миллер с удовлетворением втянул носом воздух -- у греческого самогона узо удивительно сильный дух.

Спрятавшись на опушке за низкорослым кустарником, Меллори и Миллер осторожно выглянули из укрытия.

Двое, сидящие под деревом на поляне, судя по расшитым тесьмой жилетам, широким поясам и причудливым шляпам, были местными жителями. Судя по винтовкам, лежащим на коленях, они что-то охраняли. Бутылка, из которой разливали остатки самогона, свидетельствовала о том, что к своим обязанностям они относятся не слишком серьезно.

Меллори и Миллер отползли назад, укрываясь уже не так тщательно, как прежде. Поднялись, взглянули друг на друга. Комментарии были излишни. Меллори пожал плечами и пошел вперед, обходя поляну справа. Еще дважды, пока они перебежками от дерева к дереву и от дома к дому пробирались в центр Мандракоса, им встречались подобные часовые, также все довольно своеобразно трактующие поставленную перед ними задачу. Миллер потянул Меллори за рукав и спросил шепотом:

-- Что отмечают наши друзья?

-- Разве не понятно? Наварон теперь не представляет для немцев интереса. Через неделю их здесь вообще не останется.

-- Зачем же в таком случае выставить караул? -- Миллер кивнул в сторону стоящей посреди площади греческой православной церквушки. Изнутри доносился приглушенный шум голосов, а сквозь небрежно затемненные окна на улицу проникал свет.

-- Может быть, в этом причина?

-- Есть только один способ выяснить, -- сказал Меллори.

Они двинулись вперед, используя все возможные меры предосторожности, пока не оказались под надежным прикрытием древних церковных стен. Прямо перед ними высилось довольно тщательно занавешенное окно. Лишь узкая полоска света пробивалась на уровне подоконника. Они прильнули глазами к щели.

Изнутри церковь казалась еще более древней, чем снаружи. Высокие, некрашенные скамьи из потемневшего многовекового струганного дуба были отполированы до блеска многими поколениями прихожан. Время не пощадило дерево, и оно было испещрено глубокими трещинами. Создавалось впечатление, что белые оштукатуренные стены и потолок готовы обрушиться в любой момент.

Местные жители всех возрастов, мужчины и женщины, некоторые в национальных праздничных костюмах, заполнили все свободные места в церкви. Светло было от сотен зажженных свечей причудливой формы, закрепленных вдоль стен и алтаря. У алтаря невозмутимо ждал чего-то седобородый священник в позолоченных одеждах.

Меллори и Миллер вопросительно посмотрели друг на друга и собирались уже разогнуться, когда сзади раздался очень низкий и очень спокойный голос:

--Руки на затылок,--- вежливо произнес он.-- И без шуток. У меня "шмайссер".

Медленно и очень осторожно Меллори и Миллер выполнили команду.

-- Теперь повернитесь. Спокойно.

Они повернулись. Миллер взглянул на темную массивную фигуру, в руках которой действительно, как обещано, был автомат, и раздраженно сказал:

-- Если не трудно, убери эту штуковину. Неизвестный от неожиданности крикнул, опустил автомат и наклонился вперед. На

темном, словно вырубленном из камня, лице едва заметно промелькнуло удивление. Но подолгу Андреа Ставрос удивляться не привык, поэтому лицо его мгновенно приняло обычный невозмутимый вид.

-- Немецкая форма сбита с толку,-- произнес он, извиняясь.

-- Твой костюм меня бы сбил с толку,-- заметил Миллер и скептически оглядел Андреа: высокие черные сапоги, того же цвета неправдоподобно широкие галифе, вычурно расшитый жилет, ярко-красный широкий пояс. Миллер передернулся и прикрыл глаза.-- Собрался к местному старьевщику?

-- Праздничный наряд моих предков,-- с достоинством ответил Андреа.

-- А вы что, выпали за борт?

-- Не совсем по своей воле,-- ответил Меллори.-- Вернулись, чтобы с тобой повидаться.

-- Могли бы выбрать более удачное время.-- Он посмотрел в сторону небольшого дома на противоположной стороне улицы.-- Может, поговорим там?

Пропустив их вперед, Андреа закрыл дверь. Судя по спартанской обстановке и расставленным в ряд скамейкам, комната служила местом проведения общественных собраний. Деревенский клуб. Свет трех коптящих керосиновых ламп весело отражался на многочисленных винных бутылках и стаканах, которыми были вплотную уставлены два длинных стола. Тарелки с незамысловатой закуской свидетельствовали о том, что торжество импровизированное и готовилось на скорую руку. Но изобилие питья возвещало о явном желании компенсировать недостаток качества избытком количества.

Андреа подошел к ближайшему столу и взялся разливать Узо по стаканам. Миллер вытащил заветную бутылку бренди и протянул Андреа, но тот был слишком увлечен процессом. Каждый получил свой стакан.

-- Будем здоровы!*-- Андреа осушил стакан и решил продолжить разговор.-- Ты ведь не зря вернулся, старина Кейт?

В ответ Меллори достал радиogramму и вручил ее Андреа. Тот прочитал текст и нахмурился.

-- Я правильно понимаю, что значит "готовность No 3"?

Меллори опять промолчал и только кивнул, пристально глядя на Андреа.

-- Меня это не устраивает,-- он нахмурился еще больше.-- И очень у меня много дел на Навароне. Я нужен людям здесь.

-- Можно подумать, что это меня устраивает! -- подхватил Миллер.-- Сколько полезного я бы сделал в лондонском Вест-Энде! По мне там давно скучают. У любой официантки можете спросить. Да что уж теперь.

Андреа невозмутимо промолчал и посмотрел на Меллори.

-- А ты что скажешь?

-- Мне нечего сказать.

Недовольство на лице Андреа сменилось выражением угрюмого раздумья. Он помедлил и снова потянулся к бутылке Узо. Миллера слегка передернуло.

-- Прошу,-- протянул он бутылку бренди. Андреа едва заметно улыбнулся, впервые с момента встречи, и плеснул всем понемногу благородного напитка. Затем он еще раз перечитал радиogramму и вернул ее Меллори.

-- Мне нужно подумать. Есть одно неотложное дело.

Меллори вопросительно взглянул на него.

-- Я должен быть на свадьбе.

-- На свадьбе? -- вежливо переспросил Миллер.

-- Представь себе, на свадьбе.

-- Надо же! -- пожал плечами Миллер,-- В такое время, ночью?

-- Для некоторых жителей Наварона,-- сухо заметил Андреа, -- ночь -- единственное безопасное время суток.-- Он резко повернулся, подошел к двери и остановился в нерешительности.

-- А кто женится? -- любопытствовал Меллори.

Вместо ответа Андреа вернулся к столу, налил себе добрых полстакана бренди, залпом выпил, пригладил пятерней густую черную шевелюру, подтянул пояс, расправил плечи и уже гораздо

решительней зашагал к двери. Меллори и Миллер молча проводили его взглядом, а когда дверь за ним закрылась, так же молча уставились друг на друга. Минут пятнадцать спустя они все еще пялили друг на друга глаза, теперь уже с выражением легкого изумления.

Происходило это в церкви, где они сидели, примостившись на самой дальней от алтаря скамье. Свободных мест больше не было. До алтаря было не меньше шестидесяти футов, но благодаря своему высокому росту и сравнительно удачному расположению мест они хорошо видели все происходящее.

По правде говоря, смотреть было уже не на что. Церемония окончилась. Православный священник торжественно благословил новобрачных, и Андреа с Марией, девушкой, показавшей им дорогу в крепость Наварена, повернули с соответствующим обстановке достоинствам к выходу. Андреа наклонился и прошептал что-то на ухо Марии. Лицо его при этом светилось нежностью и заботой. Но, видимо, смысл слов не вполне соответствовал выражению лица, поскольку между новобрачными сразу вспыхнула перебранка. Правда, назвать это перебранкой было бы не совсем верно, ибо бранилась только Мария. Гневно сверкая черными глазами и выразительно жестикулируя, она даже не пыталась понизить голос, чтобы скрыть свое возмущение. Андреа же с видом побитой собаки умоляюще заглядывал ей в глаза и безуспешно пытался сдержать шквал обрушившейся на него ярости. Изредка он жалобно поглядывал по сторонам, как бы извиняясь перед присутствующими. Лица гостей выражали разнообразную гамму чувств: от недоумения до полного замешательства и откровенного страха. Очевидно, этот спектакль показался всем весьма необычным послесловием к свадебной церемонии.

В тот момент, когда новобрачные поравнялись со скамьей, на которой сидели Меллори и Миллер, эта своеобразная беседа достигла своего апогея. Андреа прикрыл рот рукой, наклонился к Меллори.

-- Это, -- прошептал он с гордостью, -- наша первая семейная сцена.

Больше ему ничего не дали сказать. Властно взяв мужа под руку, Мария буквально выволокла его из церкви,

Даже после того, как они исчезли из виду, голос Марии, отчетливый и громкий, был хорошо слышен всем присутствующим в церкви. Миллер наконец отвел глаза от дверного проема и задумчиво посмотрел на Меллори.

-- Очень экспансивная девушка. Жаль, я не понимаю по-гречески. Интересно, что она говорила? Лицо Меллори оставалось невозмутимым:

-- А как же наш медовый месяц?

-- Понятно, -- так же невозмутимо протянул Миллер. -- Может, нам лучше пойти за ними?

-- Зачем?

-- Андреа сильнее кого-либо, -- Миллер, как всегда, не преувеличивал, -- Но, по-моему, сейчас противник ему не по зубам.

Меллори понимающе улыбнулся и направился к выходу. За ним -- Миллер, а за Миллером -- толпа гостей, сгорающих от естественного желания не упустить второй акт этого незапланированного спектакля. Но деревенская площадь перед церковью была пустыня.

Меллори не раздумывал. Опыт долгого общения с Андреа безошибочно подсказал ему дорогу к дому, где совсем недавно тот потряс их своим неожиданным сообщением. Предчувствие его не обмануло. Андреа, со стаканом бренди в руке, потирал щеку, на которой алело внушительное пятно. Он поднял глаза на Меллори и Миллера.

-- Она ушла к своей матери, -- угрюмо сообщил он.

Миллер посмотрел на часы.

-- Через минуту и двадцать пять секунд после свадьбы, -- восхищенно произнес он, -- Мировой рекорд.

Андреа нахмурился, но тут быстро нашелся Меллори:

-- Значит, ты идешь с нами?

-- Конечно, -- буркнул Андреа. Он с раздражением смотрел на

ввалившуюся толпу. Гости, бесцеремонно расталкивая друг друга, ринулись к уставленным бутылками столам, словно изнуренные жаждой верблюды к заветному оазису в пустыне.

-- Кто-то ведь должен за вами присматривать. Меллори посмотрел на часы.

-- До отлета три с половиной часа. Мы умираем от усталости, Андреа. Где бы поспать? Но только в безопасном месте. Твоя охрана пьяна в стельку.

-- Они не просыхают с тех пор, как крепость взлетела на воздух,-- сказал Андреа.-- Пойдемте, я проведу вас.

Миллер посмотрел на местных жителей, которые, весело переговариваясь, целиком сосредоточились на содержимом многочисленных бутылок.

-- А как же твои гости?

-- Что с ними будет? -- Андреа обвел мрачным взглядом своих соотечественников.-- Взгляните на них. Вы когда-нибудь бывали на свадьбе, где хоть кому-то было дело до жениха и невесты? Пошли.

Они направились к югу и скоро вышли за пределы Мандракоса. Дважды их останавливал патруль, и дважды сердитое ворчание Андреа быстро возвращало стражу к вождленным бутылкам. Дождь продолжал лить как из ведра, но Меллори и Миллер уже так промокли, что им было все равно. Что касается Андреа, он, похоже, просто не замечал дождя.

Минут через пятнадцать Андреа остановился перед распахнутой дверью маленького, полуразвалившегося и, очевидно, заброшенного сарая у обочины дороги.

-- Там, внутри, сено,-- сказал он.-- Здесь мы будем в безопасности.

-- Прекрасно,-- сказал Меллори.-- Сейчас передадим на "Сирдар", чтобы радиовали в Каир, а потом...

-- При чем тут Каир? -- спросил Андреа.

-- Каир должен знать, что мы тебя нашли и готовы к переброске... А потом можно целых три часа спать спокойно.

Андреа кивнул:

-- Три часа осталось.

-- Целых три часа,--мечтательно повторил Меллори.

Суровое лицо Андреа расплылось в улыбке. Он дружески похлопал Меллори по плечу.

-- Такой человек, как я, за три часа может многое успеть.

Он повернулся и вскоре скрылся в темноте. Меллори и Миллер, не говоря ни слова, проводили его глазами, затем так же молча переглянулись и вошли в сарай.

Ни одна авиационная служба мира не решилась бы зарегистрировать аэродром Мандракоса. Окруженная со всех сторон холмами узкая полоска земли длиной чуть более полумили служила взлетнопосадочной полосой. Обилие ухабов и ям гарантировало поломку шасси самолета любой конструкции. Однако британские ВВС уже использовали этот аэродром раньше. Поэтому возможность еще одной попытки не исключалась.

С юга к аэродрому примыкала роща фиговых деревьев. Под их ненадежным укрытием теперь и расположились Меллори, Миллер и Андреа. Первые двое, сжавшись в комок, дрожали от холода в насквозь промокнутой одежде, зато Андреа, не обращая внимания на дождь, растянулся на траве во весь рост, подложил руки под голову и мечтательно смотрел в небо. Лицо его выражало неподдельное удовлетворение.

-- А вот и они,-- сказал Андреа.

Меллори и Миллер прислушались и вскоре тоже узнали характерный гул моторов приближающихся самолетов. Через минуту из-за северной гряды появилась эскадрилья из восемнадцати тяжелых "Веллингтонов", отчетливо видимых на сером фоне предрассветного неба. Они на бреющем полете прошли прямо над аэродромом, держа курс на город Наварон. Еще через пару минут послышались взрывы, и яркое зарево заалело на темном небе. Это "Веллингтоны" сбросили свой груз на остатки крепости. Редкие следы трассирующих пуль, выпущенных явно из ручного оружия, свидетельствовали о слабости противовоздушной обороны города. Удивляться этому не приходилось. Крепость взлетела на воздух

вместе со всеми зенитными батареями города. Атака была мощной и мгновенной. Не прошло и двух минут с начала бомбардировки, как взрывы прекратились и самолеты, развернувшись, взяли курс на запад и скрылись за горизонтом.

Еще минуту все трое смотрели им вслед, пока Миллер не нарушил молчание:

-- С чего это нам такие почести?

-- Представления не имею, -- откликнулся Меллори. -- Но думаю, что ничего приятного это нам не сулит.

-- Теперь уже недолго ждать. -- Андреа обернулся и посмотрел в сторону южных гор. -- Слышите?

Никто ничего не слышал, но сомневаться в способностях Андреа не приходилось. Его слух был столь же безупречен, как и его феноменальное зрение. Теперь и они уже могли различить приглушенный звук мотора. Одиноким бомбардировщик, неизменный "Веллингтон", вынырнув из темноты, сделал круг над полосой в то время, как Меллори подавал фонарем условные знаки, и стал заходить на посадку. Приземлившись в дальнем конце полосы, самолет, угрожающе вздрагивая на ухабах, остановился в сотне ярдов от ожидавших его людей.

-- Прошу запомнить, -- обратился к товарищам Андреа. -- Я обещал вернуться через неделю.

-- Никогда ничего не обещай, -- сурово заметил Миллер. -- А что, если мы через неделю не вернемся? Вдруг нас перебросят на Тихий океан?

-- Вот и объяснишь это Марии. Миллер покачал головой.

-- Так мы не договаривались.

-- О твоей трусости мы порассуждаем позже, -- перебил его Меллори. -- Пошли скорее. Они побежали к ожидавшему самолету. Прошло полчаса с тех пор, как "Веллингтон" взял курс на неизвестную пассажирам точку назначения. Андреа и Миллер, с чашками кофе в руках, безуспешно пытались поудобней устроиться на жестких соломенных тюфяках в среднем отсеке бомбардировщика, когда Меллори вышел из пилотской кабины. Миллер посмотрел на него с унылой покорностью. Энтузиазм

и жажда приключений в его взгляде отсутствовали полностью.

-- Ну, и что тебе удалось выяснить? -- по тону, которым был задан вопрос, было совершенно ясно, что ничего хорошего от Меллори не ожидалось, -- Куда теперь? На остров Родос или в Бейрут? А может быть, сразу в райские кущи?

-- Этот парень сказал -- в Термоли.

-- Термоли, говоришь? Всю жизнь мечтал там побывать. -- Миллер сделал паузу. -- Где это Термоли, черт бы его побрал?

-- По-моему, в Италии. Где-то на южном берегу Адриатики.

-- Только не это! -- Миллер повернулся к стене и натянул одеяло на голову. -- Терпеть не могу спагетти!

ГЛАВА 2. ЧЕТВЕРГ. 14.00--23.30

Посадка в Термоли, на адриатическом побережье южной Италии, была точно такой же тряской, как печальной памяти взлет с полосы Мандракоса -- База истребителей в Термоли гордо и оптимистично значилась в официальных документах сданной в эксплуатацию, однако достроить ее явно не удалось, судя по зверскому козлу при соприкосновении с землей и заячьим прыжкам самолета при пробеге к недостроенной контрольной вышке в восточной части летного поля.

Меллори и Андреа, ступившие наконец с трапа самолета на земную твердь, выглядели не слишком лучезарно. Что касается Миллера, знаменитого патологическим неприятием любого известного вида транспорта, то смотреть на него было просто жалко. Но ни попросить, ни тем более получить компенсации он не успел. Пятнистый "джип" с опознавательными знаками 5-й британской армии уже подрулил к самолету. Сидевший за рулем сержант, быстро проверив документы, молча пригласил их в

машину. Он так и не раскрыл рта, пока они колесили по улицам изуродованного войной Термоли. Это не удивило Меллори. Очевидно, шоферу было категорически запрещено с ними разговаривать. С подобной ситуацией Меллори приходилось сталкиваться неоднократно. Его группа принадлежала к редкой касте "неприкасаемых". За исключением двух -- трех человек, никто не имел права заговорить с ними. Такое положение, понятное и обоснованное по своей сути, с годами было все труднее переносить. Вынужденная изоляция от окружающих действовала на нервы.

Через двадцать минут джип подъехал к одиноко стоящему зданию на окраине Термоли. Шофер отдал честь часовому у дверей. Тот ответил небрежным приветствием. Меллори расценил это как свидетельство того, что они прибыли к месту назначения. Чтобы не заставлять шофера нарушать обет молчания, он сам, без приглашения, открыл дверцу и выбрался из машины. Остальные последовали его примеру. "Джип" тотчас уехал.

Дом, а скорее небольшой дворец, являл собой прекрасный образец архитектуры позднего Возрождения. Однако Меллори интересовали не внешние достоинства дворца, а то, что их ожидало внутри. В конце мраморной лестницы, ведущей к резным дверям, перед ними возник часовой в чине капрала, с автоматом наизготовку. По виду он напоминал школьника, сбежавшего с уроков.

-- Фамилия!

-- Капитан Меллори.

-- Документы?

-- Боже, -- застонал Миллер, -- меня тошнит.

-- У нас нет документов, -- вежливо сказал Меллори. --

Пропустите нас, пожалуйста.

-- Не положено.

-- Понятно, понятно, -- успокоил его Андреа. Затем наклонился, легко, без видимого напряжения вырвал автомат из рук ошарашенного капрала, вынул обойму, положил в карман и вернул автомат часовому, -- А теперь прошу.

Пунцовый от ярости капрал застыл на мгновение в нерешительности, внимательно осмотрел всех троих, распахнул дверь и жестом пригласил следовать за ним.

Перед ними открылся длинный, отделанный мрамором коридор, с высокими окнами по одну сторону. На другой стороне, в простенках между обитыми кожей двойными дверями, висели картины в золоченых рамах. Они уже прошли половину коридора, когда Андреа похлопал по плечу идущего впереди капрала и "не говоря ни слова, вернул обойму. Капрал еле заметно улыбнулся и тоже молча вставил ее на место. Шагов через двадцать он остановился у двери в конце коридора и постучал. Услышав произнесенное сквозь зубы согласие, он распахнул дверь и отступил в сторону, пропуская гостей. Затем все так же молча прикрыл за ними дверь и, видимо, удалился.

Комната, обставленная со средневековой роскошью, вероятно, служила гостиной. Тяжелые парчовые портьеры спускались до самого пола, выложенного темным дубовым паркетом. Массивные кресла были обиты кожей. На стенах висели полотна несомненно старых мастеров. В глазах рябило от обилия бронзовых украшений. Пожалуй, даже привередливый итальянский аристократ, очутившись здесь, не стал бы презрительно морщить нос.

Внушительных размеров камин, в котором свободно можно было бы зажарить крупного быка, находился в противоположном конце гостиной. Весело потрескивающие сосновые поленья наполняли комнату тонким хвойным ароматом. У камина стояли трое молодых людей, внешне выгодно отличавшихся от недотепы-капрала. Они были постарше, крепко сбитые, широкоплечие и производили впечатление хорошо тренированных парней, уже побывавших в переделках. Форма морской пехоты была им явно к лицу.

Но ни роскошная обстановка, ни невеста откуда взявшиеся морские пехотинцы не производили впечатления на Меллори и его друзей. Их пристальное внимание привлек еще один человек, появившийся в комнате. Высокий, плотный, он склонился над столом. Мужественное лицо, изрезанное морщинами, властный

проницательный взгляд, роскошная седая борода -- он был как бы списан с портрета типичного британского капитана, каковым, собственно говоря, и являлся, судя по безупречно белоснежному кителю. С замиранием сердца Меллори, Андреа и Миллер уставились с очевидным отсутствием восторга на пиратскую фигуру капитана ВМФ Дженсена, руководителя разведки союзников в Средиземноморье, человека, который недавно отправил их с самоубийственной миссией на остров Наварон. Они многозначительно переглянулись и обреченно вздохнули.

Капитан Дженсен выпрямился в ослепительной улыбке, напоминающей тигриный оскал, и, приветственно вскинув руки, шагнул к ним навстречу.

-- Меллори! Андреа! Миллер! -- после каждого имени следовала театральная пятисекундная пауза.-- У меня нет слов! Просто нет слов! Великолепно потрудились, великолепно...--Он запнулся и внимательно посмотрел на вошедших.-- А вы, похоже, не очень удивлены нашей встрече, капитан Меллори?

-- Поймите меня правильно, сэр. Только когда появляется какая-нибудь грязная работенка, о нас вспоминают...

-- Да, да, понимаю... Кстати, как ваше самочувствие?

-- Устали,-- твердо заявил Миллер.-- Смертельно устали. Необходим отдых. По крайней мере мне.

-- Именно это вас и ожидает, мой друг,-- серьезным тоном произнес Дженсен.-- Продолжительный отдых. Весьма продолжительный.

-- Весьма продолжительный? -- во взгляде Миллера сквозило откровенное недоверие.

-- Конечно.-- Дженсен на мгновение замешкался, пригладил бороду.-- И немедленно... как только вернетесь из Югославии.

-- Югославия? -- Миллер явно не ожидал такого оборота.

-- Сегодня же ночью.

-- Сегодня!

-- Парашютный десант.

-- Парашютный десант!

-- Я знаю, капрал Миллер,-- сдержанно заметил Дженсен,-- что вы получили классическое образование и, кроме того, только что вернулись из Греции. Тем не менее мы могли бы обойтись без рефренов, столь характерных для древнегреческого хора, если вы не против.

Миллер угрюмо посмотрел на Андреа.

-- Накрылся твой медовый месяц.

-- В чем дело? -- строго спросил Дженсен.

-- Солдатская шутка, сэр.

Меллори попытался робко протестовать.

-- Вы забываете, сэр, что никто из нас не прыгал с парашютом.

-- Я ничего не забываю. Всегда когда-то надо начинать. Что вы знаете о войне в Югославии, джентльмены?

-- Какой войне? -- осторожно переспросил Андреа.

-- Я так и думал,-- с удовлетворением констатировал Дженсен.

-- Я кое-что слышал,-- вызвался Миллер.-- Группа, как их там называют, партизан, что ли, ведет подпольную борьбу с немецкими оккупационными войсками.

-- Вам здорово повезло,-- сурово сказал Дженсен,-- что эти партизаны вас не слышат. Какое там подполье! По последним сведениям, в Югославии триста пятьдесят тысяч партизан сдерживают двадцать восемь немецких дивизий.-- Он сделал паузу.-- Это больше, чем противостоит союзным войскам здесь, в Италии.

-- Откуда было мне знать,-- посетовал Миллер и вдруг оживился.-- Раз их там целых триста пятьдесят тысяч, зачем еще мы им понадобились?

-- Вам пора научиться сдерживать эмоции, капрал,-- едко заметил Дженсен.-- Партизаны сами знают, что им делать. Они ведут бои в тяжелейших, пожалуй, самых суровых сегодня условиях в Европе. Беспощадная, жестокая битва за каждую пядь земли. Оружие, боеприпасы, продукты, одежда -- всего этого партизанам отчаянно не хватает. Но эти двадцать восемь немецких дивизий

они зацепили крепко.

-- Всю жизнь мечтал им помочь, -- пробурчал Миллер.

-- Что от нас требуется, сэр? -- перебил его Меллори.

Дженсен смерил Миллера ледяным взглядом:

-- Мало кто отдаст себе отчет в том, что югославы -- наши самые главные союзники на юге Европы. Их война -- наша война. У них нет шансов на победу, если только...

-- Если только мы им не поможем, -- понимающе кивнул Меллори.

-- Совершенно верно, хотя и неоригинально. Им нужно помочь. На сегодняшний день мы -- единственные, кто может снабжать их оружием, боеприпасами, одеждой и медикаментами. Но грузы не доходят до цели. -- Он повернулся и стремительно подошел к висящей на стене карте Европы. -- Центральная Югославия, Босния и Герцеговина, джентльмены, -- конец бамбуковой указки, казалось, готов был просверлить карту насквозь. -- За последние два месяца мы предприняли четыре попытки переправить груз партизанам. Все связанные бесследно исчезли. Девяносто процентов снаряжения, сброшенного с самолетов, попало в руки фашистов. Они подобрали ключ к нашим радиошифрам и создали широкую агентурную сеть здесь, на юге Италии, у нас под носом. Как им это удалось? Вот в чем вопрос, джентльмены. Жизненно важный вопрос. Мне необходим ответ. "Десять баллов" этот ответ добудут.

-- Десять баллов? -- вежливо переспросил Меллори.

-- Кодовое название вашей операции.

-- Почему такое странное название? -- спросил Андреа.

-- Ничего странного. Вы когда-нибудь слышали, чтобы название операции имело прямое отношение к сути дела? В этом весь фокус, дорогой мой.

-- Я надеюсь, это название не подразумевает штыковую атаку или штурм крепости, -- ледяным тоном произнес Меллори. Дженсен и бровью не повел. Тогда Меллори продолжил: -- По шкале Бофорта 10 баллов означают шторм.

-- Шторм! -- Казалось бы, трудно выразить в одном слове удивление и скорбь одновременно, но Миллеру это удалось. -- Боже мой! А я всю свою жизнь мечтаю о штиле!

-- Даже моему терпению есть предел, капрал Миллер, -- в голосе Дженсена появились угрожающие нотки. -- Я могу, повторяю, именно могу отменить свое сегодняшнее распоряжение по вашему поводу!

-- По моему поводу? -- настороженно переспросил Миллер.

-- Представление к медали "За выдающиеся заслуги".

-- Она будет прекрасно смотреться на крышке моего гроба, -- мрачно буркнул Миллер.

-- Что вы сказали?

-- Капрал Миллер хотел выразить благодарность командованию, -- Меллори подошел к карте вплотную. -- Босния и Герцеговина -- это довольно большая территория, сэр.

-- Согласен. Но мы с точностью до двадцати миль знаем место, где произошли столь неприятные для нас пропажи груза.

Меллори отвернулся от карты и медленно произнес:

-- Подготовка проведена внушительная. Утренний налет на Наварон. Бомбардировщик для нашей переправки сюда. И все это, как я понял из ваших слов, для того, чтобы немедленно приступить к выполнению операции. Значит, все было известно заранее?

-- Мы разрабатываем план этой операции уже почти два месяца. Предполагалось, что вы прибудете сюда за несколько дней, но... вы сами знаете, как получилось.

-- Мы знаем. -- Угроза лишиться медали не охладила пыл Миллера. -- Возникли некоторые непредвиденные обстоятельства. Послушайте, сэр, а при чем тут мы? Это работа для опытных разведчиков, а не специалистов по диверсиям, взрывам и рукопашному бою. Мы ведь даже не говорим на сербско-хорватском или как там его называют...

-- Позвольте мне самому решать, -- Дженсен опять продемонстрировал им свой тигриный оскал. -- Кроме всего прочего, вам всегда везет.

-- Удача отворачивается от усталого человека, -- заметил Андреа.-- А мы действительно очень устали.

-- Устали или нет, а мне не найти другой команды в Южной Европе, способной конкурировать с вами в профессиональной подготовке и опыте.-- Дженсен опять улыбнулся.-- И везении. Мне приходится быть жестоким, Андреа. Мне это не по душе, но я вынужден. Я понимаю, что вы устали. Поэтому я и решил дать вам подкрепление.

Меллори посмотрел на трех молодых солдат, стоящих у камина, потом перевел взгляд на Дженсена. Тот утвердительно кивнул.

-- Они молоды, полны сил и желания их применить. Коммандос -- самые квалифицированные солдаты на сегодняшний день. Очень многое умеют, уверяю вас. Возьмите, например, Рейнольдса,-- Дженсен кивнул в сторону высокого, темноволосого сержанта лет тридцати, смуглого, с крупными чертами лица.-- Умеет делать все, от подводных взрывных работ до управления самолетом. Кстати, сегодня он будет сидеть за штурвалом. Кроме того, сами видите, он может пригодиться, когда нужно будет поднести что-нибудь тяжелое.

Меллори сухо заметил:

-- Мне всегда казалось, что лучшего носильщика, чем Андреа, не найти.

Дженсен обернулся к Рейнольдсу:

-- У них возникли сомнения. Продемонстрируйте свои способности.

Рейнольдс помедлил, потом наклонился и взял в руки массивную бронзовую кочергу, стоящую у камина. Согнуть ее было совсем не просто. Лицо его побагровело, на шее вздулись желваки, руки подрагивали от напряжения. И все же медленно, но неумолимо кочерга сгибалась, превращаясь в гигантскую подкову. С виноватой улыбкой Рейнольдс передал кочергу Андреа. Тот нехотя принял ее. Согнул плечи, напрягся так, что костяшки пальцев, сжимающих кочергу, на глазах побелели. Однако металл не поддавался. Кочерга упрямо не желала принимать первоначальную форму. Андреа смерил Рейнольдса оценивающим взглядом и медленно положил кочергу на прежнее место.

-- Это я и имел в виду,-- произнес Дженсен.-- Усталость. А вот сержант Гроувс. Прибыл к нам из Лондона через Ближний Восток. В прошлом -- авиационный штурман. Знаком с последними новинками в области диверсий, взрывных работ и электроники. Специалист по подслушивающим устройствам, бомбам-сюрпризам, часовым механизмам. Человек-миноискатель. И, наконец, сержант Саундерс --радист высочайшего класса.

-- А ты -- старый, беззубый лев, по которому живодерня плачет,-- обращаясь к Меллори, мрачно процедил Миллер.

-- Не говорите глупостей, капрал! -- резко сказал Дженсен.-- Шесть -- идеальное число. Вас подстрахуют со всех сторон. Парни знают свое дело. Без них вам не обойтись. Если это задевает ваше самолюбие, то хочу заметить, что они должны были идти не с вами, а после вас, в том случае, если... Ну, сами понимаете.

-- Понимаем,-- в тоне Миллера не было и намека на уверенность.

-- Все ясно?

-- Не совсем,-- сказал Меллори.-- Кто назначается старшим?

Дженсен искренне удивился:

-- Конечно, вы, что за вопрос!

-- Тогда так,-- Меллори говорил спокойно и доброжелательно.-- Насколько мне известно, сегодня в военной подготовке, особенно у коммандос, упор делается на инициативу, независимость, способность самостоятельно принимать решения. Это прекрасно, особенно если нашим друзьям представится возможность действовать в одиночку. -- Он выдал из себя улыбку. Видно было, что ему не по себе. -- Во всех других случаях я буду требовать строгого и безоговорочного подчинения приказам. Моим приказам. Мгновенно и беспрекословно.

-- В противном случае? -- спросил Рейнольдс.

-- Излишний вопрос, сержант. Вам хорошо известно, что

бывает за неподчинение боевому приказу в военное время.

-- На ваших друзей тоже распространяется это требование?

-- Нет.

Рейнольдс повернулся к Дженсену:

-- Мне это не нравится, сэр. Меллори устало опустился в кресло, закурил сигарету и кивнул в сторону Рейнольдса:

-- Замените его.

-- Что? -- Дженсен был не готов к такому повороту событий.

-- Я сказал, что его нужно заменить. Мы еще не вышли отсюда, а он уже подвергает сомнению мою точку зрения. Что же будет потом? Он опасен. Все равно что взять с собой бомбу замедленного действия.

-- Но послушайте, Меллори...

-- Либо он, либо я.

-- И я, -- тихо произнес Андреа.

-- И я тоже, -- присоединился Миллер. В комнате воцарилось напряженное молчание. Рейнольдс подошел к Меллори.

-- Сэр.

Меллори неодобрительно посмотрел в его сторону.

-- Простите меня, -- продолжал Рейнольдс. -- Я был не прав. Это больше никогда не повторится. Я очень хочу работать с вами, сэр.

Меллори перевел взгляд на Андреа и Миллера. На лице Миллера застыло неподдельное удивление. Энтузиазм Рейнольдса был ему непонятен. Невозмутимый, как всегда, Андреа еле заметно кивнул головой. Меллори улыбнулся.

-- Уверен, что капитан Дженсен в вас не ошибся, сержант Рейнольдс.

-- Вот и договорились. -- Дженсен сделал вид, будто ничего не случилось. -- Теперь -- спать. Но прежде мне хотелось бы услышать краткий отчет о событиях на Навароне. -- Он посмотрел в сторону морских пехотинцев. -- Вам придется оставить нас одних.

-- Слушаюсь, сэр, -- Рейнольдс вновь обрел уверенность. -- Разрешите пройти на летное поле, проверить готовность самолета и снаряжение.

Дженсен утвердительно кивнул. Как только дверь за десантниками закрылась, Дженсен подошел к боковой двери и приоткрыл ее: -- Заходите, генерал.

Вошедший был очень высок и худ. Вероятно, ему было лет тридцать пять, но выглядел он существенно старше. Переутомление, усталость, лишения, годы отчаянной борьбы за существование не прошли для него даром. Преждевременная седина, глубокие морщины на смуглом лице -- бесстрастные свидетели перенесенных страданий. Темные, блестящие глаза горели внутренним огнем. Такие глаза бывают у человека, фанатически преданного прекрасной, но пока недостижимой идее. На нем была форма британского офицера без погон и знаков различия.

Дженсен заговорил:

-- Познакомьтесь, джентльмены. Генерал Вукалович. Заместитель командующего партизанскими соединениями Боснии и Герцеговины. Вчера доставлен самолетом из Югославии под видом врача для организации поставок медикаментов партизанам. Его настоящее имя знаем только мы с вами. Генерал, это -- ваши люди.

Вукалович оглядел их изучающим взглядом. Лицо его было непроницаемым.

-- Эти люди устали, капитан Дженсен. Слишком многое поставлено на карту... Они не справятся.

-- Он абсолютно прав, -- с готовностью поддержал Миллер.

-- Они, конечно, немного устали с дороги, -- мягко произнес Дженсен. -- От Наварена путь неблизкий... Тем не менее...

-- Наварон? -- перебил его Вукалович. -- Эти трое -- те самые люди?..

-- Трудно в это поверить, я согласен.

-- Наверное, я был к ним несправедлив.

-- Абсолютно справедливы, генерал, -- вступил снова Миллер. -- Мы истощены. Мы совершенно ни на что не способны.

-- Прекратить разговоры, -- Дженсена трудно было сбить с толку. -- Капитан Меллори, кроме генерала и еще двух человек, в Боснии никому не будет известно, кто вы и какова истинная цель вашей экспедиции. Представит ли вам генерал этих двух, его дело. Кстати, генерал Вукалович одновременно с вами полетит в Югославию. Только на другом самолете.

-- Почему на другом? -- спросил Меллори.

-- Потому, что его самолет должен вернуться, а ваш -- нет.

-- Ясно, -- сказал Меллори. В наступившей тишине он, Андреа и Миллер пытались вникнуть в смысл последней фразы Дженсена. Погруженный в мысли, Андреа машинально подбросил дров в догорающий камин и оглянулся в поисках кочерги. Единственная кочерга в комнате, согнутая Рейнольдсом в подкову, сиротливо валялась у камина. Андреа поднял ее, рассеянно покрутил в руках, без видимых усилий разогнул, поворошил дрова и поставил на место, продолжая сосредоточенно хмуриться. Вукалович наблюдал за этой сценой, не отрываясь.

Дженсен продолжал:

-- Ваш самолет, капитан Меллори, не вернется потому, что им можно пожертвовать в интересах достоверности легенды.

-- Нами тоже придется пожертвовать? -- поинтересовался Миллер.

-- Вам не удастся ничего сделать, пока вы не окажетесь на земле, капрал Миллер. Там, куда вам надо попасть, ни один самолет не сядет. Поэтому вы -- прыгаете, а самолет -- разбивается.

-- Звучит очень достоверно, -- пробурчал Миллер. Дженсен пропустил это замечание мимо ушей.

-- Действительность на войне порой слишком сурова. Поэтому я и отослал троих молодых людей. Не хотелось остужать их энтузиазм.

-- А мой уже совсем остыл, -- скорбно заметил Миллер.

-- Помолчите же, наконец. Было бы все же неплохо узнать, почему восемьдесят процентов наших поставок попадает в руки фашистов. Хорошо также, если вам удастся обнаружить и освободить наших связных, захваченных немцами. Но это не самое главное. Этими грузами и даже связными можно пожертвовать в интересах дела. Но мы никак не можем пожертвовать жизнями семи тысяч людей, находящихся под командованием генерала Вукаловича. Семь тысяч партизан окружены гитлеровцами в горах Боснии, без боеприпасов, без продовольствия, без будущего.

-- И мы должны им помочь? -- мрачно спросил Андреа. -- Вшестером?

-- Во всяком случае, попытаться, -- откровенно ответил Дженсен.

-- Но у вас есть хотя бы план?

-- Пока нет. Только наметки. Общие идеи, не больше. -- Дженсен устало приложил руку ко лбу. -- Я сам всего шесть часов назад прилетел из Александрии. -- Он помедлил, потом пожал плечами. -- До вечера далеко. Кто знает, все еще может измениться. Несколько часов сна способны сотворить чудо. Но прежде всего -- отчет о наваронской операции. Вам троим не имеет смысла здесь оставаться, джентльмены. Думаю, что капитан Меллори один сможет удовлетворить мое любопытство. Спальные комнаты в противоположном конце коридора.

Меллори дождался, пока дверь за Вукаловичем, Андреа и Миллером закрылась, после чего спросил:

-- Как доложить, сэр?

-- Что именно?

-- О Навароне, естественно.

-- К черту Наварон. Дело кончено, о нем можно забыть. -- Он взял со стола указку и подошел к карте. -- Итак, начнем.

-- Значит, план все-таки существует? -- осторожно спросил Меллори.

-- Конечно, существует, -- бесстрастно подтвердил Дженсен и повернулся к карте. -- В десяти милях отсюда проходит линия Густава. Пересекает Италию вдоль рек Сангро и Лири. По этой линии немцы построили самые мощные на сегодняшний день оборонительные сооружения. Здесь, у Монте-Кассино, безуспешно

пытались прорваться лучшие дивизии союзников. А здесь, в Анцио, пятьдесят тысяч американцев стоят не на жизнь, а на смерть. Вот уже пять долгих месяцев мы, словно головой стену, пробиваем эту проклятую линию Густава. Наши потери в живой силе и технике невозможно сосчитать. И пока мы не продвинулись ни на дюйм.

-- Вы, кажется, что-то говорили о Югославии, сэр,-- неуверенно напомнил Меллори.

-- Я подхожу к этому,-- успокоил его Дженсен.-- Прорвать линию Густава можно, только ослабив немецкую оборону. А достичь этого можно, только убедив немцев оттянуть часть своих дивизий с линии фронта. Приходится использовать тактику Алленби.

-- Ясно.

-- Ничего вам не ясно. Генерал Алленби во время войны с турками в Палестине, в 1918 году, безуспешно пытался прорваться сквозь массивную линию обороны противника, протянувшуюся с запада на восток от Иордании до Средиземного моря. Тогда он пустился на хитрость. Собираясь прорываться на западном, убедил турков, что готовит атаку на восточном фланге обороны. Для этого он велел разбить огромный палаточный лагерь, в котором находилось всего несколько сот человек. В их задачу входило создавать впечатление кипучей активности во время разведывательных полетов противника. Разведке предоставлялась возможность наблюдать нескончаемое движение армейских грузовиков на востоке в течение всего дня. Конечно, туркам было невдомек, что та же колонна всю ночь двигалась в обратном направлении. Пришлось даже изготовить пятнадцать тысяч лошадей из брезента. Мы действуем в том же духе.

-- Шьете лошадиные чучела?

-- Весьма остроумно.-- Дженсен опять повернулся к карте.-- Все аэродромы между Термоли и Бари заполнены макетами бомбардировщиков и истребителей. Рядом с Фоей разбит гигантский военный лагерь, в котором всего двести человек контингента. Гавани Бари и Таранто буквально забиты десантными кораблями. Фанерными, разумеется. С утра до позднего вечера колонны танков и грузовиков движутся в направлении адриатического побережья. Будь вы, Меллори, в составе германского командования, какие бы выводы вы сделали из этого?

-- Я предположил бы подготовку воздушного и морского десанта в Югославию. С некоторой долей сомнения, разумеется.

-- Именно так отреагировали немцы,-- с удовлетворением заметил Дженсен.-- Они очень обеспокоены. Обеспокоены до такой степени, что уже перевели две дивизии из Италии в Югославию для отражения возможной атаки.

-- Но их мучают сомнения?

-- Уже почти нет.-- Дженсен откашлялся.-- Видите ли, у всех четверых наших связных, схваченных гитлеровцами, была на руках информация о готовящемся вторжении на территорию Югославии в начале мая.

-- Информацию была у них на руках...-- Меллори запнулся, пристально посмотрел на Дженсена и продолжил: -- А как немцам удалось схватить всех четверых?

-- Мы их предупредили.

-- Что?!

-- Мы никого не принуждали. Они шли добровольно,-- быстро пробормотал Дженсен. Очевидно, что даже ему было неприятно останавливаться на суровых реальностях войны.-- Ваша задача, мой мальчик, состоит в том, чтобы превратить сомнения в твердую уверенность.-- Подчеркнуто игнорируя замешательство Меллори, Дженсен развернулся к карте и ткнул указкой приблизительно в центр Югославии.-- Долина реки Неретвы,-- произнес он,-- Жизненно важный участок на пути с севера на юг Югославии. Тот, кто контролирует эту долину, держит контроль над всей страной, и немцам это известно не хуже нашего. Если готовится наступление, то главный удар должен быть нанесен именно здесь. Вопрос о вторжении в Югославию -- дело ближайшего будущего, и они понимают это. Больше всего их страшит возможность объединения сил союзников с русскими, наступающими с востока. Такая встреча, если ей суждено случиться, возможна только в этой долине. Они уже сосредоточили по берегам Неретвы две

бронетанковые дивизии. В случае вторжения эти две дивизии не продержатся и сутки. Отсюда, с севера, немцы пытаются перебросить в долину Неретвы целый армейский корпус, но для этого им нужно миновать перевал -- Клеть Зеницы. Другого пути нет. Именно здесь сосредоточены семь тысяч партизан генерала Вукаловича.

-- Вукалович в курсе дела? -- спросил Меллори.-- Он знает, что вы задумали?

-- Да. Так же, как и другие представители командования. Им понятна степень сложности и риска предстоящей акции. Они согласны.

-- У вас есть фотографии?

-- Прошу.-- Дженсен достал из ящика стопку фотографий, отобрал одну и положил на стол перед Меллори.-- Вот это -- так называемая Клеть Зеницы. Очень точное название: настоящая клетка, идеальная западня. С севера и запада -- непроходимые горы. С востока -- Неретвинское водохранилище и каньон. С юга -- река Неретва. К северу от Клетки, на перевале Зеницы, пытается пробиться одиннадцатый корпус германской армии. С запада, через ущелье, в Клеть Зеницы так же отчаянно рвутся отдельные части гитлеровцев. С юга, за рекой, под прикрытием леса расположились две бронетанковые дивизии генерала Циммермана.

-- А это что? -- Меллори обратил внимание на темную полосу, пересекающую русло реки чуть севернее места расположения немецких танковых дивизий.

-- Это,-- многозначительно произнес Дженсен,-- мост через Неретву.

Вблизи мост через Неретву выглядел куда более внушительно, чем на фотографии, сделанной с самолета. Массивная стальная громадина, увенчанная сверху темной полосой бетонной эстакады, возносилась над стремительными серо-зелеными валами бурной Неретвы. На южном берегу за узкой полоской прибрежного луга темнел густой сосновый лес. Под надежным его прикрытием притаились в напряженном ожидании две бронетанковые дивизии генерала Циммермана.

Искусно замаскированная командирская дивизионная радиостанция располагалась недалеко от реки, на опушке леса. Громоздкий длинный грузовик был неразличим уже с двадцати шагов.

Именно на этом грузовике в данный момент находились генерал Циммерман и его адъютант, капитан Варбург. Их настроение было под стать вечным сумеркам окружающего леса. Высокий лоб, орлиный профиль, благородные черты лица Циммермана никак не вязались с его беспокойством. Он с явным нетерпением сорвал с головы фуражку, судорожно пригладил седеющую шевелюру и обратился к сидящему за передатчиком радисту:

-- Неужели ничего до сих пор?

-- Никак нет, господин генерал.

-- Вы поддерживаете связь с лагерем капитана Нойфельда?

-- Да, ваша честь.

-- Его радисты продолжают наблюдение?

-- Постоянно. Никаких известий. Ничего нового. Циммерман повернулся и вышел. Варбург -- за

ним. Отойдя на подобающее расстояние от станции, генерал в сердцах выругался:

-- Проклятье! Черт бы их всех побрал!

-- Вы уверены, господин генерал,-- Варбург был высоким, светловолосым приятным молодым человеком лет тридцати. Было видно, что он тоже искренне переживает,-- что они готовят наступление?

-- Я это нутром чувствую, мой мальчик. Развязка неминуемо приближается.

-- Но вы не можете знать наверняка, господин генерал! -- возразил Варбург.

-- Это верно,-- Циммерман тяжело вздохнул.-- Я знаю только, что если они действительно окажутся здесь и одиннадцатая армия так и не сможет прорваться на севере, а нам не удастся перебить этих проклятых партизан, то...

Варбург ждал окончания фразы, но Циммерман вдруг замолчал, угрюмо погрузившись в свои размышления. Неожиданно у Варбурга вырвалось:

-- Я бы так хотел снова увидеть Германию, господин генерал! Хотя бы еще один раз!

-- Нам всем этого хочется, мой мальчик.-- Циммерман медленно дошел до опушки леса и остановился. Долго и пристально смотрел он в сторону моста через Неретву. Покачал головой, повернулся и усталой походкой зашагал обратно. Через мгновение он скрылся во мраке леса.

Камин в роскошной гостиной дворца в Термоли догорал. Дженсен подбросил дров, выпрямился, подошел к столу и наполнил две рюмки. Протянул одну Меллори и произнес:

-- Что скажете?

-- Это и есть план? -- Непроницаемое лицо Меллори надежно скрывало раздирающие его сомнения.-- Это все?

-- Да.

-- Ваше здоровье.-- Меллори поднял рюмку.-- И мое тоже.-- Вторая пауза была более продолжительной: -- Любопытно будет посмотреть на реакцию Дасти Миллера, когда он все узнает.

Как и думал Меллори, реакция Миллера была любопытной, хотя и вполне предсказуемой. Спустя шесть часов облаченный в британскую форму, так же как Меллори и Андреа, Миллер с нескрываемым ужасом слушал рассказ Дженсена о том, что, по его мнению, предлагалось им совершить в ближайшие двадцать четыре часа. Закончив, Дженсен посмотрел прямо на Миллера и спросил:

-- Ну как? Выполнимо?

-- Выполнимо? -- Миллер был потрясен.-- Это самоубийство.

-- Андреа?

Андреа пожал плечами, развел руки и промолчал. Дженсен кивнул и добавил:

-- Извините, но выбора у меня нет. Пора идти. Остальные уже на летном поле.

Андреа и Миллер вышли из комнаты и побрели по коридору. Меллори задержался в дверях и нерешительно повернулся к Дженсену. Тот вопросительно поднял брови.

Меллори тихо произнес:

-- Разрешите хотя бы Андреа сказать.

Дженсен пристально посмотрел на него и, отрицательно покачав головой, решительно направился к двери.

Через двадцать минут в полном молчании они прибыли на аэродром Термоли, где их ждали Вукалович и двое сержантов. Третий, Рейнольдс, уже сидел в кабине одного из двух "Веллингтонов", стоящих на взлетной полосе, и разогревал двигатели. Через десять минут они уже были в воздухе. В одном самолете Вукалович, в другом Меллори, Миллер, Андреа и трое сержантов. Самолеты взяли курс в разных направлениях.

Дженсен, оставшись в одиночестве на поле аэродрома, еще долго смотрел вслед набиравшим высоту самолетам, пока они не исчезли в темном безлунном небе. Затем, совсем как генерал Циммерман незадолго до этого, сокрушенно покачал головой, медленно повернулся и тяжело зашагал прочь.

ГЛАВА 3. ПЯТНИЦА. 00.30--02.00

Сержант Рейнольдс, отметил про себя Меллори, действительно умел обращаться с самолетом. Хотя глаза его выдавали постоянное напряжение, внешне он был спокоен и уверен в себе. Движения точны и продуманны. Такое же впечатление оставляла работа Гроувса, который привычно обосновался в штурманском кресле. Тусклый свет и стесненные условия не слишком его удручали. Меллори взглянул в иллюминатор и увидел белые буруны Адриатического моря в какой-нибудь сотне футов под ними. Он повернулся к Гроувсу.

-- Мы по плану должны лететь так низко?

-- Да. У немцев радарные установки на одном из островов вблизи побережья. Начнем набирать высоту, когда подлетим к Далмадии.

Меллори кивнул и обратился к Рейнольдсу. В его взгляде сквозило любопытство:

-- Капитан Дженсен был прав, когда говорил, что вы прекрасный пилот. Как удалось морскому десантнику научиться так водить эту штуку?

-- Опыта мне не занимать, -- ответил Рейнольдс. -- Три года службы в ВВС, из них два года -- в качестве пилота в полку бомбардировщиков. Однажды в Египте я решил полетать без разрешения на новом самолете. Такое случалось нередко и раньше, но мне чертовски не повезло. У машины оказался неисправный расходомер.

-- Вам пришлось приземлиться?

-- Да. И с очень большой скоростью, -- он усмехнулся. -- Никто не возражал, когда я подал рапорт о переводе. Видимо, они решили, что я не вполне соответствую требуемому образу военного летчика.

Меллори перевел глаза на Гроувса:

-- А вы?

Гроувс широко улыбнулся и кивнул в сторону Рейнольдса:

-- Я был его штурманом в тот день. Нас выгнали одновременно.

-- Ну что ж, я думаю, это неплохо, -- задумчиво произнес Меллори.

-- Что неплохо? -- переспросил Рейнольдс.

-- То, что вам доводилось бывать в немилости. Тем лучше вы сыграете свою роль, когда наступит время. Если оно наступит, конечно.

-- Я не совсем понимаю, -- начал было Рейнольдс. Но Меллори перебил его: -- Перед началом операции я хочу, чтобы вы все, без исключения, сорвали знаки различия и нашивки. -- Он кивнул в сторону Андреа и Миллера, давая понять, что к ним это тоже относится, и снова взглянул на Рейнольдса. -- Сержантские нашивки, значки, награды. Все.

-- С какой стати, черт возьми, я должен это делать! -- У Рейнольдса, заметил Меллори, была весьма низкая температура кипения. Ничего приятного это не сулило. -- Я, между прочим, заслужил эти нашивки, эти награды и знаки различия! Какого черта, спрашивается...

Меллори улыбнулся:

-- Неподчинение старшему по званию в боевой обстановке?

-- Бросьте придирайтесь! -- возмутился Рейнольдс.

-- Не "бросьте придирайтесь", а "бросьте придирайтесь, сэр"!

-- Бросьте придирайтесь, сэр, -- Рейнольдс неожиданно улыбнулся. -- Ладно уж, давайте ножницы.

-- Видите ли, -- пояснил Меллори, -- мне меньше всего хочется попасть в лапы фашистов.

-- Аминь, -- не удержался Миллер.

-- Но для того, чтобы добыть необходимую информацию, нам придется действовать в непосредственной близости, а возможно, даже и за линией фронта. Нас могут схватить. На этот случай у нас есть легенда.

-- А можно узнать, что это за легенда, сэр? -- вежливо поинтересовался Гроувс.

-- Разумеется, -- с раздражением произнес Меллори. Потом продолжил уже спокойнее: -- Неужели вы не понимаете, что в нашем деле успех определяется одним условием -- полным взаимным доверием? Как только у нас возникнут секреты друг от друга -- нам конец!

В сумраке кабины невозможно было заметить, как сидящие в дальнем углу Андреа и Миллер при этих словах многозначительно переглянулись и обменялись кривыми ухмылками.

Выходя из пилотской кабины, Меллори незаметно тронул Миллера за плечо. Минуты через две после этого Миллер зевнул, потянулся, потом встал и пошел следом за Меллори. Тот ждал его в дальнем конце грузового отсека. В руках у него были два сложенных листка бумаги. Он развернул один из них и показал

Миллеру, осветив его карманным фонариком. Миллер внимательно изучил бумагу и вопросительно посмотрел на Меллори.

-- Что это такое?

-- Пусковой механизм подводной мины. На полторы тысячи фунтов. Запомни наизусть.

Миллер долго рассматривал листок, потом кивнул в сторону другой бумаги в руке Меллори.

-- А здесь что?

Меллори развернул бумагу. Это была крупномасштабная карта, в центре которой изображен причудливо изогнутый контур водохранилища, вытянутого сначала с востока на запад, а затем под прямым углом поворачивающего на юг до плотины. Южнее плотины по дну извилистого ущелья текла река.

-- Эти бумаги надо показать Андреа, после чего уничтожить.

Меллори оставил Миллера учить уроки в одиночестве и, вернувшись в пилотскую кабину, наклонился над столом штурмана.

-- Следую намеченным курсом? -- спросил он Гроувса.

-- Так точно, сэр. В данный момент огибаем южную оконечность острова Хвар. Впереди уже виден берег, можете убедиться.

Меллори посмотрел в направлении, указанном Гроувсом, и различил впереди несколько едва заметных огоньков. Но тут ему пришлось схватиться рукой за спинку кресла Гроувса, чтобы не потерять равновесие. Самолет начал резко набирать высоту. Меллори взглянул на Рейнольдса.

-- Поднимаемся, сэр. Впереди высокая горка. Посадочные огни партизан должны показаться через полчаса.

-- Через тридцать три минуты, -- уточнил Гроувс. -- Ровно в час двадцать.

Еще около получаса Меллори провел в пилотской кабине, примостившись на откидном стуле. Андреа вышел и больше не появлялся. Миллер тоже отсутствовал. Гроувс склонился над приборами, Рейнольдс не выпускал из рук штурвал, Саундерс прикинул к своему передатчику. Все молчали. В час пятнадцать Меллори поднялся, велел Саундерсу упаковывать аппаратуру и вышел из кабины. Он обнаружил Андреа и все-таки жалобно выглядящего Миллера полностью экипированными, уже пристегнувшими парашютные кольца к страховочному шнуру. Андреа отдраил люк и методично бросал обрывки бумаги в зияющую пустоту. Меллори поежился от холода. Андреа ухмыльнулся, жестом подозвал его к себе и кивнул в сторону распахнутого люка.

-- Внизу полно снега, -- прокричал он. Внизу было действительно много снега. Теперь Меллори стало ясно, почему Дженсен не допускал мысли о посадке самолета в этих местах. Земля внизу была гористая, крутые склоны чередовались с глубокими ущельями. Долины и подножия гор, поросшие густым основным лесом, были покрыты плотным снежным ковром. Меллори отошел в глубь отсека, подальше от двери, и взглянул на часы.

-- Час шестнадцать! -- ему тоже приходилось кричать.

-- У тебя, наверное, часы спешат, -- недовольно проорал Миллер. Меллори отрицательно покачал головой. Миллер уныло опустил глаза. Прозвенел звонок, и Меллори направился в кабину, пропустив вышедшего оттуда Саундерса. Когда он вошел, Рейнольдс обернулся, затем показал взглядом вперед. Меллори посмотрел туда и понимающе кивнул.

Три огня, образовав букву "Л", отчетливо виднелись прямо по курсу самолета всего в нескольких милях. Меллори повернулся, тронул Гроувса за плечо и кивнул в сторону выхода. Гроувс вышел. Меллори спросил у Рейнольдса:

-- Как подается сигнал готовности к прыжку? Рейнольдс показал на зеленую и красную кнопки.

-- Объявите предварительную готовность. Сколько осталось?

-- Около тридцати секунд.

Меллори опять посмотрел в иллюминатор. Огни были уже совсем близко. Он повернулся к Рейнольдсу:

-- Включите автопилот. Перекройте кран подачи топлива.

-- Как же так? У нас достаточно горючего, чтобы...

-- Перекройте этот чертов кран! И выходите. Даю пять секунд.

Рейнольдс выполнил приказ. Меллори последний раз взглянул на приближающиеся огни, нажал на зеленую кнопку, поднялся и быстро вышел из кабины. Когда он подошел к открытому люку, в самолете уже никого не осталось. Меллори закрепил кольцо на страховочном шнуре, ухватился руками за края люка и резким движением вытолкнул себя в черноту суровой боснийской ночи.

Сильный неожиданный рывок заставил Меллори посмотреть вверх. Вид раскрывшегося парашюта его успокоил. Он взглянул вниз и увидел еще пять таких же куполов, два из которых раскачивались так же, как и его собственный, упрямо не желая сохранять равновесие. Ему с Андреа и Миллером еще есть чему поучиться, отметил про себя Меллори. Обращаться с парашютом, к примеру.

Меллори посмотрел на восток, пытаясь разглядеть покинутый ими самолет, но тот уже скрылся из виду. Внезапно еще различимый шум двигателей прекратился. Несколько долгих секунд он слышал только свист ветра в ушах. Вслед за этим раздался мощный глухой звук от удара врезавшегося в землю самолета. Вспышки не было, во всяком случае, он ее не видел. Только взрыв, затем тишина. Впервые за эту ночь на небе появилась луна.

Андреа, грузно приземлившись, не удержался на ногах, прокатился по снегу и попробовал быстро встать. Обнаружив, что руки и ноги целы, отстегнул парашют и инстинктивно -- сработала внутренняя система самосохранения -- повернулся на 360°. Ничего подозрительного вокруг. Теперь он уже более внимательно осматривал место приземления.

Им чертовски повезло. Окажись они сотней футов южнее, пришлось бы провести остаток ночи, а может быть, и подождать окончания войны, болтаясь на верхушках высоченных сосен. Приземлиться на узком клочке земли между лесом и скалистой горной стеной -- вот уж действительно удача!

Впрочем, не все так легко отделались. Метрах в пятнадцати от места приземления Андреа стояло одинокое дерево. В его ветвях запутался парашют. Андреа в изумлении поднял глаза и сорвался с места.

Парашютист повис на стропах, зацепившись за мощный сук вековой сосны. Пальцы его рук были судорожно сжаты в кулаки, колени подтянуты, локти прижаты к туловищу в классической позе для приземления. Однако до земли оставалось чуть более полуметра. Глаза его были крепко зажмурены. Очевидно, происходящее не доставляло Миллеру удовольствия.

Андреа подошел и слегка тронул его за плечо. Миллер раскрыл глаза и посмотрел вниз. Затем медленно разогнул колени. До земли оставалось сантиметров десять. Андреа вытащил нож, полоснул по стропам, и Миллер благополучно завершил свой затянувшийся прыжок. Спокойно одернул куртку и вопросительно посмотрел на Андреа. Андреа также невозмутимо кивнул в сторону поляны. Трое из оставшихся благополучно приземлились, четвертый, Меллори, вот-вот должен был коснуться земли.

Через пару минут, когда все шестеро подходили к догорающему сигнальному костру, послышался крик, и они увидели фигуру бегущего к ним человека. Сначала они машинально схватились за автоматы, но тут же опустили их, поняв, что в этом нет необходимости -- бегущий держал автомат в левой руке, дулом вниз, а правой приветственно размахивал над головой. Он был облачен в выцветшие лохмотья, некогда бывшие военной формой незнакомой армии. Длинные волосы до плеч, всклокоченная рыжая борода и косящий правый глаз довершали живописную картину. То, что он их приветствовал, не вызвало сомнений. Бормоча что-то непонятное, он по очереди пожал всем руки и безобразно осклабился, выражая таким образом свою радость.

Вскоре к нему присоединилось еще человек десять. Все бородатые, все в непонятной форме самой разнообразной принадлежности, и все в праздничном настроении. Вдруг, словно по сигналу, они замолкли и почтительно расступились, пропуская появившегося из леса человека, очевидно, их командира. Он был совсем не похож на своих подчиненных. В первую очередь тем, что был гладко выбрит и облачен в форму британского солдата. Кроме

того, он не улыбался. По угрюмому выражению его лица трудно было предположить, что он вообще способен улыбаться. Он выделялся среди остальных, помимо прочего, гигантским ростом под два метра и хищным орлиным профилем. На поясе -- четыре зловеще изогнутых кинжала. Подобные излишества могли показаться нелепыми и даже смешными, но, глядя на него, почему-то смеяться не хотелось. Он заговорил по-английски немного напыщенно, но правильно строя фразы.

-- Добрый вечер. Я -- капитан Дрошный. Меллори сделал шаг вперед:

-- Капитан Меллори.

-- Добро пожаловать, капитан Меллори, к партизанам Югославии.-- Дрошный кивнул в сторону догорающих костров и скривил лицо, пытаясь изобразить улыбку. Он так и не протянул руку Меллори.--Как видите, мы вас ждали.

-- Ваши костры нам очень помогли,-- отметил Меллори.

-- Я рад.-- Дрошный посмотрел на восток, потом перевел взгляд на Меллори и покачал головой.-- Приходится сожалеть о самолете.

-- На войне потери неизбежны. Дрошный кивнул.

-- Пойдемте. Наш штаб расположен неподалеку. Больше не было сказано ни слова. Дрошный повернулся и направился в глубь леса. Идя за ним, Меллори обратил внимание на следы ботинок Дрошного, отчетливо видимые на снегу в ярком свете взошедшей луны. Они показались Меллори весьма любопытными. Рисунок ребристой подошвы отпечатывался в виде трех расположенных друг под другом уголков. При этом на правой подметке верхний уголок был наполовину стерт. Эту особенность Меллори подсознательно отметил. Он не смог бы объяснить, зачем ему это нужно. Просто люди, подобные Меллори, всегда стараются отметить и запомнить все необычное. Это помогает им выжить.

Склон становился круче, снег -- глубже. Бледный свет луны с трудом пробивался сквозь покрытые снегом густые ветки сосен. Дул слабый ветерок, было очень холодно. Минут десять они шли в тишине. Потом послышался твердый, властный голос Дрошного:

-- Не двигаться,-- он театральным жестом вскинул руку вверх.-- Стойте! Слушайте!

Они остановились, посмотрели вверх и прислушались. Во всяком случае, так поступили Меллори и его товарищи, тогда как югославы повели себя по-другому. Быстро, умело, без дополнительной команды они взяли в кольцо шестерых парашютистов, упершись дулами винтовок в их бока и спины с решительностью, не оставляющей сомнений в серьезности их намерений.

Реакцию Меллори и его спутников легко было предугадать. Менее привыкшие к превратностям судьбы, Рейнольдс, Гроувс и Саундерс буквально оторопели от столь неожиданного поворота событий. Меллори посерьезнел. Миллер вопросительно поднял брови. А вот Андреа, как и можно было предвидеть, даже бровью не повел, он отреагировал на попытку применить насилие по-своему. Правая рука его, медленно поднимаясь вверх в знак капитуляции, неожиданно рванулась в сторону. Он крепко обхватил пальцами ствол винтовки одного из своих сторожей и выхватил ее. В то же время локтем левой руки он нанес сильнейший удар в солнечное сплетение второму, который, скорчившись от боли, опустился на снег. Взявшись за ствол обеими руками, Андреа размахнулся винтовкой и со всего маху опустил ее на голову стоящего справа. Все произошло так стремительно, что тот не успел увернуться и рухнул, словно подкошенный. Второй конвойный с трудом приподнялся на колено и вскинул винтовку, но не успел спустить курок. Штык винтовки Андреа вонзился ему в горло. Он захрипел и повалился в снег.

Трех секунд, в течение которых это произошло, хватило остальным югославам, чтобы прийти в себя от неожиданности. Поддужины солдат набросились на Андреа, повалив его на землю. Клубок тел покатылся по снегу. Сначала Андреа в привычном стиле крушил нападавших, но силы были неравны. Когда один из югославов начал бить его рукояткой пистолета по голове, Андреа понял, что сопротивление бесполезно. Под дулами винтовок его с

трудом поставили на ноги. Но и нападавшие были в плачевном виде.

Дрошный, сверкая глазами, медленно подошел, выхватил из-за пояса один из своих кинжалов и приставил клинок к горлу Андреа, поранив кожу. Тонкая струйка крови поползла по блестящему лезвию. Казалось, что Дрошный вот-вот вонзит кинжал по самую рукоятку, но он перевел взгляд на лежащих на снегу.

-- Как там они?

Молодой югослав присел на корточки. Сначала осмотрел того, кому досталось прикладом по голове. Пощупал его голову и перешел к следующему. Затем поднялся на ноги. В свете луны его лицо казалось неестественно бледным.

-- Иосиф мертв. У него проломлен череп. Его брат еще дышит... Боюсь, что и его дело плохо.

Дрошный перевел глаза на Андреа, губы расплзлись в зловещей улыбке. Он слегка надавил на кинжал.

-- Надо бы убить тебя сейчас, но я сделаю это позже.-- Он убрал нож и поднес руки к лицу Андреа, растопырив крючковые пальцы: -- Вот этими самыми руками!

-- Этими руками.-- Андреа с серьезным видом осмотрел четыре пары рук, вцепившихся в него с двух сторон, и презрительно взглянул на Дрошного: -- Ваша смелость меня потрясает.

На мгновение воцарилась тишина. Трое юных сержантов наблюдали за происходящим с нескрываемым удивлением. Меллори и Миллер сохраняли спокойствие. Сначала показалось, что смысл сказанного не дошел до Дрошного. Вдруг его лицо перекосила злобная гримаса, и он с размаху ударил Андреа по лицу тыльной стороной ладони. В уголке рта Андреа появилась кровь, но сам он не шелохнулся. Лицо его сохраняло бесстрастное выражение, а затем он снова еле заметно улыбнулся.

Дрошный злобно сощурился и еще раз ударил, на этот раз другой рукой. Эффект был тот же самый, за исключением того, что кровь появилась в другом уголке рта. Андреа опять улыбнулся, но от взгляда его повеяло могильным холодом. Дрошный повернулся и пошел прочь. Перед Меллори он остановился.

-- Вы командуете этими людьми, капитан Меллори?

-- Так точно, я.

-- Впервые встречаю такого молчаливого командира!

-- Что я могу сказать человеку, который обращает оружие против своих друзей и союзников? -- хладнокровно заметил Меллори.-- Я буду говорить с вашим командиром. Нет смысла разговаривать с сумасшедшим.

Дрошный побагровел. Он сделал шаг вперед и размахнулся. Быстрым уверенным движением, не обращая внимания на два дула винтовок, упершиеся ему в спину, Меллори выхватил парабеллум и направил на Дрошного. Щелчок предохранителя отчетливо прозвучал в наступившей неестественной тишине. И партизаны, и парашютисты застыли в оцепенении. Трое сержантов, как и большинство партизан, выглядели растерянными. Конвоиры Меллори вопросительно смотрели на Дрошного, Дрошный смотрел на Меллори как на безумца. Андреа ни на кого не смотрел. Миллер принял свойственное только ему выражение полного безразличия к происходящему. Но именно Миллер, единственный из всех, сделал едва заметное движение, положив палец на спусковой крючок своего "шмайссера". Однако мгновение спустя убрал его, решив, что время "шмайссеров" пока не наступило.

Дрошный медленно опустил руку и сделал два шага назад. Его лицо потемнело от злобы, в глазах светилась ненависть. Но он держал себя в руках.

-- Разве вы не понимаете, что мы обязаны действовать осторожно, пока не удостоверимся окончательно в ваших намерениях?

-- Откуда я мог это знать? -- Меллори кивнул в сторону Андреа.-- В следующий раз попросите своих людей поделikatней обращаться с моим другом. Он не любит, когда ему грубят. Он иначе не умеет, и я его понимаю.

-- Объясняться будете позже. А сейчас сдайте оружие.

-- Это исключено.-- Меллори вложил пистолет в кобуру.

--Вы спятили? Я могу силой разоружить вас.

-- Верно,-- согласился Меллори.-- Правда, сначала вам придется убить нас. И, боюсь, после этого вы недолго останетесь капитаном, приятель.

Дрошный задумался. Резко произнес что-то на своем языке. Солдаты опять подняли винтовки на Меллори и его друзей. Однако приказа сдать оружие не последовало. Дрошный повернулся, махнул рукой остальным и вновь двинулся вверх по склону. Меллори понял, что Дрошный предпочел лишний раз не испытывать судьбу.

Минут двадцать они взбирались вверх. Впереди, из темноты, послышался чей-то голос. Дрошный ответил, не замедляя шага. Вскоре они миновали двух часовых, вооруженных автоматами, и оказались в расположении лагеря, если так можно было назвать несколько наспех срубленных деревянных барачков.

Поляну, на которой был разбит лагерь, со всех сторон обступили плотные ряды самых высоких в Европе сосен. Их раскидистые кроны так плотно смыкались над лагерем на высоте от восьмидесяти до ста футов, что сквозь образовавшийся купол ни одна снежинка не упала на землю. В другую сторону этот купол не пропускал и луча света.

Ярко горели керосиновые фонари, освещая территорию лагеря. Дрошный остановился и обратился к Меллори:

-- Вы пойдете со мной. Остальные останутся здесь. Он подвел Меллори к двери самого большого барака. Не ожидая приглашения, Андреа сбросил с плеч рюкзак и уселся на него. Остальные, немного помедлив, последовали его примеру. Конвоиры застыли в нерешительности, переглянулись и, на всякий случай, взяли сидящих в кольцо. Рейнольдс повернулся к Андреа. В выражении его лица полностью отсутствовали восхищение или доброжелательность.

-- Вы спятили,-- с негодованием прошептал Рейнольдс.-- Это просто сумасшествие. Вас могли убить. Нас всех могли убить. Вы, случайно, не контуженный?

Андреа промолчал. Он закурил свою вонючую сигару и пристально посмотрел на Рейнольдса, пытаясь придать лицу миролюбивое выражение.

-- Спятил -- это слабо сказано.-- Гроувс был взбешен не меньше Рейнольдса.-- Вы же убили партизана! Вы понимаете, что это значит? Вам невдомек, что осторожность для них превыше всего?

Степень его осведомленности так и не удалось выяснить. Вместо ответа Андреа глубоко затянулся, выпустил облако ядовитого дыма и перевел умиротворенный взгляд с Рейнольдса на Гроувса.

Миллер попытался разрядить обстановку:

-- Будет вам. Не надо преувеличивать. Андреа действительно чуть-чуть погорячился.

-- Спаси нас Бог,-- выразительно произнес Рейнольдс и в отчаянии посмотрел на своих товарищей.-- Оказаться за тысячу миль от дома, от своих, в компании убийц-маньяков! -- Он поглядел на Миллера и язвительно передразнил: -- "Не надо преувеличивать..."

Миллер обиженно отвернулся.

Комната была просторной и почти пустой: деревянный стол, скамья и два стула. Только потрескивание дров в печке создавало относительный уют.

Все это Меллори отметил про себя машинально. Он даже не отреагировал на слова Дрошного:

-- Капитан Меллори. Разрешите представить вам моего командира.-- Его взгляд был прикован к человеку, сидящему за столом.

Небольшого роста, коренастый, на вид ему было лет тридцать пять. Морщинки у глаз и в уголках рта, застывшего в полуулыбке, свидетельствовали о доброжелательном настроении. Он был одет в форму капитана германской армии. На шее тускло поблескивал Железный Крест.

ГЛАВА 4. ПЯТНИЦА. 02.00--03.30

Сидящий за столом гитлеровец откинулся на спинку стула и удовлетворенно потер руки. Ситуация явно доставляла ему удовольствие.

-- Гауптман Нойфельд к вашим услугам, капитан Меллори.-- Он взглянул на то место, где на форме Меллори должны были быть нашивки.-- Если я правильно понял, конечно. Вы не ожидали меня увидеть?

-- Я сердечно рад вас видеть, герр гауптман.-- Выражение удивления на лице Меллори сменилось радостной улыбкой. Он с глубоким облегчением вздохнул.-- Вы даже представить себе не можете, как я рад.-- Улыбаясь, он повернулся к Дрошному и застыл в замешательстве.-- Кто же вы? Кто этот человек, капитан Нойфельд? Что это за люди, которые привели нас сюда? Они, должно быть...

Дрошный мрачным голосом прервал:

-- Один из его группы убил нашего человека.

-- Что? -- улыбка мгновенно исчезла с лица Нойфельда. Он резко встал, опрокинув стул. Меллори, не обращая на него внимания, продолжал смотреть на Дрошного.

-- Кто вы такой? Скажите мне, ради Бога!

-- Нас называют "четниками", -- угрюмо процедил Дрошный.

-- Четники? Четники? Что еще за четники?

-- Позвольте усомниться в вашей искренности, капитан.-- Нойфельд уже взял себя в руки. Его лицо стало непроницаемым. Только глаза метали молнии. Людям, недооценивающим капитана Нойфельда, грозят большие неприятности, отметил про себя Меллори.-- Вам, командиру отряда, заброшенного в эту страну со спецзаданием, неизвестно, что четники -- наши югославские друзья?

-- Друзья? Понятно.-- Лицо Меллори прояснилось.-- Предатели, коллаборационисты, другими словами.

Дрошный, издав горлом подобие львиного рыка, схватился за нож и двинулся на Меллори. Резкий окрик Нойфельда заставил его остановиться.

-- Кстати, о каком спецзадании вы говорили? -- спросил Меллори. Он внимательно оглядел каждого из присутствующих и понимающе усмехнулся.-- У нас действительно специальное задание, но совсем не в том смысле, как вам кажется. По крайней мере, не в том смысле, как мне кажется, что вам кажется.

-- Вот как? -- Нойфельд умел вскидывать брови ничуть не хуже Миллера, отметил Меллори.-- Тогда почему мы ждали вашего появления? Объясните, если можете.

-- Одному Богу известно, -- честно признался Меллори.-- Мы приняли ваших людей за партизан. Именно поэтому один из них был убит, как мне кажется.

-- Именно поэтому? -- Нойфельд с интересом посмотрел на Меллори, придвинул стул, уселся и приготовился слушать.-- Объясните все по порядку.

Как подобает истинному представителю лондонского Вест-Энда, Миллер имел обыкновение во время еды пользоваться салфеткой. Он не изменил своей привычке и сейчас, сидя на рюкзаке и придирчиво ковыряя вилкой в банке с консервами. Трое сержантов, сидящие рядом, с недоумением взирали на эту картину. Андреа, пытая неизменной сигарой и не обращая никакого внимания на охрану, не спускавшую с него глаз, неторопливо разгуливал по территории лагеря, отравляя окрестности ядовитым дымом. В морозном воздухе ясно послышались звуки пения под аккомпанемент гитары. Когда Андреа закончил обход лагеря, Миллер взглянул на него и кивнул в ту сторону, откуда доносилась музыка.

-- Кто солирует? Андреа пожал плечами.

-- Радио, "наверное".

-- Надо бы им купить в таком случае новый приемник. Мой музыкальный слух не в силах это вынести.

-- Послушайте, -- возбужденным шепотом перебил его Рейнольдс, -- Мы тут кое о чем поговорили...

Миллер картинно вытер губы торчащей изпод ворота салфеткой

и мягко сказал:

-- Не надо. Подумайте, как будут убиваться ваши матери и невесты.

-- Что вы имеете в виду?

-- Я имею в виду побег,-- спокойно ответил Миллер.-- Может быть, оставим до следующего раза?

-- Почему не сейчас? -- Гроувс был воинственно настроен.-- Конвоиры ушли...

-- Вам так кажется? -- Миллер тяжело вздохнул.-- Ах, молодежь, молодежь. Посмотрите внимательней. Вам кажется, что Андреа решил прогуляться от нечего делать?

Они быстро исподтишка огляделись, затем вопросительно посмотрели на Андреа.

-- Пять темных окон,-- тихо произнес Андреа.--За ними -- пять темных силуэтов. С пятью темными автоматами.

Рейнольдс кивнул и отвернулся.

-- Ну, что же.-- Привычка Нойфельда потирать руки напомнила Меллори одного судью. Тот всегда так же потирал руки перед объявлением смертного приговора.-- Вы рассказали нам весьма необычную историю, дорогой капитан Меллори.

-- Вот именно,-- согласился Меллори.-- Как необычно и то положение, в котором мы теперь оказались.

-- Еще один аргумент.-- Медленно загибая пальцы, Нойфельд перечислил доводы Меллори.-- Итак, вы утверждаете, что в течение нескольких месяцев занимались контрабандой пенициллина и наркотиков на юге Италии. Как офицер связи союзной армии, вы имели доступ на склады американских военных баз.

-- В конце концов у нас возникли некоторые затруднения,-- признал Меллори.

-- Я подхожу к этому. Всему свое время. Эти товары, но вашим словам, переправлялись вермахту.

-- Предпочел бы, чтобы вы произносили фразу "по вашим словам" другим тоном, -- с раздражением заметил Меллори. -- Наведите справки у командующего военной разведкой в Падуе. Он подчинен непосредственно фельдмаршалу Кессельрингу.

-- С удовольствием.-- Нойфельд поднял телефонную трубку и произнес что-то по-немецки. Меллори был искренне удивлен:

-- У вас прямая связь с внешним миром? Непосредственно отсюда?!

-- У меня прямая связь с сараем, расположенным в пятидесяти ярдах отсюда. Там установлен мощный передатчик. Продолжим. Вы утверждаете далее, что вас раскрыли, судили военным трибуналом и приговорили к расстрелу. Верно?

-- Если ваша хваленая шпионская сеть в Италии действительно существует, вы узнаете об этом не позднее завтрашнего дня,-- сухо заметил Меллори.

-- Узнаем, непременно узнаем. Итак, вам удалось бежать из-под стражи, убив охранников. Там же, в здании разведуправления, вы случайно подслушали, как инструктировали группу десантников перед отправкой в Боснию.-- Он загнул еще один палец.-- Возможно, вы говорите правду. В чем, вы сказали, заключалась их миссия?

-- Я ничего не говорил. Мне было не до подробностей. Что-то, касающееся освобождения британских связных и перекрытия каналов утечки информации. Я не совсем уверен. У нас были более серьезные проблемы.

-- Я в этом не сомневаюсь,-- презрительно произнес Нойфельд.-- Вам надо было спасать свои шкуры. А что случилось с вашими погонами, капитан? Где нашивки, орденские планки?

-- Вы, очевидно, не знаете, что такое британский военный трибунал, гауптман Нойфельд.

-- Вы могли сами от них избавиться,-- мягко заметил Нойфельд.

-- А после этого опорожнить наполовину баки захваченного нами самолета, если следовать вашей логике?

-- Баки были полупустыми? Разве ваш самолет при падении не взорвался?

-- Падение самолета никак не входило в наши планы,-- сказал Меллори.-- Мы предполагали приземлиться, но неожиданно

кончилось горючее. В самый неподходящий момент, как я теперь понимаю.

Нойфельд задумчиво произнес:

-- Каждый раз, когда партизаны разводят костры, мы следуем их примеру. В данном случае мы знали, что вы или кто-нибудь другой обязательно прилетите. Горючее кончилось, говорите? -- Он опять что-то сказал в трубку и повернулся к Меллори. -- Звучит правдоподобно. Остается только объяснить смерть подчиненного капитана Дрошного.

-- Здесь я должен извиниться. Это была нелепая ошибка. Но вы должны нас понять. Меньше всего нам хотелось попасть к вам. Мы слышали, что бывает с английскими парашютистами, попавшими к немцам.

Нойфельд загнул еще один палец.

-- На войне как на войне. Продолжайте.

-- Мы собирались приземлиться в расположении партизан, перейти линию фронта и сдатьсь. Когда Дрошный приказал своим людям взять нас на мушку, мы решили, что партизаны нас раскрыли, что их предупредили об угоне самолета. В таком случае у нас просто не было выбора.

-- Подождите на улице. Мы с капитаном Дрошным сейчас выйдем.

Меллори вышел. Андреа, Миллер и трое сержантов терпеливо ждали, сидя на рюкзаках. Откуда-то продолжала доноситься музыка. На мгновение Меллори повернул голову и прислушался, затем направился к остальным. Миллер деликатно вытер губы салфеткой и вопросительно взглянул на Меллори.

-- Мило поболтали?

-- Навесил ему лапшу на уши. То, о чем мы говорили в самолете. -- Он взглянул на сержантов. -- Кто-нибудь говорит по-немецки?

Все дружно отрицательно покачали головами.

-- Прекрасно. Советую забыть также и английский. Если вас спросят, вы ничего не знаете.

-- Даже если меня не спросят, -- язвительно добавил Рейнольдс, -- я все равно ничего не знаю.

-- Тем лучше, -- одобрительно заметил Меллори. -- Значит, вы никому ничего не расскажете, верно?

Он замолчал и повернулся. Дрошный и Нойфельд показались в дверях барака. Нойфельд подошел ближе и сказал:

-- Не желаете немного выпить и подкрепиться, пока мы ждем подтверждения вашей информации? -- Как только что Меллори до этого, он повернулся и прислушался к доносящемуся издали пению. -- Но прежде я хочу познакомить вас с нашим менестрелем.

-- Мы готовы обойтись выпивкой и закуской, -- заметил Андреа.

-- Вы сейчас поймете, что были не правы. Пойдемте.

Столовая, если ее можно было так назвать, находилась ярдах в сорока. Нойфельд распахнул дверь наспех сколоченной временки, и они оказались в длинной, неуютной комнате. Два деревянных стола на козлах и четыре скамьи стояли на земляном полу. В дальнем конце комнаты горел очаг. Ближе к печке, за дальним концом стола, расположились трое мужчин. Судя по шинелям с поднятыми воротниками и висящим на ремнях винтовкам, -- недавно сменившиеся часовые. Они пили кофе и слушали тихое пение человека, сидящего на полу у огня.

На плечи певца была накинута видавшая виды куртка, залатанные брюки заправлены в драные сапоги. Его лицо невозможно было разглядеть под копной густых черных волос и темными очками в металлической оправе.

Рядом с ним сидела девушка. Она дремала, положив голову ему на плечо. Обтрепанная английская шинель, доходящая ей до пят, прикрывала ноги. Пышные русые волосы, небрежно разметавшиеся по плечам, сделали бы честь жительнице Скандинавии, но широкие выдающиеся скулы, густые черные брови и длинные ресницы выдавали славянское происхождение.

Нойфельд прошел в дальний конец комнаты и остановился у печки. Он наклонился к певцу и тронул его за плечо:

-- Я хочу тебя кое с кем познакомить, Петар. Петар опустил гитару, поднял голову и тронул девушку за рукав. Она тотчас встрепенулась и широко раскрыла глаза. Ее взгляд напоминал взгляд попавшего в капкан зверя. Она быстро оглянулась и вскочила на ноги. Потом наклонилась и помогла встать гитаристу. По тому, как неуверенно он схватился за руку девушки, стало ясно, что он слепой.

-- Это Мария,-- сказал Нойфельд.-- Мария, познакомься с капитаном Меллори.

-- Капитан Меллори,-- медленно повторила она тихим и немного хриплым голосом. Ее английское произношение было практически безупречным.-- Вы англичанин, капитан Меллори?

Меллори решил, что сейчас не время и не место рассказывать о своем новозеландском происхождении. Он улыбнулся.

-- В некотором роде. Мария улыбнулась в ответ.

-- Всегда мечтала встретить англичанина.-- Она подошла к Меллори вплотную, отвела в сторону протянутую было руку и со всего размаху влепила ему звонкую пощечину.

-- Мария! -- вмешался Нойфельд.-- Он на нашей стороне.

-- Значит, он не только англичанин, но еще и предатель! -- Она снова размахнулась, но тут ее рука оказалась в тисках пальцев Андреа. Она отчаянно вырывалась, пока не убедилась в бесплодности своих попыток. Глаза ее горели от ярости. Андреа поднял свободную руку и ностальгически потер левую щеку.

-- Боже мой, она напомнила мне мою Марию! -- с восхищением произнес Андреа, потом повернулся к Меллори: -- Эти югославы скоры на руку.

Меллори, поглаживая пострадавшую щеку, обратился к Нойфельду:

-- Вероятно, Петар, или как там его, мог бы...

-- Нет,-- перебил его Нойфельд.-- Об этом позже, а сейчас надо подкрепиться.-- Он подошел к столу и жестом пригласил остальных садиться.-- Простите. Виноват. Это можно было предвидеть.

-- Она случайно... хм... не того? -- деликатно осведомился Миллер.

-- Вы считаете, что она слишком вспыльчива?

-- Мне кажется, общение с ней небезопасно.

-- Эта девушка окончила факультет иностранных языков белградского университета. С отличием, между прочим. Потом вернулась домой в боснийские горы и нашла изуродованные трупы родителей и двух младших братьев. С тех пор она немного не в себе, как видите.

Меллори повернулся и опять взглянул на девушку. Она, в свою очередь, не спускала с него глаз, и взгляд ее был откровенно враждебным. Он снова повернулся к Нойфельду.

-- Кто это сделал? Я имею в виду ее семью.

-- Партизаны,-- с яростью выпалил Дрошный.-- Партизаны, будь они трижды прокляты! Родители Марии были четниками.

-- А при чем здесь певец?

-- Это ее старший брат.-- Нойфельд покачал головой.-- Слепой от рождения. Без нее ни шагу. Она -- его глаза, его жизнь.

Они сидели молча, пока не принесли еду и вино. Если верно говорят, что армия сильна набитым брюхом, то эта армия далеко не уйдет, отметил про себя Меллори. Он слышал, что положение с продовольствием у партизан отчаянное, но, судя по всему, немцам и четникам было немногим лучше. Без энтузиазма он зачерпнул ложкой -- вилка в данном случае была бесполезна -- немного сероватой кашицы неопределенного происхождения, где одиноко плавали жалкие кусочки вареного мяса, и с завистью посмотрел на Андреа, перед которым стояла уже пустая тарелка. Миллер, не глядя в тарелку, деликатно потягивал из стакана красное вино. Трое сержантов на еду и не посмотрели. Они никак не могли оторвать глаз от девушки. Нойфельд, глядя на них, снисходительно улыбнулся.

-- Я согласен с вами, джентльмены, эта девушка очень красива. Только Богу известно, как она еще похорошеет, если ее помыть, но она не для вас. И не для кого. Она уже повенчана.--

Он оглядел обращенные к нему лица и покачал головой.--- Не с женщиной, а с мечтой. С мечтой о возмездии партизанам.

-- Очаровательно,-- прошептал Миллер. Остальные промолчали, да и что тут было говорить. Они ели молча, под аккомпанемент заунывного пения. Голос звучал мелодично, но гитара, казалось, была совсем расстроена. Андреа отодвинул от себя пустую тарелку и обратился к Нойфельду.

-- О чем он поет?

-- Это старинный боснийский романс, как мне сказали. Очень грустная песня. Она существует и в английском варианте.--- Он на мгновение задумался.--- Вспомнил. Называется "Моя одинокая любовь".

-- Попросите его сменить пластинку,-- пробурчал Андреа. Нойфельд удивленно посмотрел на него, но ничего не ответил. Подошедший немецкий сержант что-то прошептал ему на ухо. Он удовлетворенно кивнул.

-- Итак,-- глубокомысленно изрек Нойфельд,-- мы обнаружили остатки вашего самолета. Его баки действительно были пусты. Думаю, нам нет смысла дожидаться радиogramмы из Падуи. А вы как считаете, капитан Меллори?

-- Я ничего не понимаю.

-- Это не важно. Вы когда-нибудь слышали о генерале Вукаловиче?

-- О ком, простите?

-- О Вукаловиче.

-- Это не наш человек,-- уверенно произнес Миллер.--- По фамилии видно.

-- Вы, должно быть, единственные в Югославии, кто о нем не слышал. Всем остальным он хорошо известен. Партизанам, четникам, немцам, болгарам. Всем. Он здесь настоящий национальный герой.

-- Будьте любезны, еще вина,-- попросил Андреа.

-- Лучше послушайте,-- раздраженно сказал Нойфельд.--- Вукалович командует партизанской дивизией, которая уже три месяца находится в окружении. Эти люди, как и сам Вукалович, безумны. У них нет путей к отступлению. Не хватает оружия, боеприпасов. Почти не осталось продовольствия. Они одеты в лохмотья. У них нет никаких шансов.

-- Что мешает им уйти? -- поинтересовался Меллори.

-- Это невозможно. С востока -- ущелье Неретвы, с севера и запада -- непроходимые горы. Единственный путь к отступлению -- на юг, по мосту через Неретву. Но здесь их поджидают две наши бронетанковые дивизии.

-- А через горы? -- спросил Меллори.--- Должны же быть перевалы.

-- Их два. Оба блокированы нашими подразделениями.

-- Тогда почему они не сдаются? -- резонно заметил Миллер.--- Неужели им не известны правила ведения войны?

-- Они безумны, я же вам говорил,-- сказал Нойфельд.--- Совершенно безумны.

В это самое время Вукалович со своими партизанами демонстрировали немцам степень своего безумия.

Вот уже три долгих месяца отборные немецкие части, к которым недавно присоединились подразделения альпийских стрелков, безуспешно пытались форсировать западный перевал -- узкий каменистый проход в горах, открывающий путь к Клету Зеницы. Несмотря на значительные потери и отчаянное сопротивление партизан, немцы с завидным упорством предпринимали попытки прорвать оборону.

Этой холодной лунной ночью их наступление было продумано профессионально, с типично немецкой скрупулезностью. Они поднимались по ущелью тремя колоннами, на равном расстоянии друг от друга. Белые маскхалаты делали их незаметными на фоне снега. Они продвигались перебежками в те редкие минуты, когда луна пряталась за облаками. Однако обнаружить их не представляло труда: судя по непрекращающемуся огню из винтовок и автоматов, они не испытывали недостатка боеприпасов. Чуть подальше от переднего фланга атаки, из-за каменной гряды, раздавался треск тяжелых пулеметов, ведущих заградительный

огонь.

Партизаны обосновались на перевале, укрывшись за горами камней и поваленными деревьями. Несмотря на глубокий снег и пронизывающий восточный ветер, шинели на партизанах были редкостью. Вместо них -- пестрая смесь английской, немецкой, итальянской, болгарской и югославской военной формы. Единственное, что их объединяло, -- неизменная красная звезда с правой стороны пилоток, ушанок, папах. Видавшая виды форма не спасала от холода, людям приходилось двигаться, чтобы не замерзнуть. Среди партизан оказалось множество раненых. Почти у каждого были перебинтованы рука, нога или голова. Но удивительней всего были их лица. Усталые, голодные и изможденные до крайности, они светились спокойствием и уверенностью. Этим людям терять было нечего. В центре группы партизан, под прикрытием двух чудом уцелевших под вражеским огнем сосен, стояли двое. Густая с проседью шевелюра и глубокие морщины на усталом лице одного из них выдавали генерала Вукаловича. Его темные глаза блеснули, как всегда, ярко, когда он наклонился, чтобы прикурить сигарету у своего спутника -- смуглого, с крючковатым носом и выщипанными черными волосами, выбивающимися из-под потемневшей от крови повязки на голове. Вукалович улыбнулся.

-- Конечно, я спятил, мой дорогой Стефан. И ты тоже, иначе бы уже давно отошел с этой позиции. Мы все сумасшедшие. Разве не знал?

-- Как же не знать, -- майор Стефан провел рукой по подбородку, поросшему недельной щетиной. -- Но то, что вы решили прыгать с парашютом в расположение нашей части, настоящее безумие. Вы же могли... -- он внезапно осекся и посмотрел туда, где только что раздался щелчок ружейного выстрела. Паренек лет семнадцати, отведя винтовку в сторону и приставив к глазам бинокль, вглядывался в белесую мглу ущелья. -- Попал?

Парень вздрогнул и отвел бинокль. "Мальчишка, -- с отчаянием подумал Вукалович. -- Совсем еще ребенок. Ему бы в школу ходить". Паренек произнес:

-- Не знаю, не уверен.

-- Сколько патронов осталось? Пересчитай.

-- Я и так знаю -- семь.

-- Стреляй только наверняка. -- Стефан снова повернулся к Вукаловичу. -- Боже мой, генерал, вы же могли приземлиться прямо к немцам в лапы.

-- Боюсь, что у меня не было выбора, -- спокойно заметил Вукалович.

-- Времени мало! -- Стефан в сердцах сжал кулаки. -- Так мало времени осталось. Вам не надо было возвращаться. Это безумие. Там вы больше нужны... -- он вдруг замолчал, прислушался на секунду и, обхватив Вукаловича руками, тяжело повалился в снег, увлекая его за собой. В это же время раздался пронзительный свист снаряда и послышался мощный взрыв. На них посыпались ветки и мелкие камни. Слышны были стоны раненых. Вскоре взорвался еще один снаряд, затем еще один метрах в десяти друг от друга.

-- Пристрелялись, черт бы их побрал! -- Стефан приподнялся и посмотрел в сторону ущелья. Несколько долгих секунд он ничего не мог разглядеть -- луна скрылась за облаком, но когда она вышла, ему не пришлось напрягать зрение, чтобы увидеть немцев. Видимо, по команде они, не маскируясь, поднялись на ноги и стали быстро карабкаться вверх по склону с автоматами наизготовку. Как только вышла луна, они открыли огонь, Стефан пригнулся, укрывшись за большим камнем.

-- Огонь! -- закричал он. -- Огонь!

Не успел прозвучать первый ответный залп партизан, как долина погрузилась в темноту. Выстрелы смолкли.

-- Стрелять! Продолжайте стрелять! -- закричал Вукалович. -- Они приближаются. -- Генерал выпустил длинную очередь из своего автомата и обернулся к Стефану: -- Эти ребята там, внизу, неплохо знают свое дело.

-- Неудивительно, -- Стефан выдернул чеку и, размахнувшись, швырнул гранату. -- Мы их давно тренируем.

Снова появилась луна. Первая цепочка немцев была уже ярдах в двадцати пяти. В дело пошли гранаты, стрельба велась в упор. Немцы падали, но на их место подходили новые, неминуемо приближаясь к линии обороны. Все смешалось в рукопашной схватке. Люди кричали и убивали друг друга. Но прорвать оборону немцам не удавалось. Вдруг густые, темные облака закрыли луну, и ущелье погрузилось в крошечную тьму. Шум боя постепенно стихал, пока не наступила неожиданная тишина.

-- Тактический ход? -- вполголоса спросил Вукалович.-- Как ты думаешь, они вернутся?

-- Только не сегодня,-- уверенным тоном сказал Стефан.-- Они ребята смелые, но...

-- Не безумцы?

-- Именно.

Из-под повязки по лицу Стефана текла струйка крови, но он улыбался. Подошел грузный человек с нашивками сержанта и небрежно отдал честь. Стефан поднялся.

-- Они ушли, майор. Наши потери -- семь убитых, четырнадцать раненых.

-- Установите посты в двухстах метрах вниз по склону,-- приказал Стефан и повернулся к Вукаловичу:

-- Вы слышали? Семь человек убито. Четырнадцать ранено.

-- Сколько остается?

-- Двести человек. Может быть, двести пять.

-- Из четырехсот,-- с горечью произнес Вукалович.-- Боже мой, из четырехсот!

-- У нас шестьдесят раненых.

-- Ну, уж их-то теперь можете отправить в госпиталь.

-- Госпиталя больше нет.-- Стефан тяжело вздохнул.-- Я не успел вам рассказать. Сегодня утром разбомбили. Оба врача погибли. Все оборудование и лекарства уничтожены. Вот так.

Вукалович задумался.

-- Я прикажу, чтобы прислали медикаменты из лагеря. Ходячие раненые могут самостоятельно добраться до лагеря.

-- Раненые не уйдут, генерал. Вукалович понимающе кивнул:

-- Как с боеприпасами?

-- На два дня хватит. Может быть, и на три, если экономить.

-- Шестьдесят раненых! -- Вукалович скептически покачал головой.-- Медицинской помощи ждать неоткуда. Патроны на исходе. Есть нечего. Укрываться негде. И они не хотят уходить. Они тоже безумны?

-- Да, генерал.

-- Я собираюсь навеститься в лагерь,-- сказал Вукалович.-- Хочу поговорить с полковником Ласло.

-- Конечно,-- Стефан слегка улыбнулся.-- Но не думаю, чтобы он произвел на вас впечатление человека более здравомыслящего, чем я.

-- Я на это и не надеюсь,-- согласился Вукалович. Стефан отдал честь и удалился, на ходу вытирая кровь с лица. Пройдя несколько шагов, он нагнулся, чтобы помочь подняться раненому. Вукалович молча наблюдал за ним, покачивая головой.

Меллори отодвинул пустую тарелку и закурил сигарету. Вопросительно посмотрел на Нойфельда:

-- Что предпринимают партизаны в Клеті Зеницы, как вы ее называете?

-- Пытаются вырваться из окружения,-- ответил Нойфельд.-- Во всяком случае, не теряют надежды.

-- Но вы сами сказали, что это невозможно.

-- Для этих безумных партизан нет ничего невозможного. Как бы мне хотелось,-- Нойфельд с горечью взглянул на Меллори,-- воевать с нормальными людьми вроде англичан или американцев. Во всяком случае, мы располагаем надежной информацией, что попытка прорыва из окружения готовится в ближайшее время. Беда в том, что есть два пути. Они могут попробовать перейти мост через Неретву, и мы не знаем, где готовится прорыв.

-- Все это очень интересно,-- Андреа с раздражением обернулся на слепого певца, который продолжал вариации на темы все того же романа.-- Нельзя ли нам соснуть немного?

-- Боюсь, что сегодня не получится.-- Нойфельд переглянулся с Дрошным и улыбнулся.-- Вам придется разузнать сначала, где партизаны готовят прорыв.

-- Нам? -- Миллер опорожнил стакан и потянулся за бутылкой.-- Сумасшествие -- заразная болезнь! Нойфельд его не слышал.

-- Партизанский лагерь в десяти километрах отсюда. Вы изобразите из себя настоящих английских десантников, заблудившихся в лесу. После того, как вы узнаете их планы, скажете, что вам необходимо попасть в главный штаб партизан в Дрваре. Вместо этого вернетесь сюда. Нет ничего проще!

-- Миллер прав,-- убежденно произнес Меллори.-- Вы действительно сумасшедший.

-- Я начинаю думать, что мы слишком часто обсуждаем проблему психических заболеваний,-- Нойфельд улыбнулся.-- Вы предпочитаете, чтобы капитан Дрошный предоставил вас своим людям? Уверю вас, они очень расстроены потерей своего товарища.

-- Как вы можете просить нас об этом? -- Меллори был возмущен.-- Партизаны наверняка получают информацию о нас. Рано или поздно. А тогда... Вы хорошо знаете, что потом произойдет. Нас нельзя туда посылать. Вы не можете это сделать.

-- Могу и обязательно сделаю.-- Нойфельд недовольно оглядел Меллори и пятерых его друзей.-- Так получилось, что я не питаю добрых чувств к спекулянтам наркотиками.

-- Не думаю, чтобы с вашим мнением согласились в определенных кругах,-- сказал Меллори.

-- Что вы имеете в виду?

-- Начальнику военной разведки маршалу Кессельрингу это не понравится.

-- Если вы не вернетесь, об этом никто не узнает. А если вернетесь...-- Нойфельд улыбнулся и прикоснулся к Железному Кресту, висящему на шее. Наверное, его украсят дубовым листком.

-- Какой симпатичный человек, верно? -- произнес Меллори, ни к кому не обращаясь.

-- Пора идти.-- Нойфельд встал из-за стола.-- Петар, готов?

Слепой утвердительно кивнул, перебросил гитару за спину и поднялся, опираясь на руку сестры.

-- А они здесь при чем? -- спросил Меллори.

-- Это ваши проводники.

-- Эти двое?

-- Видите ли,-- резонно заметил Нойфельд,-- вам незнакомы здешние места. А Петар и его сестра ориентируются в этих лесах как дома.

-- Но разве партизаны...-- начал Меллори, но Нойфельд его прервал.

-- Вы не знаете местных обычаев. Эти двое могут беспрепятственно войти в любой дом, и их примут наилучшим образом. Местные жители суеверны и считают, впрочем, не без оснований, что на Петаре и Марии лежит проклятье, что у них дурной глаз. Поэтому люди боятся их рассердить.

-- Но откуда они знают, куда нас нужно отвести?

-- Не беспокойтесь, знают.-- Нойфельд кивнул Дрошному, который сказал что-то Марии на сербскохорватском. Та, в свою очередь, прошептала несколько слов Петару на ухо. Он издал в ответ какие-то гортанные звуки.

-- Странный язык,-- отметил Миллер.

-- У него дефект речи,-- объяснил Нойфельд.-- С рождения. Петь может, а говорить нет. Какая-то неизвестная болезнь. Теперь вам понятно, почему их считают проклятыми? -- Он повернулся к Меллори.-- Подождите со своими людьми на улице.

Меллори кивнул, жестом предложил остальным пройти вперед. Задержавшись в дверях, он заметил, что Нойфельд быстро обменялся несколькими фразами с Дрошным, который отдал короткий приказ одному из своих четников. Оказавшись на улице, Меллори поравнялся с Андреа и незаметно для других прошептал что-то ему на ухо. Андреа едва уловимо кивнул и присоединился к остальным.

Нойфельд и Дрошный появились в дверях барака вместе с

Петаром и Марией, затем направились к Меллори и его друзьям. Андреа небрежной походкой двинулся к ним навстречу, попыхивая неизменной сигарой. Остановившись перед растерявшимся Нойфельдом, он с важным видом затянулся и выпустил облако вонючего дыма прямо ему в лицо.

-- Вы мне не нравитесь, гауптман Нойфельд,-- объявил Андреа. Он перевел взгляд на Дрошного.-- И этот торговец ножами тоже.

Лицо Нойфельда потемнело от негодования, но он быстро взял себя в руки и стальным голосом произнес:

-- Меня не волнует, что вы обо мне думаете.-- Он кивнул в сторону Дрошного.-- Но советую вам не попадаться на пути капитана. Он -- босниец, а боснийцы -- народ гордый. Кроме того, в искусстве владения ножом ему нет равных на Балканах.

-- Нет равных? -- Андреа громоподобно захохотал и выпустил струю дыма в лицо Дрошного.-- Точильщик кухонных ножей из оперетки.

Дрошный застыл, не веря своим ушам. Но его замешательство было недолгим. Обнажив зубы в оскале, которому бы позавидовал любой волк из местного леса, он выхватил из-за пояса кривой кинжал и бросился на Андреа. Словно молния, блеснул злоедающий клинок, прежде чем вонзиться в горло Андреа. Этим бы дело и кончилось, если бы не удивительная способность Андреа мгновенно реагировать на опасность. В те доли секунды, пока нож Дрошного со свистом рассекал воздух, Андреа успел не только уклониться, но и перехватить руку, держащую нож. Два гиганта повалились на снег, отчаянно пытаясь не дать друг другу завладеть ножом, выпавшим из рук Дрошного.

Все произошло так быстро и неожиданно, что никто даже не сдвинулся с места. Трое сержантов, Нойфельд и четники оцепенели от удивления. Меллори, стоящий рядом с Марией, задумчиво потирал подбородок. Миллер, деликатно стряхивая пепел с сигареты, наблюдал за происходящим с выражением усталого недоумения.

Мгновенье спустя Рейнольдс, Гроувс и двое четников бросились на катающихся по земле Андреа и Дрошного, пытаясь разнять их. Но это удалось только после того, как на помощь пришли Нойфельд и Саундерс. Дрошный и Андреа поднялись. Первый с перекошенным от злобы лицом и горящими от ненависти глазами, второй -- с сигарой в зубах, которую умудрился подобрать, пока их растаскивали.

-- Сумасшедший! -- в ярости бросил в лицо Андреа Рейнольдс.-- Маньяк! Психопат проклятый! Изза тебя нас всех убьют.

-- Меня бы это не удивило,-- задумчиво произнес Нойфельд.-- Пойдемте. Хватит глупостей.

Он шел впереди. Когда они выходили за пределы лагеря, к ним присоединились полдюжины четников, которыми командовал тот самый рыжебородый и косоглазый, который встретил их при приземлении.

-- Кто эти люди и зачем они здесь? -- спросил Меллори у Нойфельда.-- Они не пойдут с нами.

-- Сопровождение,-- пояснил Нойфельд.-- Только на первые семь километров пути.

-- Зачем? Ведь нам не грозит опасность от вас и от партизан тоже, как вы утверждали?

-- Вы здесь ни при чем,-- сухо сказал Нойфельд.-- Нас волнует грузовик, на котором вас довезут почти до места. Грузовики здесь на вес золота. Охрана нужна на случай партизанской засады.

Через двадцать минут они вышли на дорогу. Луна скрылась, шел снег. Дорога представляла собой едва накатанную колею, петляющую между деревьями. Их ожидала невиданная ими конструкция на четырех колесах. Древний, обшарпанный грузовик, обгьятый клубами густого дыма, казалось, горел. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что дым выходит из выхлопной трубы пытящего, словно паровоз, механизма. Вероятно, тот допотопный экипаж работает на дровах, которых в лесах Боснии в избытке, подумал Меллори. Миллер в изумлении осмотрел окутанную дымом

машину и повернулся к Нойфельду:

-- Вы называете это грузовиком?

-- Называйте, как хотите. Можете идти пешком.

-- Десять километров? Лучше умру от удушья.-- С этими словами Миллер забрался в кузов, крытый брезентом. Остальные последовали его примеру. На дороге остались только Дрошный и Нойфельд.

Нойфельд сказал:

-- Жду вас завтра к обеду.

-- Вашими бы устами...-- заметил Меллори.-- Если они уже получили радиogramму, то...

-- Не разбив яйца, омлет не пригото́вишь,-- невозмутимо перебил его Нойфельд.

Выпустив очередную струю дыма, изрядная доля которого, судя по дружному кашлю, донесшемуся из-под брезента, досталась сидящим в кузове, грузовик зарычал, затрясся и медленно покати́лся по дороге. Нойфельд и Дрошный смотрели ему вслед, пока он не скрылся за поворотом. Нойфельд покачал головой.

-- Мелкие жулики,-- произнес он неодобрительно.

-- Очень мелкие,-- согласился Дрошный.-- Но мне нужен самый крупный из них. У меня по нему руки чешутся, капитан!

Нойфельд похлопал его по плечу.

-- Он от вас не уйдет, друг мой. Они уже достаточно далеко. Вам пора.

Дрошный кивнул и пронзительно свистнул. Невдалеке послышался звук мотора, и вскоре из-за сосен на дороге появился старенький "фиат". Он подъехал, гремя намотанными на колеса цепями. Дрошный сел рядом с водителем, и машина покати́ла за скрывшимся за поворотом грузовиком.

ГЛАВА 5. ПЯТНИЦА. 03.30--05.00

Четырнадцать пассажиров, примостившихся на узких деревянных скамьях в кузове грузовика, едва ли могли назвать поездку приятной. Отсутствие подушек на сиденьях дополнялось отсутствием рессор у грузовика. Рванный брезентовый полóg свободно пропускал снаружи холодный воздух и ядовитый дым приблизительно в равных количествах. По крайней мере, подумал Меллори, все эти неудобства отгоняют сон.

Андреа сидел напротив Меллори и, казалось, никак не реагировал на удушливую атмосферу. Впрочем, удивляться этому не приходилось, ибо по своей едкости дым грузовика ни в какое сравнение не шел с дымом от сигары, которую Андреа не вынимал из рта. Он лениво оглядывал кабину, пока не встретился взглядом с Меллори. Тот едва заметно кивнул. Такой жест не мог вызвать подозрения даже у самого бдительного наблюдателя. Андреа медленно опустил взгляд на правую руку Меллори, которая свободно лежала на колене. Меллори отклонился назад и глубоко вздохнул. В это же время рука как бы непроизвольно соскользнула с колена. Вытянутый большой палец указывал прямо в пол кузова. Андреа, словно Везувий, выпустил облако ядовитого дыма и отвернулся с безразличным видом.

Несколько километров дымящий грузовик трясся по сравнительно гладкой дороге, затем свернул налево на узкую просеку и, нату́жно взревев, пополз в гору. Две минуты спустя тот же маневр проделал "фиат" с сидящим на переднем сиденье Дрошным.

Подъем был таким крутым и скользким, что старенький грузовик, пытая из последних сил, полз вверх с черепашьей скоростью. Меллори и Андреа бодрствовали, в то время как Миллер и сержанты дремали то

ли от усталости, то ли надышавшись удушливого газа. Мария и Петар спали" держась за руки и прислонившись друг к другу. Четники же и не помышляли об отдыхе. Наконец стало ясно, что дыры в брезенте проделаны не зря. Напряженно вглядываясь в

темноту окружающего леса" люди Дрошного использовали их как бойницы. Очевидно, грузовик вторгся на территорию, контролируемую партизанами. Возможно, это была в своем роде "ничья земля".

Вперед смотрящий четник постучал дулом автомата по крыше кабины грузовика. Машина остановилась. Рыжебородый четник прыгнул на землю, быстро осмотрелся, нет ли поблизости засады, и пригласил остальных последовать его примеру. Он так энергично махал рукой, что было ясно -- оставаться здесь дольше положенного ему совсем не хотелось. Друг за другом Меллори и его товарищи прыгнули на землю. Рейнольдс помог слепому певцу вылезти из машины и протянул руку Марии. Не говоря ни слова, она оттолкнула руку Рейнольдса и, перемахнув через борт, прыгнула вниз. Рейнольдс посмотрел на нее с недоумением и отошел в сторону с обиженным видом. Грузовик стоял на краю небольшой поляны. Пыхтя, урча и выпуская невероятное количество дыма, машина развернулась на этом маленьком пятачке и, не останавливаясь, покатила вниз по дороге. Четники, сидевшие в кузове, сохраняли молчаливое безразличие, не пытаясь даже помахать рукой на прощание.

Мария подхватила Петара под руку, смерила Меллори холодным взглядом и, кивнув головой, быстро пошла по узкой тропинке, ведущей в лес. Меллори пожал плечами и покорно двинулся следом. Трое сержантов тоже не заставили себя ждать. Андреа и Миллер задержались на несколько мгновений на дороге, пристально глядя вслед грузовику, скрывшемуся за поворотом. Затем и они углубились в лес, тихо переговариваясь.

Старый грузовик, весело покотивший вниз, не успел как следует разогнаться. Проехав метров триста после поворота, за которым скрылись Меллори с товарищами, он остановился. Двое, рыжебородый командир отряда и еще один, с черной бородой, перепрыгнули через борт и скрылись в лесу. Грузовик снова затарахтел и тронулся. Густые клубы дыма еще долго висели над дорогой, как бы застыв в морозном воздухе.

В это же время из "фиата", остановившегося в километре от грузовика, вылез Дрошный и углубился в лес. Машина быстро развернулась и покатила вниз по дороге.

Узкая тропа, петляя между деревьями, взбиралась все круче в гору. Рыхлый, глубокий снег сильно затруднял движение. Луна спряталась окончательно, в вершинах сосен завывал ветер, мороз крепчал. Казалось, что тропу временами невозможно было различить, но Мария уверенно шла вперед, безошибочно ориентируясь в густом сумраке леса. Несколько раз она оступалась, проваливаясь в глубокий снег, но ни разу не выпустила руку Петара из своей. После того, как в очередной раз она упала, увлекая за собой слепого брата, Рейнольдс не выдержал и поспешил на помощь. Но не успел он взять ее за руку, как она вырвалась и с силой оттолкнула его. Рейнольдс изумленно посмотрел на девушку и повернулся к Меллори.

-- Какого черта! Я ведь просто хотел помочь...

-- Оставьте ее в покое, -- сказал Меллори. -- Вы для нее всего лишь "один из них".

-- Что это значит?

-- На вас форма английского солдата. Бедняжке этого достаточно. Не надо ее трогать.

Рейнольдс недоуменно покачал головой. Он поправил лямки рюкзака, подтянул его повыше, оглянулся через плечо, сделал шаг вперед и вдруг, остановившись, снова обернулся. Он взял Меллори за рукав и показал рукой в направлении тропы вниз по склону.

Ярдах в тридцати от них Андреа тяжело рухнул в снег. С трудом поднялся, сделал несколько шагов и снова упал. Как видно, крутой подъем, тяжелый рюкзак и солидная комплекция, помноженные на прожитые годы, докончили его окончательно. По знаку Меллори все остановились и уселись в снег, ожидая Андреа, который, покачиваясь, как пьяный, и держась за правый бок, медленно приближался. Рейнольдс взглянул на Гроувса. Вместе они посмотрели на Саундерса и понимающе покачали головами. Андреа поравнялся с ними. Его лицо вдруг перекосило от боли.

-- Ничего,-- произнес он, тяжело дыша.-- Сейчас пройдет.

Саундерс помедлил, потом подошел к Андреа. Неловко протянул руки, предлагая взять рюкзак и "шмайссер".

-- Давай помогу, папаша.

На мгновение Андреа грозно нахмурился, но потом взгляд его потух. Он покорно снял рюкзак и протянул его Саундерсу. Тот указал жестом на автомат. Андреа виновато улыбнулся.

-- Благодарю. Без него мне будет не по себе. Они снова тронулись в путь, поминутно оглядываясь на Андреа. Опасения были не напрасны. Скоро Андреа остановился, буквально скорчившись от боли. Сказал, с трудом выговаривая слова:

-- Мне надо передохнуть... Ступайте, я вас догоню.

-- Я останусь с тобой,-- с готовностью вызвался Миллер.

-- Не надо никому оставаться,-- обиженно произнес Андреа.-- Как-нибудь сам управлюсь.

Миллер промолчал. Он взглянул на Меллори и кивнул головой в сторону холма. Меллори наклонил голову в знак согласия и махнул рукой Марии. Они медленно тронулись, оставив Андреа и Миллера позади. Дважды Рейнольдс оборачивался с выражением беспокойства и раздражения одновременно. Потом пожал плечами и решительно пошел вперед.

Андреа продолжал сидеть на корточках, напряженно хмурясь и держась за правый бок, пока идущий последним Рейнольдс не скрылся из виду. Разогнувшись без видимых усилий, Андреа поклонявил палец и поднял его вверх. Убедившись, что ветер дует вдоль тропы, достал сигару, прикурил и с наслаждением глубоко затянулся. Чудесное выздоровление могло бы удивить кого угодно, но только не Миллера, который усмехнулся и кивнул в сторону долины. Андреа ухмыльнулся в ответ и вежливым жестом предложил Миллеру пройти вперед.

Спустившись ярдов на тридцать, они дошли до поворота. Отсюда хорошо просматривался пройденный прямой участок тропинки. Могучий ствол огромной сосны надежно прикрывал их со стороны дороги. Минуты две они стояли за деревом, напряженно глядя вниз и вслушиваясь в ночную тишину. Вдруг Андреа кивнул, наклонился и бережно положил сигару в маленькую сухую лунку у самого корня сосны.

Они не произнесли ни слова, все было понятно и так. Миллер, пригнувшись, выбрался из-за дерева и улегся в глубокий снег на спину, ногами к тропинке, широко раскинув руки и обратив к небу безжизненное лицо. Стоя за деревом, Андреа переложил "шмайссер" в другую руку, взяв автомат за ствол, достал из бездонного кармана нож и прикрепил его на пояс. Оба застыли без движения.

Возможно, благодаря тому, что тело Миллера глубоко погрузилось в рыхлый снег, он увидел поднимающихся по тропе людей задолго до того, как они заметили его. Вначале он различил лишь два темных силуэта, которые, словно привидения, постепенно материализовались на фоне падающего снега. Когда они подошли поближе, он узнал в одном из них рыжебородого командира четников.

Заметив лежащего под деревом Миллера, они резко остановились и несколько секунд не двигались, напряженно озираясь. Затем переглянулись и с автоматами наперевес зашпешили вверх по склону. Миллер закрыл глаза. Они ему больше не были нужны, уши поставляли всю необходимую информацию. Звук приближающихся шагов вдруг прекратился и сменился тяжелым дыханием наклонившегося над ним человека.

Миллер дождался, пока четник дыхнул ему прямо в лицо, и только тогда открыл глаза. Рыжая борода почти касалась его носа. В одно мгновение раскинутые руки Миллера взметнулись и крепко сомкнулись на горле застигнутого врасплох четника.

Андреа бесшумно появился из-за дерева, уже замахнувшись "шмайссером". Второй четник, рванувшийся на помощь товарищу, краем глаза заметил Андреа и инстинктивно вскинул руки, защищаясь от удара. С таким же успехом он мог подставить под опускающийся автомат пару соломинок. Андреа скривился от силы удара, отбросил автомат в сторону и, выхватив из-за пояса нож, навалился на того, который все еще трепыхался в железных

объятиях Миллера.

Наконец, Миллер отряхнул снег и оглядел трупы. Неожиданно его чем-то привлек рыжебородый. Подошел ближе и потянул за бороду. Она осталась у него в руках, оголив чисто выбритое лицо с безобразным шрамом от угла рта до самого уха.

Андреа и Миллер молча переглянулись. Затем оттащили трупы подальше от тропинки и забросали сосновыми ветками. Андреа аккуратно замел все следы. Он знал, что через какой-нибудь час снег надежно укроет все плотным ковром. Он подобрал сигару, и они, не оглядываясь, зашагали вверх по тропе.

Если бы они и оглянулись, то все равно не заметили бы прятавшегося за стоящим в отдалении деревом человека. Дрошный появился на дороге как раз в тот момент, когда Андреа кончал замечать следы. Смысл происходящего был вполне ясен.

Он подождал, пока Андреа и Миллер скроются из виду, постоял еще пару минут для верности и заспешил вслед. На его смуглой бандитской физиономии застыло выражение удивления и беспокойства. Он дошел до сосны, где четников ждала засада, быстро осмотрелся и углубился в лес по дорожке, замеченной Андреа. Удивление на его лице уступило место беспокойству, которое, в свою очередь, перешло в мрачную уверенность.

Он откинул в сторону ветки и, скорбно опустив плечи, долго смотрел на застывшие в неестественных позах тела своих товарищей. Потом выпрямился и повернул голову в сторону дороги, по которой ушли Андреа и Миллер. Его тяжелый взгляд не сулил ничего хорошего.

Андреа и Миллер долго взбирались вверх, пока на очередном повороте тропинки не услышали доносящиеся сверху приглушенные звуки расстроенной гитары. Андреа замедлил шаг, с сожалением выбросил в снег сигару, наклонился и схватился за правый бок. Миллер бережно взял его за локоть,

Вскоре они увидели своих. Те продвигались медленно. Глубокий снег и все круче взбирающаяся вверх тропа делали свое дело. Рейнольдс оглянулся в который уже раз и заметил Андреа с Миллером. Он крикнул Меллори, тот приказал всем остановиться и подождать отставших. Когда они поравнялись с остальными, Меллори участливо спросил у Андреа:

-- Лучше не стало?

-- Долго еще идти? -- хрипло осведомился тот.

-- Не больше мили.

Андреа ничего не ответил. Он опустил голову и тяжело дышал с несчастным видом больного человека, которому предстоит еще полтора километра карабкаться в гору по глубокому снегу. Саундерс, с двумя рюкзаками за спиной, подошел к Андреа и деликатно произнес:

-- Вам будет легче, если...

-- Я знаю.-- Андреа горько улыбнулся, снял с плеча автомат и протянул его Саундерсу.-- Спасибо, сынок.

Петар продолжал тихо перебирать струны своей гитары, наполняя мрачный лес потусторонними звуками. Миллер перевел взгляд с него на Меллори:

-- Зачем здесь музыка?

-- Вероятно, это пароль Петара.

-- Как говорил Нойфельд? Никто пальцем не тронет нашего певца?

-- Что-то вроде этого.

Они тронулись в путь. Меллори пропустил остальных вперед и, оставшись рядом с Андреа, посмотрел на него, как бы оценивая его физическое состояние. Андреа поймал его взгляд и едва заметно кивнул. Меллори отвел глаза.

Через пятнадцать минут их остановили трое как из-под земли появившихся часовых. Они возникли так неожиданно, что даже Андреа, будь у него автомат, ничего бы не смог поделать. Рейнольдс тревожно обернулся к Меллори. Тот улыбнулся и покачал головой.

-- Все в порядке. Это партизаны -- видите у них звезды на фуражках. Просто сторожевой пост на одной из главных дорог.

Так и оказалось. Мария быстро сказала что-то одному из солдат, тот кивнул и пошел вперед по тропинке, жестом приглашая

следовать за ним. Остальные двое остались на месте. Они не сводили глаз с Петара и крестились каждый раз, когда он прикасался к своей дребезжащей гитаре. "Нойфельд был прав, когда говорил о суеверном страхе, с которым относятся местные жители к слепому певцу и его сестре", -- подумал Меллори.

Они были в партизанском лагере через десять минут. Удивительно, насколько этот лагерь походил на лагерь гауптмана Нойфельда. Те же деревянные бараки, сгрудившиеся посреди поляны в окружении высоких сосен. Партизан сказал Марии несколько слов, и она обратилась к Меллори, всем своим видом показывая, насколько ей противно с ним общаться:

-- Мы будем в доме для гостей. Вас ждет командир для доклада. Солдат покажет вам дорогу.

Партизан кивнул в подтверждение. Меллори последовал за ним к большому, ярко освещенному барaku. Солдат постучал, открыл дверь и пригласил войти.

Командир был высокий, худой, темноволосый, с аристократически тонким лицом, характерным для боснийских горцев. Он протянул Меллори руку и улыбнулся.

-- Майор Брозник, к вашим услугам. Сейчас уже очень поздно, но, как видите, мы на ногах. Хотя, честно признаться, я ожидал вас раньше.

-- Не пойму, о чем вы говорите.

-- Что такое? Вы -- капитан Меллори, верно?

-- Даже не слыхал о таком.-- Меллори пристально смотрел в глаза Брознику, затем мельком взглянул на конвоира и опять перевел взгляд на Брозника. Брозник на мгновение нахмурился, но потом лицо его прояснилось. Он сказал что-то солдату, тот повернулся и вышел. Меллори протянул руку.

-- Капитан Меллори. Прошу простить меня, майор Брозник, но я настаиваю на конфиденциальности нашей беседы.

-- Вы никому не доверяете? Даже здесь, в моем лагере?

-- Никому.

-- Даже своим людям?

-- Я не доверяю им, чтобы не ошибиться. Я не доверяю себе, чтобы не ошибиться. Наконец, я не доверяю вам, чтобы не ошибиться.

-- Объяснитесь,-- в голосе Брозника, как и во взгляде, почувствовался холодок.

-- У вас не пропадали двое партизан, один с рыжей бородой, другой с черной? У рыжебородого глаз косит и на лице шрам ото рта до уха? Брозник подошел к нему вплотную.

-- Что вам о них известно?

-- Так вы их знаете?

Брозник кивнул и тихо произнес:

-- Они погибли в бою. Месяц назад.

-- Вы нашли их тела?

-- Нет.

-- Вам бы это не удалось. Они перешли к четникам.

-- Но они и так были четниками, порвавшими с прошлым.

-- Значит, они порвали с ним еще раз. Они следили за нами сегодня. По приказу капитана Дрошного. Я приказал убить их.

-- Вы... приказали... их убить?

-- Послушайте,-- устало сказал Меллори.-- Если бы они оказались здесь, а они, без сомнения, собирались здесь появиться вскоре после нашего прихода, мы бы их не узнали, а вы -- встретили бы с распростертыми объятиями, как героев, которым удалось бежать из плена. Они бы доносили о каждом нашем шаге. Даже если бы мы их узнали и предприняли соответствующие меры, здесь наверняка нашлись бы другие четники, которые незамедлительно поставили бы в известность своих хозяев. Поэтому мы предпочли избавиться от них без лишнего шума, в укромном месте, хорошенько припрятав трупы.

-- Среди моих людей четников нет. Меллори сухо заметил:

-- Редкий фермер, открыв мешок и увидев два гнилых яблока сверху, поручится, что больше ни одного в мешке нет.-- Меллори улыбнулся, чтобы смягчить впечатление от своих слов, и продолжил как ни в чем не бывало: -- Итак, майор, гауптману Нойфельду потребовалась кой-какая информация.

Сказать, что гостиница по праву носила столь громкий титул, было бы, мягко говоря, преувеличением. Под хлев для особо малоценных домашних животных эта хижина еще с грехом пополам сгодилась бы, однако для ночлега людей ей явно недоставало того, что в современном цивилизованном мире именуется элементарными удобствами. Даже древним спартамцам здешняя обстановка не показалась бы слишком шикарной. Один дощатый стол, одна скамья, догорающий камин и земляной пол.

В комнате было шесть человек -- трое стояли, один сидел, двое растянулись на бугристом полу. Петар, на этот раз один, без сестры, сидел на полу, обхватив руками гитару, и глядел невидящим взором в сторону догорающего очага. Андреа с явным удовольствием устроился на полу в спальном мешке, подложив руку под голову, и пыхтел особенно зловонной сигарой. Миллер, полулежа, углубился в потрепанный томик стихов. Рейнольдсу и Гроувсу тоже не спалось. Они стояли у окна и бесцельно рассматривали тускло освещенную территорию лагеря. Когда Саундерс распаковал свой передатчик и двинулся к двери, они обернулись в его сторону.

С тоской в голосе Саундерс произнес:

-- Спокойной ночи.

-- Спокойной ночи? -- Рейнольдс вопросительно вскинул брови. -- Куда это ты собрался?

-- В соседний барак. Там у них радисты. Надо отстучать радиограмму в Термоли. Не хочу своим треском мешать вам спать.

Саундерс вышел. Гроувс подошел к столу, сел и задремал, подперев голову рукой. Рейнольдс остался стоять у окна. Он видел, как Саундерс подошел к двери соседнего темного барака и открыл ее. В окне вспыхнул свет.

Одновременно на снегу появилась длинная узкая полоска света от приоткрывшейся двери майора Брозника. В проеме появился силуэт Меллори. В руках он держал что-то похожее на листок бумаги. Затем дверь закрылась, и Меллори направился к радиобараку.

Внезапно Рейнольдс застыл и напряг зрение до предела. Не успел Меллори сделать несколько шагов, как на его пути, появившись из-за угла барака, возникла темная фигура. Инстинктивно Рейнольдс потянулся к кобуре, но сразу опустил руку. Что бы ни сулила эта неожиданная встреча, опасности для жизни Меллори она не представляла. У Марии не было оружия, в этом Рейнольдс был твердо уверен. В том, что именно Мария неожиданно возникла на пути Меллори, не было сомнений.

Не веря своим глазам, Рейнольдс прижался лицом к оконному стеклу. Не менее двух минут он наблюдал, как девушка, столь откровенно выражавшая свою ненависть к Меллори все это время, вплепывая ему такую смачную пощечину при первой же встрече, теперь оживленно и дружески с ним беседовала. Это было такой неожиданностью для Рейнольдса, что он впал в состояние транса. Однако это состояние покинуло его окончательно, когда он увидел, как Меллори дружеским жестом обнял девушку за плечо и она не предприняла попытки сбросить его руку. Объяснить это было просто невозможно. Ничего хорошего подобная ситуация не сулила. Рейнольдс обернулся и жестом подозвал Гроувса к окну. Гроувс не заставил себя ждать, но к этому времени Марии уже и след простыл. Меллори в одиночестве направлялся в сторону барака радистов все с тем же листом бумаги в руке. Гроувс вопросительно взглянул на Рейнольдса.

-- Они стояли рядом, -- зашептал Рейнольдс. -- Меллори и Мария. Я сам видел. Они разговаривали.

-- Ты в этом уверен?

-- Бог свидетель. Я видел их вместе, приятель. Он даже положил ей руку на плечо. Отойди скорее от окна. Мария идет.

Не торопясь, но и не теряя времени, чтобы не возбудить подозрения Андреа и Миллера, они вернулись к столу. Скоро вошла Мария и, не говоря ни слова, прошла к огню, села рядом с Петаром и взяла его за руку. Через минуту-другую вернулся Меллори и уселся на матрас рядом с Андреа, который вынул изо рта сигару и выжидательно посмотрел на Меллори. Тот, убедившись, что за ним не наблюдают, кивнул. Андреа снова

сосредоточился на сигаре.

Рейнольдс нерешительно посмотрел на Гроувса и сказал, обращаясь к Меллори:

-- Может быть, организуем ночное дежурство, сэр?

-- Дежурство? -- Меллори искренне удивился.-- Это еще зачем? Мы ведь в партизанском лагере, сержант, у наших друзей. Кроме того, вы имели возможность сами убедиться, что система охраны у них на высоте.

-- Кто знает...

-- Я знаю. Ложитесь спать. Рейнольдс упорствовал:

-- Саундерс там один. Мне это не нравится...

-- Он передает шифровку по моей просьбе. Это займет несколько минут, не больше.

-- Но как же...

-- Отставить разговоры! -- вмешался Андреа.-- Вы слышали, что сказал капитан?

Но Рейнольдс уже распалился. Остановить его было просто невозможно. Раздражение и недовольство взяли верх над остальными чувствами.

-- С какой стати я должен замолчать? Кто он такой, чтобы мне приказывать? Вместо того, чтобы указывать другим, посмотрел бы на себя сначала. Эта проклятая вонючая сигара никому не дает вздохнуть спокойно.

Миллер неторопливо опустил томик стихов.

-- По поводу сигары я с вами абсолютно согласен, молодой человек. Но прошу вас не забывать, что вы обращаетесь к человеку в звании полковника.

Миллер снова погрузился в чтение. Несколько мгновений Рейнольдс и Гроувс изумленно смотрели друг на друга, затем Рейнольдс поднялся и обратился к Андреа.

-- Сэр, я очень сожалею. Я действительно не представлял себе...

Андреа примирительно махнул рукой и взялся за сигару. Несколько минут все молчали. Мария склонила голову на плечо Петару и, судя по всему, спала. Миллер прикрыл глаза и покачал головой, выражая таким образом наслаждение поэтическим изыском прочитанного. Затем он отложил книгу в сторону и поглубже забрался в спальный мешок. Андреа погасил сигару и последовал его примеру. Меллори уже спал. Гроувс улегся, и Рейнольдс остался сидеть за столом в одиночестве, устало подперев голову руками. Минут пять он полудремал в этой позе, потом рывком поднялся и взглянул на часы. Подошел к Меллори и растолкал его. Меллори недовольно открыл глаза.

-- Двадцать минут прошло,-- в голосе Рейнольдса звучала тревога.-- Уже двадцать минут, как Саундерс ушел.

-- Ну и что? -- терпеливо разъяснял Меллори.-- За двадцать минут он мог только связаться с центром, а ему еще надо передать радиogramму.

-- Конечно, сэр. Разрешите проверить обстановку?

Меллори устало кивнул и закрыл глаза. Рейнольдс прихватил автомат и вышел из барака, тихо прикрыв за собой дверь. Сняв затвор с предохранителя, он быстрым шагом направился к радиобараку.

Окно Саундерса все еще светилось. Рейнольдс попытался заглянуть внутрь, но не смог ничего разглядеть за замерзшим стеклом. Он подошел к двери. Она была слегка приоткрыта. Он приподнял автомат, опустил палец на спусковой крючок и раскрыл дверь настежь так, как это обычно делают морские пехотинцы, врываясь в помещение,-- резким ударом правой ноги.

В комнате не было никого. Никого, кто мог бы представлять опасность для Рейнольдса. Медленно опустив автомат, он вошел внутрь. То, что он увидел, привело его в шоковое состояние.

Сидящий за передатчиком Саундерс завалился на стол, неестественно повернув голову вбок. Руки его безжизненно повисли. На спине, между лопаток, торчала рукоятка ножа. Рейнольдс инстинктивно отметил, что крови не было. Смерть наступила мгновенно. Сам передатчик представлял собой бесформенную грудю искореженного металла. Восстановить его было, очевидно, невозможно. Рейнольдс осторожно приблизился к

Саундерсу и тронул его за плечо. Тело как будто дернулось и, потеряв равновесие, медленно сползло со стола и с глухим стуком упало на пол, перекатилось на спину и застыло. Рейнольдс склонился над ним, глядя на посеревшее лицо, еще недавно покрытое загаром, на безжизненные мутные глаза, устремившиеся в пустоту. Он резко поднялся и выбежал на улицу.

В гостинице все спали. Рейнольдс подошел к лежащему Меллори и с силой потряс его за плечо. Меллори дернулся, недовольно открыл глаза и приподнялся на локте.

-- Вы говорили, что мы среди друзей! -- в хриплом голосе Рейнольдса от негодования проскальзывали звуки, подобные шипенью змеи.-- Мы здесь в безопасности, так вы сказали. О Саундерсе незачем беспокоиться, верно? Вы знаете, что говорите, так вы сказали? Черта с два вы знаете!

Меллори промолчал. Он резко поднялся. На лице его не было и тени сонливости.

-- Саундерс? -- быстро спросил он. Рейнольдс кивнул.

-- Я думаю, вам лучше пойти со мной. Не говоря ни слова, они вышли из барака, пересекли территорию лагеря и вошли в радиорубку. Меллори дошел только до двери и остановился. Секунд десять, которые показались Рейнольдсу вечностью, он молча смотрел на Саундерса и разбитый вдребезги передатчик. Лицо его сохраняло непроницаемое выражение. Это показалось Рейнольдсу обидным, и он взорвался:

-- Вы что, так и собираетесь всю ночь здесь стоять? Вы намерены что-нибудь предпринять или нет, черт возьми?

-- Любая пчела может ужалить один раз в жизни,-- задумчиво произнес Меллори.-- Прошу вас впредь не говорить со мной таким тоном. Что я должен делать, по-вашему?

-- Как это, что? -- Рейнольдс пытался взять себя в руки.-- Найти сукина сына, который это сделал.

-- Найти его будет нелегко,-- заключил Меллори.-- Я бы даже сказал, невозможно. Если убийца из лагеря, то он благополучно вернулся на свое место. Если он пришел из леса, то сейчас он уже далеко и с каждой секундой удаляется от нас все дальше. Пойдите разбудите Андреа, Миллера и Гроувса. Пусть придут сюда. Затем оповестите о случившемся майора Брозника.

-- Я расскажу им, что случилось,-- с горечью сказал Рейнольдс.-- И еще я скажу, что этого бы не произошло, если бы вы меня послушались. Но ведь вы этого не сделали, верно?

-- Я был не прав в отличие от вас. А теперь выполняйте приказ.

Рейнольдс помедлил. Он был явно на грани срыва. Негодование и недоверие сменяли друг друга на его возбужденном лице. Однако что-то во взгляде Меллори заставило его взять себя в руки. Он недовольно кивнул, повернулся кругом и вышел.

Меллори подождал, пока он скроется за углом, достал фонарик и начал внимательно изучать покрытую ледяной коркой поверхность снега у входа в барак. Внезапно что-то привлекло его внимание. Он присел на корточки и наклонился, поднеся фонарик вплотную к земле.

След был едва заметным. Отпечатались только передняя часть подошвы правого ботинка. Но рисунок был отчетливо виден: три расположенных друг под другом уголка. Верхний уголок был наполовину стерт. Меллори быстро пошел в сторону леса и обнаружил еще два таких же отпечатка на снегу, пока ледяной наст не уступил место мерзлой земле, такой твердой, что даже колеса автомобиля не оставили бы на ней следов. Меллори вернулся назад, аккуратно затерев носком ботинка все три обнаруженных им отпечатка. Скоро появились Рейнольдс, Андреа, Миллер и Гроувс. Майор Брозник со своими людьми подошел чуть позже.

Они внимательно обследовали радиорубку в надежде обнаружить улики, но их не было. Скрупулезно, стараясь ничего не упустить, они осмотрели снег вокруг барака, но никаких подозрительных следов не обнаружили. Получив мощное подкрепление из нескольких десятков заспанных партизан, они немедленно приступили к осмотру всех строений лагеря и окрестностей. Ничего обнаружить так и не удалось.

-- Надо объявить отбой,-- произнес наконец Меллори.-- Похоже, ему удалось уйти.

-- Вероятно,-- согласился майор Брозник. Он был очень расстроен и сердит. Ему казалось невероятным, чтобы такое случилось в его лагере.-- Надо будет удвоить число дозорных на оставшуюся ночь.

-- Не имеет смысла,--сказал Меллори.--Наш приятель не вернется.

-- "Не имеет смысла",-- передразнил его Рейнольдс.-- То же самое вы говорили по поводу бедняги Саундерса. А где он теперь? Мирно спит в своей постели? Черта с два! Он на том свете! И незачем говорить, будто...

Андреа угрожающе заворчал и двинулся навстречу Рейнольдсу. Но Меллори жестом остановил его:

-- Конечно, вы здесь командир и вам решать, майор,-- произнес Меллори.-- Простите, что не дали вам и вашим людям спать. Увидимся утром,-- он невесело улыбнулся. -- Благо, ждать осталось недолго.-- Он повернулся, чтобы уйти, но вдруг на его пути возник Гроувс. Тот самый Гроувс, чье благодушие обычно так выгодно отличало его от Рейнольдса, теперь был вне себя от ярости.

-- Выходит, он просто так ушел в дело с концом? Смысла, исчез навеки и все?

Меллори задумчиво посмотрел на него и сказал:

-- Не думаю. Я бы так не сказал. Скоро мы его найдем.

-- Скоро? Еще до того, как он умрет от старости? Андреа посмотрел на Меллори.

-- Через двадцать четыре часа?

-- Скорее.

Андреа кивнул, и они с Меллори зашагали к гостинице. Рейнольдс и Гроувс проводили их взглядом и, тяжело вздохнув, мрачно переглянулись.

-- Вы только посмотрите на них! Идут и мирно беседуют, словно ничего не случилось с беднягой Саундерсом.-- Гроувс покачал головой,-- Им наплевать. Им абсолютно все равно!

-- Я бы так не сказал,--вмешался стоящий рядом Миллер.-- Они делают вид, будто им все равно, а это не одно и то же.

-- Лица, словно деревянные маски,-- в сердцах добавил Рейнольдс.-- Они даже не сказали, что им жаль Саундерса!

-- Видите ли, -- терпеливо произнес Миллер, -- разные люди по-разному реагируют на одинаковые обстоятельства. Я согласен, что в подобной ситуации скорбь и негодование естественны, но если бы Меллори и Андреа тратили время и силы на подобную реакцию по каждому такому поводу, от них давно бы ничего не осталось. Поэтому они предпочитают действовать. И убийца вашего друга неминуемо получит свое. Возможно, вы не обратили внимания, но смертный приговор ему только что прозвучал.

-- Откуда вы знаете? -- недоверчиво спросил Рейнольдс. Он кивнул в сторону Меллори и Андреа, которые как раз входили в барак.-- Они об этом и еловом не обмолвились.

-- Телепатия.

-- Что это значит?

-- Долго рассказывать,-- устало заметил Миллер. -- Напомните мне утром.

ГЛАВА 6. ПЯТНИЦА. 08.00--10.00

Раскидистые заснеженные кроны высоких сосен, окружавших лагерь майора Брозника, переплетаясь, накрывали поляну почти непроницаемым покровом, сквозь который лишь коегде кусочками проглядывало небо. Даже в солнечный летний полдень внизу был полумрак, а пасмурным ранним утром, спустя лишь час после восхода солнца, в лагере было почти невозможно отличить день от ночи. В столовой, где команда Меллори и майор Брозник завтракали, было настолько темно, что две коптящие керосиновые

лампы не рассеивали мрак, а, скорее, сгущали его.

Сумрак комнаты как нельзя лучше соответствовал настроению сидящих за столом. Они ели молча, низко опустив головы, не глядя друг на друга. То, что произошло предыдущей ночью, растревожило всех,, но особенно Рейнольдса и Гроувса, на лицах которых застыло выражение негодования и скорби по убитому Саундерсу. Они так и не притронулись к еде.

Довершал невеселую картину более чем скудный утренний рацион партизанской столовой. Две симпатичные партизанки, призванные под знамена маршала Тито прямо со школьной скамьи, поставили перед каждым по тарелке "поленты", весьма неаппетитного блюда из овсянки, и по стакану ракии, местной водки, отличающейся резким запахом и необычайной крепостью. Миллер поковырял ложкой в тарелке без всякого энтузиазма.

-- Ну, ну,--пробурчал он себе под нос.-- Это что-то новенькое.

-- Больше ничего нет,-- извиняющимся тоном сказал Брозник. Он опустил ложку и отодвинул от себя тарелку.-- Кусок в горло не лезет. Подумать только! Все подходы к лагерю охраняются, и тем не менее убийца оказался здесь. Может быть, ему и не пришлось обходить посты, может быть, он уже находился в лагере? Предатель среди нас, и я бессилён его обнаружить! Просто в голове не укладывается.

Все молчали и избегали смотреть на Брозника, по тону которого легко угадывалось его подавленное состояние. Андреа, с аппетитом опустошивший свою тарелку, с сожалением смотрел на нетронутые тарелки Рейнольдса и Гроувса. Перевел вопросительный взгляд на сержантов. Они кивнули, Андреа протянул руку и передвинул тарелки к себе. В мгновение ока они остались пустыми. Рейнольдс и Гроувс смотрели на Андреа, широко раскрыв глаза, не столько потрясенные неприязнительностью его вкуса, сколько неспособные понять, как может человек с таким аппетитом поглощать пищу всего несколько часов спустя после убийства одного из своих товарищей. Миллер тоже посмотрел на Андреа с нескрываемым ужасом и, попробовав еще немного своей "поленты", отложил ложку, безглаголиво сморщив нос. Он с удивлением отметил, как Петар неловко орудовал ложкой, не снимая с плеча гитары.

-- Он что -- никогда не расстанется с этой проклятой гитарой? -- с раздражением спросил Миллер.

-- Бедняжка,-- тихо сказал Брозник.-- Так мы его зовем. Слепой бедняжка. Он с гитарой не расстанется, всегда ее с собой носит. Даже спит с ней, разве вы не обратили внимания этой ночью? Ему эта гитара дороже жизни. Несколько недель тому назад один из наших парней, шутки ради, попробовал отнять ее у него. Так Петар, не смотрите, что слепой, чуть его не убил!

-- Ему, должно быть, медведь на ухо наступил,-- заметил Миллер.-- Более расстроенной гитары я в жизни не слышал.

Брозник слегка улыбнулся.

-- Согласен. Но неужели вы не понимаете? Он ощущает ее близость. Она принадлежит только ему. Это все, что у него осталось в мире кроме мрака и пустоты. Наш бедняжка.

-- По крайней мере, мог бы ее настроить,-- пробурчал Миллер.

-- Я понимаю ваши благие намерения, мой друг. Вы хотите отвлечь нас от тяжелых мыслей, но, к сожалению, это невозможно.

-- Брозник повернулся к Меллори. -- Как невозможно и то, что вы задумали, -- освободить захваченных связных и нейтрализовать немецкую контрразведку. Это безумие, чистой воды безумие! Меллори махнул рукой.

-- Взгляните на себя. Провианта нет. Пушек нет. Транспорта нет. Есть винтовки, но к ним нет патронов. Нет лекарств. Танков нет, самолетов. Надежды нет, а вы продолжаете борьбу. Разве это не безумие?

-- Ну что ж.-- Брозник улыбнулся, подвинул к Меллори бутылку ракии. Подождет, пока он нальет себе стакан.-- Выпьем за безумцев!

-- Я только что беседовал с майором Стефаном на западном перевале,-- сказал генерал Вукалович,-- Он считает, что мы все сошли с ума. Что вы на это скажете, полковник Ласло?

Человек, лежащий в укрытии рядом с Вукаловичем, опустил бинокль. Это был загорелый здоровяк средних лет с потрясающими иссиня-черными усами, как будто намазанными гуталином. Задумавшись на мгновение, он сказал:

-- Он, без сомнения, прав, генерал.

-- Ваш отец -- чех, -- возразил Вукалович. -- А ведь чехи всегда отличались благоразумием.

-- Он родом с Высоких Татр, -- объяснил Ласло. -- А там все сумасшедшие.

Вукалович улыбнулся, поудобней устроился и, подняв к глазам бинокль, начал внимательно осматривать местность сквозь расщелину в камнях.

Метрах в пятидесяти от них каменистый горный склон переходил в узкое, не более ста метров в ширину, покрытое травой плато. Эта зеленая полоска протянулась с запада на восток, насколько хватало глаз. С юга плато крутым обрывом спускалось к широкой и быстрой реке. Вода в реке была специфического бело-зеленого цвета, столь характерного для альпийских рек. Зеленоватая ледяная вода здесь и там вскипала белыми бурунами. Прямо напротив того места, где лежали Вукалович и Ласло, река была перегорожена мостом -- внушительной стальной конструкцией, покрашенной в те же бело-зеленые цвета. На той стороне реки, к югу от берега, полого поднимался поросший травой склон, дальше, метров через пятьдесят, вставал густой сосновый лес. На опушке леса, под кронами сосен, можно было различить тускло поблескивающие силуэты танков. Дальше за лесом возвышались величественные горные вершины, покрытые ослепительно сверкающим под ярким солнцем снегом. Вукалович опустил бинокль и тяжело вздохнул.

-- Как вы думаете, сколько там может быть танков?

-- Сам бы хотел знать. -- Ласло виновато развел руками. -- Может, десять, а может, и двести. Представления не имеем. Мы посылали разведчиков. И не раз. Но они не вернулись. Возможно, их снесло течением, когда они пытались перебраться через Неретву. -- Он взглянул на Вукаловича и задумался. -- Вы не знаете, откуда немцы готовят атаку: со стороны западного перевала, через ущелье Зеницы или здесь, через мост?

Вукалович отрицательно покачал головой.

-- Но вы полагаете, что ждать осталось недолго?

-- Совсем недолго. -- Вукалович в сердцах стукнул кулаком по земле. -- Неужели невозможно уничтожить этот чертов мост?

-- Пять раз его бомбили, -- мрачно сказал Ласло. -- На сегодняшний день сбито двадцать семь самолетов. Вдоль Неретвы установлено две сотни зениток, а ближайшая база "мессершмиттов" всего в десяти минутах лету. Радары немецкой береговой охраны ловят английских бомбардировщиков, как только они появляются над побережьем. А когда они долетают сюда, "мессершмитты" уже тут как тут. Кроме того, не забывайте, что мост с двух сторон упирается в скалы.

-- То есть годится только прямое попадание?

-- Прямое попадание в цель семи метров шириной с высоты в три тысячи метров практически невозможно. К тому же цель так умело замаскирована, что вы и с земли не обнаружите ее уже с пятисот метров. Дважды невыполнимая задача.

-- Мы тоже не сможем его взорвать, -- уныло сказал Вукалович.

-- Не сможем. Последнюю попытку мы предприняли позапрошлой ночью.

-- Вы пытались взорвать мост? Но ведь я приказал вам не рисковать попусту.

-- Вы посоветовали не рисковать, но я все думаю, что мне виднее. Они начали стрелять осветительными ракетами, когда наши отряды были еще на середине плато. Ну и началось...

-- Можете не продолжать, -- перебил его Вукалович. -- Какие потери?

-- Мы положили полбатальона.

-- Полбатальона! А скажите мне, дорогой Ласло, что вышло бы в самом невероятном случае, доберись ваши люди до моста?

-- У них были толовые шашки и ручные гранаты...

-- А петард не было случайно? -- горько съязвил Вукалович.-- Пригодились бы для фейерверка. Этот мост сделан из стали и покоится на железобетонных опорах, приятель! Вам нечего было и пытаться!

-- Так точно, генерал,-- Ласло отвел глаза.-- Наверное, вам придется отстранить меня от командования отрядом.

-- Думаю, да.-- Вукалович внимательно посмотрел на усталое лицо полковника.-- И я наверняка бы сделал это, если бы не одно обстоятельство.

-- Какое именно?

-- Все имеющиеся в моем распоряжении командиры такие же сумасшедшие, как вы. А если немцы начнут атаку, скажем, этой ночью?

-- Будем стоять до последнего. Мы -- югославы, и нам отступать некуда. Другого выхода нет.

-- Нет другого выхода? Две тысячи человек с допотопными винтовками, изможденные и голодные, почти без боеприпасов против, может быть, двух образцовых немецких бронетанковых дивизий. И вы собираетесь драться. Никогда не поздно сдаться, вы меня понимаете...

Ласло улыбнулся.

-- При всем моем уважении к вам, генерал, должен заметить, что сейчас не время для шуток. Вукалович похлопал его по плечу.

-- Мне тоже не смешно. Собираюсь посетить северо-восточные укрепления, в районе плотины. Посмотрим, насколько безумен полковник Янци. Кстати, полковник!

-- Слушаю вас.

-- Если начнется атака, я могу отдать приказ об отступлении.

-- Отступление?

-- Не сдача, а отступление. За которым, будем надеяться, лежит путь к победе.

-- Я уверен: генерал знает, что говорит.

-- Генерал не знает.-- Не обращая внимания на немецких снайперов на том берегу Неретвы, Вукалович поднялся во весь рост.

-- Когда-нибудь слышали о некоем капитане Мел-лори? Кейт Меллори -- новозеландец, это имя вам ни о чем не говорит?

-- Нет,-- быстро сказал Ласло. Помедлил, потом добавил:

-- Хотя постойте... Не тот ли это парень, который лазил по горам?

-- Тот самый. Хотя, как мне дали понять, это не единственное его занятие.-- Вукалович почесал подбородок.-- Если то, что я слышал о нем, правда, то его без сомнения можно назвать весьма одаренным человеком.

-- А причем здесь этот вундеркинд? -- с любопытством спросил Ласло.

-- Дело вот в чем,-- Вукалович вдруг посерьезнел, даже погрузнел.-- Когда все идет прахом и не остается последней надежды, всегда есть единственный в мире человек, который может тебе помочь. Ты можешь не знать, кто он, где он, но он обязательно существует. Во всяком случае, так говорят.

-- Совершенно верно,-- вежливо согласился Ласло.-- Но Кейт Меллори причем?

-- Перед сном буду молиться за него. Вам тоже советую.

-- Слушаюсь. А за нас можно помолиться?

-- Тоже неплохая мысль,-- сказал Вукалович.

Поросшие лесом склоны холма, подступающего к лагерю майора Брозника, крутые и скользкие. Подъем был нелегким, копыта лошадей скользили, приходилось напрягать все силы, чтобы удержаться в седле. Однако неудобства ощущали далеко не все всадники. Партизанам, сопровождавшим группу Меллори, подобный подъем был не в новинку, они чувствовали себя в седле, как дома. Мерно попыхивающий своей мерзкой сигарой, Андреа тоже, по-видимому, не испытывал затруднений в отличие от своих товарищей. Эта деталь, подмеченная Рейнольдсом, лишней раз подкрепила зреющие в его душе мрачные подозрения. Он не сдержался:

-- Ваше недомогание за ночь как рукой сняло, полковник

Ставрос, сэр!

-- Зовите меня Андреа.-- Он вынул сигару изо рта.-- У меня бывают сердечные приступы. Как приходят, так и уходят.-- Сигара водрузилась на прежнее место.

-- Это уж точно,-- тихо пробурчал Рейнольдс и в очередной раз подозрительно обернулся назад.-- Где же, черт возьми, Меллори?

-- Где же, черт возьми, капитан Меллори,-- поправил Андреа.

-- Пусть так, но где он?

-- У руководителя экспедиции множество обязанностей,-- сказал Андреа.-- За многим надо присмотреть. Вероятно, этим он и занимается в данное время.

-- Лучше бы помолчал,-- буркнул Рейнольдс.

-- Что вы сказали?

-- Ничего.

Капитан Меллори, как правильно догадался Андреа, в этот момент был занят делом. Вместе с Брозником в его комнате они склонились над расстеленной на столе картой. Брозник ткнул пальцем в северную часть карты.

-- Согласен. Это ближайшая из возможных посадочных площадок. Но она расположена очень высоко. В это время года снежный покров там не меньше метра. Есть и другие места, получше.

-- Ни минуты не сомневаюсь,-- сказал Меллори.-- Чем дальше поле, тем оно зеленее, как говорится. Возможно, это относится и к летным полям. Но у меня нет времени их выбирать.-- Он решительно опустил палец на место, указанное до этого Брозником на карте.-- Мне необходима посадочная площадка здесь и только здесь. Она должна быть готова сегодня к ночи. Я был бы вам весьма признателен, если бы вы послали нарочного к Конжичу через час и позаботились о передаче моего запроса в штаб партизанских формирований в Дрваре.

Брозник сухо заметил:

-- Вы привыкли требовать невозможное, капитан Меллори.

-- Ничего невозможного здесь нет. Потребуется всего лишь тысяча человек. Вернее, их ноги. Небольшая цена за семь тысяч человеческих жизней, не правда ли? -- Он вручил Брознику листок бумаги. -- Наша частота и код. Попросите, чтобы Конжич радировал как можно скорее. -- Меллори взглянул на часы. -- Я отстал от своих уже на двадцать минут. Надо спешить.

-- Вы правы,-- согласился Брозник. Он помедлил, подыскивая подходящие слова, и неловко произнес: -- Капитан Меллори, я... я...

-- Знаю. Не беспокойтесь. Правда, такие, как я, никогда не доживают до старости. Ума не хватает.

-- Нам всем тоже.-- Брозник сжал руку Меллори.-- Сегодня я буду молиться за вас. Меллори помолчал, потом кивнул.

-- Только молитесь подольше.

Проводники-партизаны ехали впереди остальных, петляя между деревьями, вдоль пологого склона. Следом за ними, плечом к плечу, тряслись на низкорослых горных лошадках Андреа и Миллер, затем Петар, чью лошадь держала под уздцы Мария. Рейнольдс и Гроувс случайно или по какой-то другой причине отстали и тихо переговаривались.

Гроувс задумчиво произнес:

-- Интересно, о чем сейчас говорят Меллори с майором?

Рейнольдс горько скривил губы:

-- Лучше бы нам этого не знать.

-- Может быть, ты и прав, хотя это ничего не меняет.--

Гроувс помолчал, потом продолжил: -- Брозник -- мужик что надо. Это сразу видно.

-- Возможно. А Меллори?

-- Да и Меллори не хуже.

-- Не хуже? -- Рейнольдс был вне себя.-- Боже правый, я же тебе говорил! Я его собственными глазами видел с этой...-- Он презрительно кивнул в сторону Марии, ехавшей метрах в двадцати от них.-- Эта девчонка влепила ему -- и еще как влепила -- в лагере Нойфельда, и вдруг после этого я вижу, как они воркуют,

словно голубки, рядом с домом Брозника. Тебе не кажется это странным? Сразу после этого Саундерса зарезали. Совпадение? Знаешь, Гроувс, Меллори запросто сам мог это сделать. У девчонки тоже было достаточно времени для этого, прежде чем она встретила с Меллори. Разве что у нее не хватило бы сил всадить человеку нож в спину по самую рукоять. Но у Меллори было достаточно и сил, и времени, да и ситуация была подходящая, когда он относил эту чертову радиogramму Саундерсу. Гроувс возразил:

-- Но зачем, скажи на милость, ему это надо?

-- Брозник передал ему какую-то срочную информацию. Меллори необходимо было сделать вид, будто информация передана в Италию. Но, может быть, именно этого он меньше всего хотел. И нашел единственный доступный для себя выход, а потом разбил передатчик, чтобы никто не смог им воспользоваться в дальнейшем. Видимо, поэтому он и отговаривал меня установить дежурство и пойти проводить Саундерса -- чтобы я не обнаружил его труп. В этом случае, с учетом фактора времени, подозрение автоматическим образом падало на него.

-- У тебя воображение разыгралось. Но логика рассуждений Рейнольдса явно произвела на Гроувса впечатление.

-- А нож в спине Саундерса -- тоже плод моего воображения?

Через полчаса Меллори догнал остальных. Он объехал Рейнольдса и Гроувса, которые не повернули головы, сосредоточенно глядя на дорогу, затем Марию и Петара, занятых тем же, и пристроился вслед Андреа и Миллеру.

В таком порядке они еще около часа продвигались сквозь чащу боснийского леса. Изредка на их пути попадались поляны, хранившие остатки человеческого обитания. Крошечные деревеньки, хутора. Но жизнь их покинула, они были пусты. Все так же зеленела трава, шумели величественные деревья, пели птицы, но на месте непритязательных жилищ трудолюбивых горцев мрачно дымились почерневшие груды обгорелых бревен. В воздухе стоял терпкий запах дыма, запах горя, смерти и разрушения, которые принесла на эту землю жестокая война. Кое-где попадались маленькие, сложенные из камней хижины, на которые, видимо, пожалели взрывчатки и бензина, но все остальное было безжалостно уничтожено. В первую очередь уничтожили, вероятно, церкви и школы. От деревенской больницы не осталось буквально ничего, кроме нескольких покореженных скальпелей и пинцетов. Остальное гитлеровцы сровняли с землей. Меллори ужаснулся, представив, что произошло с больными. Однако его больше не удивляла цифра в 350 000 человек, названная капитаном Дженсенем. Если принять в расчет женщин и детей, то получится, что под знаменами маршала Тито встало не меньше миллиона добровольцев. Даже тем, кто не горел жаждой мести и патриотическими чувствами, просто некуда было больше идти. У этих людей буквально ничего не осталось. Им нечего было терять, кроме собственной жизни, которую они, кажется, не очень высоко ценили. Зато, уничтожив врага, они приобретали все. "Будь я на месте немецкого солдата, назначение в Югославию меня не очень обрадовало бы, -- подумал Меллори. -- Эту войну вермахту никогда не выиграть. Солдатам из Западной Европы бессмысленно бороться со свободолюбивыми горцами".

Едущие впереди партизаны не смотрели по сторонам, проезжая останки деревень своих почти наверняка погибших соплеменников. Им незачем смотреть, понял вдруг Меллори. Каждому сполна хватало собственных воспоминаний. Если бы чувство жалости к врагу было ему знакомо, в эти минуты Меллори пожалел бы немцев.

Постепенно извилистая лесная тропинка уступила место неширокой, но плотно укатанной дороге. Один из партизан вскинул руку, предлагая остальным остановиться.

-- Судя по всему, нейтральная полоса, -- заключил Меллори. -- По-моему, именно здесь нас высадили из грузовика утром.

Догадка Меллори оказалась верной. Партизаны заулыбались, помахали руками, прокричали какую-то тарабарщину на прощание и, прищипорив лошадей, двинулись в обратном направлении.

Семеро оставшихся, с Меллори и Андреа впереди и двумя

сержантами в конце колонны, двинулись вниз по дороге. Снегопад прекратился, и сквозь редкие облака засветило солнце. Внезапно Андреа, поглядывающий по сторонам, тронул Меллори за рукав. Меллори посмотрел туда, куда указывал Андреа. За редкими соснами, сбегаящими вниз по склону, вдалеке виднелась ярко-зеленая полоска. Меллори повернулся в седле.

-- Спускаемся вниз. Надо взглянуть, что там такое. Из леса не выходить!

Лошади медленно двинулись вниз по скользкому склону. Не доезжая десяти ярдов до края леса, всадники по знаку Меллори спешили и, прячась за стволами деревьев, а в конце ползком, добрались до опушки. Там они залегли, прячась между корнями огромных сосен. Меллори достал бинокль и протер запотевшие стекла.

Ярдах в трехстах ниже проходила граница снежного покрова. За полосой бурой, беспорядочно покрытой валунами земли зеленела чахлая травка. Еще ниже видна была покрытая гравием дорога. В удивительно хорошем для этих мест состоянии, заметил Меллори. Ярдах в ста от дороги, параллельно ей, была проложена узкоколейка. Ржавая, заросшая травой. Ею, видимо, давно не пользовались. Сразу за узкоколейкой земля обрывалась к узкому извилистому озеру, противоположный берег которого отвесной, каменной стеной поднимался к заснеженным вершинам.

Со своего наблюдательного поста Меллори отчетливо видел крутой поворот озера. Оно было неправдоподобно красиво: под ярким весенним солнцем блестело и искрилось, как изумруд. На гладкой поверхности под порывами ветра возникала рябь, и тогда изумрудный цвет сменялся лазурным. В ширину озеро было не более четверти мили, но длина его исчислялась многими милями. Длинный правый рукав, причудливо извиваясь между гор, уходил к востоку. Левый рукав, начинающийся от поворота к югу, упирался в бетонное тело плотины, перегородившей узкое ущелье с отвесными каменными стенами, почти смыкающимися наверху. Невозможно было отвести взор от зеркальной изумрудной поверхности, на которой отражались заснеженные горы.

-- Да...-- тихо сказал Миллер,-- красота! Андреа смерил его невыразительным взглядом и снова принялся осматривать озеро.

У Гроувса любопытство возобладало над неприязнью.

-- Что это за озеро, сэр? Меллори опустил бинокль.

-- Представления не имею. Мария! -- Она не ответила.-- Мария! Что это за озеро?

-- Неретвинское водохранилище,-- нехотя сказала она.-- Самое большое в Югославии.

-- Стратегически важный объект?

-- Очень важный. Тот, в чьих руках водохранилище, контролирует всю Центральную Югославию.

-- Насколько я понимаю, оно в руках немцев?

-- Да. Оно в наших руках.-- Она не сдержала довольной улыбки.-- Мы, то есть немцы, полностью контролируем все подходы к озеру. С двух сторон оно зажато скалами. На дальнем восточном конце есть только один мост через ущелье, и он охраняется круглые сутки. Так же, как и сама плотина. К ней можно добраться только одним путем -- по стальной лестнице, закрепленной на скале под плотиной;

Меллори сухо заметил:

-- Ценная информация. Особенно для команды диверсантов. Но у нас есть более срочные дела: Пошли! -- Он посмотрел на Миллера, который понимающе кивнул и двинулся вверх по склону. Двое сержантов и Мария с братом последовали за ним. Меллори и Андреа на минуту задержались.

-- Интересно, как она выглядит,-- пробормотал Меллори.

-- Что именно? -- спросил Андреа.

-- Другая сторона плотины.

-- А лестница в скале?

-- И лестница в скале тоже.

С того места, где лежал генерал Вукалович,-- на вершине западной стороны ущелья Неретвы -- ему открывался прекрасный вид на закрепленную в скале лестницу. Хорошо была видна и вся

внешняя стена плотины, спускавшаяся глубоко вниз, ко дну ущелья, по которому спешила река, вырвавшись из выходных отверстий в теле дамбы. Несмотря на впечатляющую высоту, плотина была неширокой -- не более тридцати ярдов в самой верхней своей части. На самой плотине, со стороны восточного берега, на небольшом возвышении стояло здание управления станции и два небольших строения, в которых, судя по количеству солдат, патрулирующих дамбу, располагалась охрана. Стены ущелья поднимались вертикально футов на тридцать выше домов, а затем зловеще зависали над плотиной.

От здания управления ко дну ущелья вела зигзагообразная стальная лестница, закрепленная в теле скалы металлическими скобами. Она была выкрашена в ярко-зеленый цвет. От основания лестницы, вдоль берега реки, по дну ущелья вилась узкая тропинка. Ярдов через сто она обрывалась -- там стена ущелья была рассечена глубокой ложбиной -- следом от оползня, сошедшего здесь в незапамятные времена. Через реку был перекинут подвесной мост, от которого тропинка шла дальше вниз по течению, но уже по правому берегу.

Мост был далеко не новым и грозил рухнуть под собственной тяжестью в бурные воды Неретвы. Но поражало совсем не это. Казалось, что место для него было подобрано человеком, находившимся не в ладах со здравым смыслом. Прямо над мостом на краю ложбины завис огромный валун. Его угрожающий вид не позволил бы замешкаться даже самому хладнокровному смельчаку, решившему перебраться через реку. На самом же деле другого места для моста просто не было.

Каменистая тропа, выходящая от моста по западному берегу, доходила до массивного мыса и там обрывалась, чтобы появиться снова на восточном берегу. По-видимому, в этом месте предполагалось пересекать реку вброд. Но быстрое течение и скользкие камни вызывали законное сомнение в удачном исходе столь рискованной процедуры.

Генерал Вукалович опустил бинокль и повернулся к человеку, расположившемуся рядом.

-- На восточном фронте все спокойно, не так ли, полковник Янци? -- спросил он с улыбкой.

-- На восточном фронте тишина, -- согласился Янци. Это был небольшого роста человек с круглой смешливой физиономией, плутовским блеском в глазах и совершенно не вяжущейся с его обликом седой шевелюрой. -- Вот на северном фронте ситуация совсем не такая благополучная.

Улыбка исчезла с лица Вукаловича, когда он направил бинокль на север. Километрах в пяти в ярких лучах утреннего солнца отчетливо виднелась густо поросшая лесом Клеть Зеницы. За эту долину уже несколько недель шли ожесточенные бои между обороняющимися партизанами под командованием полковника Янци и наступающими частями 11-го армейского корпуса германской армии. Время от времени над лесом поднимались столбы дыма, собираясь в темные тучи на безоблачном голубом небе. Непрерывный треск винтовочных выстрелов сопровождался тяжело ухающими артиллерийскими залпами. Вукалович опустил бинокль и задумчиво посмотрел на Янци.

-- Небольшое послабление перед атакой?

-- А что же еще? Готовят последний удар.

-- Сколько у них танков?

-- Трудно сказать наверняка. Мы считаем, что около ста пятидесяти.

-- Значит, сто пятьдесят!

-- Это сведения моих штабистов. Кроме того, они считают, что среди них не меньше пятидесяти "тигров".

-- Дай Бог, чтобы ваши штабисты ошиблись. -- Вукалович устало потер покрасневшие от бессонницы глаза. За последние две ночи ему так и не удалось прилечь. -- Пойдемте посмотрим, сколько нам удастся насчитать.

Мария и Петар ехали впереди, а Рейнольдс и Гроувс подчеркнуто держались особняком и отстали от остальных ярдов на пятьдесят. Меллори, Андреа и Миллер ехали рядом по узкой дороге, почти касаясь друг друга. Андреа задумчиво посмотрел на

Меллори.

-- Есть какие-нибудь идеи по поводу смерти Саундерса?

Меллори покачал головой.

-- Спроси о чем-нибудь попроще.

-- Что было в радиোগрамме, которую он должен был отправить?

-- Отчет о нашем успешном прибытии в лагерь Брозника.

Больше ничего.

-- Психопат, -- заключил Миллер. -- Я имею в виду того парня с ножом. Только психопат может зарезать из-за такой мелочи.

-- Возможно, он ошибался и совсем по другой причине пошел на убийство, -- задумчиво сказал Меллори. -- Он мог считать, что это послание другого рода.

-- Другого рода послание? -- Миллер вскинул брови одному ему известным способом. -- А что же там могло... -- Тут он поймал взгляд Андреа и запнулся, видимо, раздумав продолжать. Вместе с Андреа они с любопытством наблюдали за Меллори, который был погружен в тяжелые раздумья.

Это длилось недолго. С видом человека, который пришел, наконец, к важному решению, Меллори встрепенулся, поднял голову и крикнул Марии, веля остановиться. Вместе они подождали Рейнольдса с Гроувсом.

-- У нас есть несколько вариантов дальнейших действий, -- сказал Меллори, -- не знаю, лучший или худший из них я выбрал, но у меня созрело решение. -- Он улыбнулся. -- Надеюсь, что лучший, ибо только так мы можем самым быстрым образом выбраться отсюда. Я переговорил с майором Брозником и выяснил необходимое. Он сказал мне...

-- Добыли информацию для Нойфельда, выходит? -- Если Рейнольдс и пытался скрыть презрительные нотки, то у него это плохо получалось.

-- К чертям Нойфельда, -- спокойно сказал Меллори. -- Партизанским разведчикам удалось обнаружить, где содержатся четверо связанных, захваченных гитлеровцами.

-- Они это узнали? -- спросил Рейнольдс. -- Почему же они сами ничего не предпринимают?

-- По вполне понятной причине. Пленники находятся на немецкой территории, высоко в горах. Их держат в охраняемом, неприступном блокгаузе.

-- А что же мы можем сделать с этими пленниками в неприступном блокгаузе?

-- Все просто, -- сказал Меллори и уточнил: -- Теоретически все просто. Мы их освобождаем и этой ночью отбываем отсюда к своим.

Рейнольдс и Гроувс уставились сначала на Меллори, потом друг на друга с откровенным недоумением. Андреа и Миллер предпочитали ни на кого не смотреть.

-- Вы спятили! -- с уверенностью сказал Рейнольдс.

-- Вы спятили, сэр, -- неодобрительно поправил его Андреа. Рейнольдс непонимающе посмотрел на Андреа, потом вновь обратился к Меллори.

-- Вы действительно сошли с ума! -- настаивал он. -- Куда мы можем отсюда деться?

-- Домой. В Италию.

-- В Италию! -- Рейнольдсу потребовалось не менее десяти секунд, чтобы переварить информацию. Он продолжал с издевкой:

-- Я полагаю, мы отправимся туда на самолете?

-- Плыть далековато, даже для такого спортивного молодого человека, как вы. Конечно, самолетом, как же еще?

-- Полетим? -- Гроувс был, похоже, слегка ошарашен.

-- Полетим. В десяти километрах отсюда, высоко в горах, есть плато. Эта местность контролируется партизанами. Сегодня, в девять вечера, туда прилетит самолет.

Как часто поступают люди, не уловившие смысла сказанного, Гроувс повторил услышанное в виде вопроса:

-- Сегодня, в девять вечера, туда прилетит самолет? Вы только что об этом договорились?

-- Каким образом? У нас нет передатчика. Недоверчивая мина Рейнольдса полностью соответствовала его тону:

-- Но как вы можете быть уверены, что он будет там именно в девять вечера?

-- Потому что, начиная с шести часов вечера сегодняшнего дня и в течение всей следующей недели, если понадобится, каждые три часа над плато будет появляться английский бомбардировщик.

Меллори прищипорил коня, и они тронулись в путь. Рейнольдс и Гроувс, как обычно, пристроились в хвосте отряда. Некоторое время Рейнольдс буравил спину Меллори сердитым взглядом, затем повернулся к Гроувсу.

-- Ну-ну. Интересно получается. Мы случайно оказываемся в лагере Брозника, он случайно узнает о том, где содержатся связные. Над неким аэродромом, в некое время оказывается самолет, о чем нам тоже случайно становится известно. А я наверняка знаю, что никаких высокогорных аэродромов здесь нет и не было. Тебе это не кажется странным? Или ты предпочитаешь продолжать слепо верить тому, что он нам говорит?

По несчастному лицу Гроувса было видно, что у него и в мыслях такого не было.

-- Что же нам делать?

-- Быть бдительными.

Ярдах в пятидесяти впереди них Миллер прокашлялся и тихо сказал, обращаясь к Меллори:

-- Похоже, что Рейнольдс не доверяет вам, как прежде, сэр.

Меллори сухо ответил:

-- Ничего удивительного. Ведь он считает, что я убил Саундерса.

На этот раз переглянулись Миллер и Андреа. Их обычно непроницаемые лица выражали крайнюю степень недоумения.

ГЛАВА 7. ПЯТНИЦА. 10.00--12.00

В полумиле от лагеря Нойфельда их встретили четники с капитаном Дрошным во главе. Нельзя сказать, чтобы Дрошный был рад их видеть, но поддерживать холодный нейтралитет ему удавалось, хотя, наверное, не без усилий.

-- Значит, все-таки вернулись?

-- Как видите,-- ответил Меллори. Дрошный перевел взгляд на лошадей.

-- Путешествуем с комфортом.

-- Подарок нашего приятеля -- майора Брозника.-- Меллори усмехнулся.-- Он считает, что мы так быстрее доберемся до Конжича.

Похоже, что Дрошному было наплевать на то, что считает майор Брозник. Он кивнул головой, прищипорил коня и рысцой двинулся к лагерю.

Не успели они спешиться, как Дрошный повел Меллори в резиденцию Нойфельда. Прием Нойфельда тоже нельзя было назвать радушным. Правда, в отличие от Дрошного, ему удалось изобразить на лице подобие улыбки. Он не скрывал своего удивления.

-- Откровенно говоря, капитан, я не надеялся больше вас увидеть. Слишком уж много было, скажем так... отягчающих обстоятельств. Тем не менее я рад нашей встрече. Ведь вы без информации не вернулись бы, верно? А теперь перейдем к делу, капитан Меллори.

Меллори неодобрительно посмотрел на Нойфельда.

-- Вы не производите на меня впечатление надежного делового партнера, к сожалению.

-- Вот как? -- вежливо переспросил Нойфельд.-- В каком смысле?

-- Деловые партнеры друг друга не обманывают. Вы сказали, что войска Вукаловича приведены в боевую готовность. Так оно и есть. Но не для того, чтобы прорвать окружение, как вы утверждали, а для того, чтобы отразить решающее наступление немцев. Наступление, цель которого -- стереть их с лица земли раз и навсегда. Партизаны уверены, что оно начнется в самое

ближайшее время.

-- Видите ли, не мог же я выдавать вам наши военные секреты, которые вы могли бы, я повторяю, могли бы передать врагу. В то время у меня не было оснований безоговорочно доверять вам,-- резонно заметил Нойфельд.-- Вы же не настолько наивны, чтобы не понять этого. Откуда вы узнали о готовящемся наступлении? Кто снабдил вас информацией?

-- Майор Брозник.-- Меллори улыбнулся.-- Он был очень откровенен со мной.

Нойфельд подался вперед, лицо его застыло от напряжения. Пристально глядя в глаза Меллори, он произнес:

-- Они не говорили вам, откуда ожидается наступление?

-- Я запомнил только одно: мост через Неретву. Нойфельд с облегчением опустился на стул, глубоко вздохнул и, чтобы смягчить впечатление от дальнейшего, широко улыбнулся:

-- Друг мой, не будь вы англичанином, дезертиром, изменником и спекулянтom наркотиками, то могли бы претендовать на Железный Крест. Кстати,-- заметил он вскользь,-- по сообщениям из Падуи, ваша версия о побеге из-под стражи подтвердилась. Значит, говорите, мост через Неретву? Вы уверены? Меллори был заметно раздражен:

-- Если вы мне не доверяете...

-- Ну что вы, что вы. Так просто, к слову пришлось.-- Нойфельд сделал паузу, затем тихо произнес: -- Мост через Неретву.-- В его устах это прозвучало словно заклинание.

Дрошный тихо добавил:

-- Мы так и подозревали.

-- Ваши подозрения меня не интересуют,-- грубо перебил его Меллори.-- Поговорим о нас, если вы не против. Мы неплохо поработали, так вы сказали? Мы выполнили вашу просьбу и добыли необходимую информацию, верно? -- Нойфельд кивнул.-- Тогда помогите нам отсюда выбраться. И поскорее. Отправьте нас подальше за линию фронта. В Австрию или Германию, если угодно. Чем дальше отсюда, тем лучше. Вы понимаете, что будет с нами, если мы опять попадем к англичанам или югославам?

-- Нетрудно догадаться,-- почти весело заметил Нойфельд.-- Но вы нас недооцениваете, мой друг. Безопасное место для вас уже готово. Шеф военной разведки в Северной Италии жаждет с вами познакомиться. Он считает, что вы могли бы оказаться ему весьма полезны.

Меллори понимающе кивнул.

Генерал Вукалович рассматривал в бинокль ущелье Зеницы -- узкую, густо поросшую лесом полосу земли, с двух сторон зажатую крутыми скалистыми склонами высоких гор.

Между сосен легко угадывались силуэты танков 11-го армейского корпуса вермахта. Немцы даже не попытались замаскировать или спрятать их поглубже в лесу. Типично немецкая самоуверенность, горько усмехнулся Вукалович. Они не сомневаются в исходе готовящегося наступления. Он ясно видел фигурки солдат, суесящихся вокруг танков. Судя по непрерывающемуся гулу моторов, доносящемуся из леса, остальные танки маневрировали, выходя на вторые позиции для грядущей атаки. Мощные моторы "тигров" нутужно ревели.

Вукалович опустил бинокль, сделал несколько пометок карандашом на листке бумаги и углубился в арифметические подсчеты. Со вздохом отложил листок и повернулся к полковнику Янци, погруженному в аналогичные вычисления. Устало произнес:

-- Принесите мои извинения своим штабистам, полковник. Они умеют считать ничуть не хуже меня.

Обычные пиратская удаль и самонадеянная ухмылка капитана Дженсена куда-то исчезли. Невозможно было предположить, что столь благородные черты лица способна так исказить усталость. Нахмуренные брови и сосредоточенный взгляд покрасневших от бессонницы глаз выдавали напряженную работу мысли. Заложив руки за спину, он размеренно ходил из угла в угол комнаты оперативного штаба армии в Термоли.

Он вышагивал не в одиночестве. Рядом с ним, бок о бок, прохаживался крепко сбитый, седой человек в форме генерал-лейтенанта британских вооруженных сил. Так же, как и

Дженсен, генерал был погружен в размышления. Когда они в очередной раз дошли до дальнего угла комнаты, генерал остановился и вопросительно посмотрел на сержанта, склонившегося в наушниках над большим армейским передатчиком фирмы Ар-Си-Эй. Сержант медленно покачал головой из стороны в сторону. Хожение возобновилось. Генерал резко сказал:

-- Время уходит. Надеюсь, вы понимаете, Дженсен, что, начав крупную военную акцию, пойти на попятную совершенно невозможно?

-- Я это понимаю, -- тяжело произнес Дженсен. -- Что доносит разведка?

-- В донесениях недостатка нет, но только Богу известно, что нам с ними делать, -- в голосе генерала звучала горечь. -- На всей линии Густава беспокойно. Туда подтянуты, насколько нам известно, две танковые дивизии, одна немецкая пехотная дивизия, дивизия австрийцев и два батальона знаменитых альпийских стрелков. Наступление они не готовят, это совершенно ясно, их дислокация делает наступление невозможным в данный момент. Кроме того, если бы они вдруг решились на наступление, то наверняка постарались бы проводить переброску сил тайно.

-- Как объяснить, в таком случае, их активность? Генерал вздохнул.

-- Наши "компетентные источники" утверждают, что гитлеровцы готовят неожиданный отход на новые позиции. Компетентные источники! Меня больше всего беспокоит, что эти проклятые дивизии в данный момент находятся на линии Густава. Дженсен, что случилось, в конце концов?

Дженсен беспомощно пожал плечами.

-- Мы договорились о выходе на связь каждые два часа после четырех часов утра...

-- И до сих пор ничего?

Дженсен промолчал.

Генерал задумчиво посмотрел на него.

-- Самые лучшие люди во всей Южной Европе, вы говорите?

-- Да, именно так.

Сомнения генерала в правильности подбора Дженсеном людей для операции "Десять баллов" существенно возросли бы, окажись он в этот момент среди них, в лагере гауптмана Нойфельда, в Боснии. Не было и речи о гармонии, взаимопонимании и безусловном доверии друг к другу, столь естественных для отряда специально отобранных диверсантов, считающихся лучшими в своем деле. Напротив, в их отношениях отчетливо ощущались напряженность, подозрительность и недоверие. Рейнольдс, обращаясь к Меллори, с большим трудом сдерживал распиравшее его негодование.

-- Я хочу знать сейчас! -- Голос Рейнольдса срывался на крик.

-- Говорите тише, -- резко прервал его Андреа.

-- Я хочу знать сейчас, -- повторил Рейнольдс. На этот раз почти шепотом, но тем не менее настойчиво и требовательно.

-- Вам скажут, когда придет время. -- Голос Меллори звучал, как всегда, спокойно и бесстрастно. -- Но не раньше. Чем меньше вы знаете, тем меньше можете разболтать.

Рейнольдс угрожающе сжал кулаки и двинулся на Меллори.

-- Не хотите ли вы сказать, что я, черт бы вас побрал, собираюсь...

-- Я ничего не хочу сказать, -- сдержанно заметил Меллори. -- Я был прав тогда, в Термоли, сержант. Вы самая настоящая мина замедленного действия, с взведенным часовым механизмом.

-- Может быть, -- ярость Рейнольдса уже перехлестнула через край. -- Во всяком случае, бомба -- штука честная. Мне нечего скрывать в отличие от некоторых!

-- Повтори, что ты сказал, -- спокойно произнес Андреа.

-- Что?

-- Повтори.

-- Послушай, Андреа...

-- Не Андреа, а полковник Ставрос, сыпок.

-- Да, сэр.

-- Повтори свои слова, и я гарантирую тебе минимум пять лет тюрьмы за неуважение к командиру в боевых условиях.

-- Так точно, сэр,-- попытка держать себя в руках стоила Рейнольдсу героических усилий. Это было очевидно.-- Но почему он ни слова не сказал нам о своих планах на сегодняшнее утро и в то же время сообщил, что вечером мы улетаем с какого-то непонятного аэродрома на плато Ивеничи?

-- Потому что немцы могут вмешаться в наши планы,-- терпеливо пояснил Андреа.-- Если им удастся их узнать. Например, выпытав у кого-нибудь из нас. Информация об Ивеничи им ничего не даст. Эта местность контролируется партизанами.

Миллер благоразумно переменял тему. Он обратился к Меллори:

-- Две тысячи метров над уровнем моря, ты говоришь? Там же снега должно быть по пояс. Каким образом его можно расчистить, хотелось бы знать?

-- Не знаю,-- пожал плечами Меллори.-- Ктонибудь об этом позаботится, я полагаю. Придумают способ.

Плато Ивеничи, на высоте двух тысяч метров, действительно было покрыто толстым снежным ковром, но тот, кто должен был об этом позаботиться, уже кое-что придумал.

Плато представляло собой мрачную, белую, холодную пустыню, совершенно несовместимую с присутствием человека. С запада его окаймляла двухсотметровая каменная гряда с почти отвесными стенами, испещренная многочисленными ледопадами, и кое-где островками чудом прилепившихся корнями к остаткам земли сосен, покрытыми заледеневшим слоем снега. С востока плато круто обрывалось вниз к долине.

Ровная, как стол, поверхность плато, покрытая снежной скатертью, в лучах яркого горного солнца отливала неестественной белизной, от которой глазам становилось больно. В длину плато простиралось, вероятно, на полмили. В ширину нигде не превышало сотни ярдов. Южная оконечность плавно переходила в относительно пологий горный склон.

Здесь, на окраине плато, стояли две белые палатки:

одна -- маленькая, другая -- большая, шатровая. Рядом с маленькой разговаривали двое мужчин. Один из них, повыше и постарше, в серой шинели и темных очках, полковник Вис, командующий сараевской партизанской бригадой. Другой, помоложе и постройней, его адъютант, капитан Вланович. Оба внимательно осматривали плато.

Капитан Вланович вздохнул:

-- Должны же быть какие-то другие, более простые способы.

-- Назови их, Борис, мой мальчик, и я тут же с тобой соглашусь.-- Полковник Вис производил впечатление спокойного, уверенного в себе человека.-- Я согласен, бульдозеры или снегоочистители пришлось бы как нельзя к месту. Но ты должен согласиться со мной, что преодолеть почти вертикальные каменистые склоны не под силу даже самому искусному водителю. Кроме того, зачем нужна армия, если не для того, чтобы маршировать, верно?

-- Так точно,-- уверенности в голосе Влановича не чувствовалось.

Оба взглянули на север, пытаясь охватить взглядом плато на всем его протяжении.

Дальше открывалась величественная картина остроконечных горных вершин, покрытых снежными шапками. Они ярко искрились на солнце, оттеняя прозрачную голубизну безоблачного неба. Зрелище было необычным.

Не менее впечатляющим было то, что происходило на самом плато. Солидная колонна из тысячи солдат, половина которых была одета в серую форму югославской армии, а остальные -- в пестрых одеждах непонятной принадлежности, медленно продвигалась по глубокому снегу.

Колонна представляла собой двадцать шеренг по пятьдесят человек в каждой. Взявшись за руки и наклонившись, люди мелкими шажками продвигались вперед. Они шли очень медленно, что было неудивительно, ибо первая шеренга увязала в снегу по пояс. На лицах людей появились первые признаки усталости. Это была

убийственно тяжелая работа, от которой на такой высоте бешено билось сердце и каждый вдох давался с трудом, а налитые свинцом ноги отказывались повиноваться и отзывались болью в суставах при попытке сдвинуть их с места.

Не только на долю мужчин выпало это суровое испытание. Первые пять рядов состояли исключительно из солдат, в оставшейся же части колонны женщин было приблизительно столько же, сколько и мужчин. Но различить их было трудно, так как они с головы до ног закутались в самые немыслимые одежды, спасаясь от лютого холода и пронизывающего ветра. Две последних шеренги целиком состояли из партизанок, бредущих по колено в снегу.

Зрелище было фантастическим, хотя и нередким для Югославии во время войны. Практически все аэродромы внизу контролировались подразделениями вермахта и были недоступны для югославов. Поэтому партизанам приходилось подобными методами создавать импровизированные взлетно-посадочные полосы высоко в горах. При такой глубине снежного покрова и в местах, совершенно недоступных для техники, -- у них не было другого выхода.

Полковник Вис посмотрел на работающих и повернулся к капитану Влановичу.

-- Борис, мой мальчик, надеюсь, вы понимаете, что мы здесь не на прогулке? Организуйте доставку продовольствия и позаботьтесь о том, чтобы приготовили горячий суп. За сегодняшний день придется израсходовать недельную норму продуктов. -- Слушаюсь, -- Вланович кивнул головой и сдвинул набок ушанку, чтобы лучше слышать зазвучавшую с севера канонаду. -- Это что еще за чертовщина? Вис сказал задумчиво:

-- Звук далеко разносится в чистом горном воздухе. Не правда ли, капитан?

-- Простите, полковник...

-- Это значит, мой мальчик, -- проговорил Вис с явным удовлетворением, -- что базе "мессершмиттов" в Ново-Дервенте в данный момент хорошо достается.

-- Я не совсем понимаю... Вис терпеливо вздохнул.

-- Когда-нибудь я сделаю из тебя настоящего солдата, мой мальчик. "Мессершмитты", Борис, -- это истребители, вооруженные всевозможными мерзкими пушками и пулеметами. А что сейчас представляется идеальной мишенью для истребителей здесь, в Югославии?

-- Идеальная мишень... -- Вланович осекся и посмотрел на колонну. -- Боже мой!

-- Вот именно. Британские ВВС оттянули с итальянского фронта шесть эскадрилий своих лучших тяжелых бомбардировщиков -- "ланкастеров" только для того, чтобы уважить наших друзей в НовоДервенте. -- Он тоже сдвинул фуражку набок, чтобы лучше слышать. -- Прилежно работают, верно? После того, как закончат, ни один "мессер" не сможет взлететь оттуда как минимум неделю. Если, конечно, останется кому взлетать.

-- Разрешите сказать, полковник?

-- Разумеется, капитан.

-- Есть и другие базы истребителей.

-- Верно. -- Вис запрокинул голову. -- Видите что-нибудь?

Вланович посмотрел вверх, прикрывая ладонью глаза от яркого солнца, и покачал головой.

-- Я тоже не вижу, -- согласился Вис. -- Но на высоте семь тысяч метров до наступления темноты будут дежурить истребители-перехватчики.

-- Кто же он такой, полковник? Кто этот человек, ради которого работают наши солдаты, взлетают эскадрильи бомбардировщиков и истребителей?

-- Некий капитан Меллори, насколько мне известно.

-- Капитан? Как и я?

-- Капитан. Но думаю, не совсем, как вы, Борис, -- мягко заметил Вис. -- Дело не в звании, а в имени. Это Меллори.

-- Никогда о нем не слышал.

-- Все впереди, мой мальчик.

-- Но зачем все это нужно этому самому Меллори?

-- Спросишь у него сам сегодня вечером.

-- Он будет вечером здесь?

-- Будет. Если, -- добавил он мрачно, -- доживет.

Нойфельд решительной походкой вошел в радиорубку, помещавшуюся в ветхом бараке. Дрошный следовал за ним. В комнате не было ничего, кроме стола, двух стульев и портативного передатчика. Сидящий за ним капрал вопросительно обернулся на вошедших.

-- Соедините меня со штабом седьмого корпуса у Неретвинского моста, -- распорядился Нойфельд. Он был в прекрасном расположении духа. -- Я хочу говорить лично с генералом Циммерманом.

Капрал кивнул и отстучал позывные. Ответ не заставил себя долго ждать. Капрал взглянул на Нойфельда. -- Генерал сейчас подойдет, герр гауптман.

Нойфельд взял наушники и указал капралу на дверь. Тот поднялся и вышел из комнаты. Нойфельд занял его место и надел наушники. Через несколько секунд, услышав хриплый голос генерала, он машинально выпрямился.

-- Говорит гауптман Нойфельд, герр генерал. Англичане вернулись. Согласно их информации, партизанская дивизия в Клетти Зеницы ожидает наступления со стороны моста через Неретву, с юга.

-- Вот как? -- генерал Циммерман, удобно устроившись в кресле передвижной радиостанции, дислоцированной на опушке леса к югу от моста через Неретву, не скрывал удовлетворения. Брезентовый полог кузова был поднят, и генерал снял фуражку, наслаждаясь лучами нежного весеннего солнца. -- Интересно, очень интересно. Что еще?

Голос Нойфельда, искаженный помехами, приобрел металлический оттенок:

-- Они попросили переправить их в надежное место. Подальше за линию фронта, даже в Германию. Им здесь несколько не по себе.

-- Ну-ну. Чувствуют себя не в своей тарелке? -- Циммерман помолчал, задумался, потом продолжил: -- Вы полностью информированы о сложившейся ситуации, гауптман Нойфельд? Вы понимаете, насколько важны все мельчайшие детали в этой игре?

-- Да, герр генерал.

-- В таком случае мне надо немного подумать. Ждите.

Циммерман обдумывал решение, поворачиваясь из стороны в сторону в своем кресле. Он задумчиво посмотрел на север и в который раз увидел луга, подходящие к южному берегу Неретвы, стальной мост, перекинутый через реку, северный берег, избегающий к каменистой гряде -- линии обороны партизан под командованием полковника Ласло. На восток, к ущелью, уходила бело-зеленая лента реки. Он повернулся направо. К югу простирался глухой сосновый бор, который на первый взгляд казался безобидно пустынным, пока привыкшие к темноте глаза не различили угловатые силуэты, тщательно замаскированные от любопытных глаз брезентом и сосновыми ветками. Вид этих скрытых в лесу танков, авангарда двух бронетанковых дивизий помог Циммерману принять окончательное решение. Он взял в руки микрофон.

-- Гауптман Нойфельд? Я разработал план действий. Прошу вас беспрекословно выполнять следующие инструкции...

Дрошный снял с головы параллельно включенные наушники и неуверенно спросил у Нойфельда:

-- По-моему, генерал слишком многого от нас хочет. Вам не кажется?

Нойфельд отрицательно покачал головой.

-- Генерал Циммерман всегда знает, что делает. Таких людей, как Меллори, ему ничего не стоит раскусить.

-- Хотелось бы верить, -- неуверенно произнес Дрошный.

Они вышли на улицу. Нойфельд сказал, обращаясь к радисту:

-- Капитана Меллори ко мне. И сержанта Баера тоже.

Когда Меллори вошел к Нойфельду, Дрошный и Баер уже были там. Нойфельд был деловит и краток.

-- Вас заберет самолет на лыжах. Только такой самолет способен приземлиться в этих чертовых горах. У вас есть

несколько часов для сна. Мы отправимся не раньше четырех.

Вопросы есть?

-- Где находится аэродром?

-- На поляне, в километре отсюда. Что еще?

-- Вопросов больше нет. Только если можно, поскорее. Вот и все.

-- Вам не надо беспокоиться, Меллори, -- прочувственно произнес Нойфельд. -- Я сам мечтаю поскорее вас отправить. Вы для меня, честно говоря, как бельмо на глазу. И чем скорее вас здесь не будет, тем лучше.

Меллори понимающе кивнул и вышел. Нойфельд повернулся к Баеру:

-- У меня к вам небольшое поручение, сержант. Небольшое, но очень ответственное...

Меллори медленно шел по территории лагеря, погрузившись в свои мысли. Когда он подходил к своему временному пристанищу, дверь барака открылась и оттуда появился Андреа, окутанный сигарным дымом. Не произнеся ни слова и сердито нахмурившись, он прошел мимо Меллори. Из комнаты слышались звуки гитары. Петар, как обычно, наигрывал югославскую версию "Покинутой любви". Видимо, это была его любимая песня. Когда Меллори вошел, Мария, Рейнольдс и Гроувс тихо сидели рядом, Миллер лежал в спальном мешке с неизменным томиком стихов в руках.

Меллори кивнул головой в сторону двери.

-- Что-то расстроило нашего друга. Миллер усмехнулся и, в свою очередь, кивнул на Петара.

-- Он опять играет любимую мелодию Андреа. Меллори усмехнулся и повернулся к Марии.

-- Попросите его прекратить пение. Сегодня днем мы улетаем, и нам необходимо выспаться.

-- Можем поспать в самолете, -- хмуро сказал Рейнольдс. -- Или когда прибудем в конечный пункт своего назначения, где бы он ни был.

-- Нет, спите сейчас.

-- Почему именно сейчас?

-- Почему сейчас? -- Меллори рассеянно посмотрел куда-то вдаль и тихо произнес: -- Потому, что другого случая может и не быть.

Рейнольдс удивленно взглянул на него. Впервые в его взгляде не было враждебности и недоверия. Только любопытство и что-то похожее на понимание.

На плато Ивеничи колонна продолжала неумолимо двигаться вперед, но назвать ее колонной солдат язык не поворачивался. Они вообще не походили на человеческие существа. Доведенные до крайнего истощения, с перекошенными от напряжения лицами, они медленно продвигались, автоматически переставляя затекшие непослушные ноги, словно зомби -- вставшие из могил мертвецы. То тут, то там кто-нибудь спотыкался и падал, чтобы уже не подниматься больше. Его оттаскивали в сторону, к остальным бедолагам, которых заботливые партизанки пытались привести в чувство. Они растирали отмороженные конечности и вливали в горло ослабших товарищей щедрые порции горячего супа и крепкой ракии.

Капитан Вланович повернулся к полковнику Вису. Лицо его исказило страдание, голос был хриплый и глухой.

-- Это безумие, полковник, безумие! Вы сами видите, что это невозможно. Нам никогда не успеть. Взгляните -- за первые два часа выбыли из строя двести пятьдесят человек. Кислородное голодание, холод, колоссальные физические нагрузки... Это безумие.

-- Сама война -- безумие, -- спокойно заметил Вис. -- Дайте радиограмму. Нам потребуется еще пятьсот человек.

ГЛАВА 8. ПЯТНИЦА. 15.00--21.15

Решающий момент наступил, Меллори знал это. Он взглянул на Андреа, Миллера, Рейнольдса и Гроувса и понял, что им это тоже ясно. На их лицах, как в зеркале, отражались его собственные ощущения:

крайняя степень напряжения, готовность в любую секунду взорваться и перейти к решительным действиям.

Подобный момент истины наступал всегда, срывая с людей все наносное. Тогда становилось ясно, кто чего стоит. Он надеялся, что Рейнольдс и Гроувс проявят себя с лучшей стороны. О Миллере и Андреа беспокоиться не приходилось -- слишком хорошо они знали друг друга. Миллер, когда, казалось, все потеряно, был способен на невозможное. А обычно благодушно настроенный Андреа превращался в совершенно другого человека -- невероятную комбинацию холодного рассудка и беспощадной стремительной силы. Меллори никогда прежде не доводилось встречаться с подобным феноменом. Когда Меллори заговорил, голос его звучал, как всегда, спокойно и бесстрастно.

-- Мы отправляемся в четыре часа. Сейчас три. Если повезет, захватим их врасплох. Все ясно? Рейнольдс спросил неуверенно:

-- Вы хотите сказать, что если что-нибудь сорвется, нам придется применить оружие?

-- Вам придется стрелять. И стрелять наверняка. Вы должны убивать. Это приказ, сержант.

-- Бог свидетель,-- сказал Рейнольдс,-- я не могу понять, что происходит.-- По выражению его лица было понятно, что он уже отчаялся разобраться в ситуации.

Меллори и Андреа вышли из барака и небрежной походкой направились к резиденции Нойфельда. Меллори сказал:

-- Если не мы их, то они нас, понимаешь?

-- Понимаю. А где Петар и Мария?

-- Может быть, спят? Они вышли из барака пару часов назад. Мы заберем их позже.

-- Как бы поздно не было... Они очень рискуют, старина Кейт.

-- Что можно поделать, Андреа? Последние десять часов я только об этом и думаю. Это непомерный риск, но я вынужден пойти на это. В случае необходимости ими придется пожертвовать, Андреа. Ты же понимаешь, что для меня значило бы открыть сейчас карты.

-- Еще бы,-- тяжело произнес Андреа.-- Это был бы конец всему.

Они вошли к Нойфельду, не постучавшись. Он сидел за столом рядом с Дрошным и, увидев их, раздраженно взглянул на часы.

-- Я же говорил в четыре, а сейчас только три.

-- Перепутали,-- извинился Меллори, закрывая дверь.-- Прошу без глупостей.

Нойфельд и Дрошный глупить не собирались. Вряд ли можно решиться на необдуманный поступок под дулами двух "парабеллумов", с заботливо прикрученными глушителями. Они так и продолжали сидеть, не двигаясь с места, только лица их побелели. Нойфельд первым нарушил молчание:

-- Я виноват, что недооценил вас...

-- Спокойно. Людям Брозника удалось обнаружить, где вы содержите четверых английских связных. Нам приблизительно известно, где они находятся. Вы знаете это точно. Сейчас вы нас туда отведете. Немедленно.

-- Сумасшедшие,-- уверенно заключил Нойфельд.

-- Нам это и без вас известно.-- Андреа зашел за спину Нойфельду и Дрошному, вынул у них пистолеты из кобуры, опорожнил магазины и положил их на прежнее место. Потом проделал ту же операцию с двумя стоящими в углу "шмайссерами" и положил их на стол перед Нойфельдом и Дрошным.

-- Прошу вас, джентльмены,-- любезно сказал Андреа.-- Вооружены до зубов. Дрошный злобно процедил:

-- А если мы откажемся идти с вами? От любезности Андреа не осталось и следа. Он неторопливо обошел вокруг стола и с такой силой ткнул глушителем пистолета Дрошному в зубы, что тот застонал от боли.

-- Не надо....-- голос Андреа звучал почти умоляюще, -- не надо меня дразнить, пожалуйста.

Дрошный решил не испытывать судьбу, Меллори подошел к окну и выглянул наружу. Недалеко от барака Нойфельда стояло около дюжины четников. Все они были вооружены. В дальнем конце лагеря виднелась конюшня. Двери ее были раскрыты настежь. Это означало, что Миллер и двое сержантов заняли позиции.

-- Пройдете по территории лагеря к конюшне, -- сказал Меллори. -- Ни с кем не заговаривать, никаких предупреждений или условных сигналов не давать. Мы следуем за вами в десяти шагах.

-- В десяти шагах? Что же нам мешает нарушить уговор, в таком случае? Ведь вы не решитесь держать нас на прицеле у всех на виду.

-- Это верно, -- согласился Меллори. -- С того момента, как вы откроете эту дверь, на вас будут нацелены три "шмайссера" из конюшни. Одно лишнее движение, повторяю, одно движение, и вы будете перерезаны очередью надвое. Вот почему мы предпочитаем держаться подальше. Мы не хотим, чтобы нас заодно прихватило.

По сигналу Андреа Нойфельд и Дрошный, нахмурившись и не произнеся ни слова, повесили автоматы на плечи. Меллори оценивающе осмотрел их и сказал:

-- Я думаю, вам надо переменить выражение лиц. Легко догадаться, что вы не в лучшем расположении духа. Если вы покажетесь в дверях с такими кислыми рожами, Миллер пристрелит вас раньше, чем вы успеете сойти с крыльца. Поверьте мне, я знаю, что говорю.

Видимо, они поверили, потому что, когда Меллори открыл дверь, их лица приняли почти нормальное выражение. Они сошли с крыльца и направились через весь лагерь, к конюшне. Когда они были на полпути, Андреа и Меллори двинулись вслед за ними. Пару раз они ловили на себе любопытные взгляды, но никто ничего не заподозрил. Переход к конюшне закончился без приключений.

Спустя две минуты так же спокойно им удалось выехать за территорию лагеря. Нойфельд и Дрошный, как и полагалось в таком случае, ехали впереди остальных. Дрошный выглядел особенно воинственно, вооруженный автоматом, пистолетом и неизменными кривыми кинжалами за поясом. Следом за ними пристроился Андреа, у которого, судя по всему, что-то не ладилось с автоматом. Он внимательно его осматривал, держа в руках. При этом он ни разу не посмотрел в сторону Нойфельда и Дрошного. Но никому не приходило в голову, что стоит лишь слегка приподнять ствол "шмайссера" и согнуть лежащий на спусковом крючке палец, как пули изрешетят того и другого.

За Андреа следовали Меллори и Миллер. Им, как и Андреа, судя по их виду, было глубоко безразлично все происходящее. Рассеянно глядя по сторонам, они сладко позевывали. Рейнольдс и Гроувс, замыкающие колонну, не могли похвастать столь же беззаботным видом. Их неподвижные лица и бегающие глаза выдавали крайнее внутреннее напряжение. Но их беспокойство оказалось напрасным. Все семеро благополучно выехали из лагеря, не навлекая на себя ни малейшего подозрения.

Более двух с половиной часов они взбирались в гору. Солнце уже клонилось к редющим на западе соснам, когда они выехали на ровную поляну. Нойфельд и Дрошный остановили коней и подождали, пока остальные поравняются с ними. Меллори натянул поводья и пристально посмотрел на стоящее посреди поляны здание. Это был приземистый каменный блокгауз -- основательный, массивный, с узкими зарешеченными окнами и двумя трубами на крыше. Над одной из них вился дымок.

-- Это здесь? -- спросил Меллори.

-- Вопрос считаю излишним, -- сухо ответил Нойфельд. В его голосе легко угадывалось раздражение. -- Вы считаете, что я потратил столько времени, чтобы привести вас в другое место?

-- Я бы не исключал такую возможность, -- ответил Меллори. Он еще раз внимательно посмотрел на дом. -- Гостеприимное местечко.

-- Склады боеприпасов югославской армии не предполагалось использовать в качестве шикарных гостиниц.

-- Я тоже так думаю, -- согласился Меллори. По его сигналу

они двинулись по направлению к дому. Но не успели тронуться с места, как приподнялись металлические задвижки и в узких амбразурах стены блокгауза показались два автоматных ствола. Семеро всадников на открытой поляне представляли собой идеальную мишень.

-- Ваши люди на чеку, -- заметил Меллори, обращаясь к Нойфельду. -- Но ведь для охраны такого помещения не требуется много людей. Сколько их там, кстати?

-- Шестеро, -- нехотя ответил Нойфельд.

-- Если окажется, что их семеро, тебе крышка, -- предупредил его Андреа.

-- Шестеро, -- повторил Нойфельд. Когда они подъехали ближе, автоматы исчезли. Очевидно, охранники узнали Нойфельда и Дрошного.

Амбразуры захлопнулись, тяжелая стальная дверь открылась. В проеме двери появился сержант и почтительно отдал честь. Он был явно удивлен.

-- Какая приятная неожиданность, гауптман Нойфельд, -- сказал сержант. -- Нас не предупредили о вашем визите.

-- Передатчик в лагере временно вышел из строя. -- Нойфельд жестом пригласил всех зайти внутрь. Андреа галантно предложил немецкому офицеру пройти вперед, для пущей убедительности переложив "шмайссер" в правую руку. Нойфельд вошел, за ним Дрошный и пятеро остальных.

Узкие окна пропускали так мало света, что зажженные керосиновые лампы выглядели вполне естественно. Едва ли не ярче ламп освещал комнату горящий в углу камин. Серые каменные стены производили унылое впечатление, но сама комната была на редкость хорошо обставлена: стол, стулья, два кресла, диван и даже ковер на полу. Из комнаты вели три двери, одна из которых была обита железом и закрыта на тяжелый замок. Вместе со встретившим их сержантом в комнате находилось трое вооруженных солдат. Меллори посмотрел на Нойфельда, который с трудом сдерживал ярость.

Обращаясь к охраннику, Нойфельд сказал:

-- Приведите пленных.

Охранник кивнул, снял с крючка на стене большой ключ и направился к закрытой двери. Сержант с другим охранником закрывали задвижки амбразур. Андреа небрежной походкой подошел к одному из охранников и неожиданно, резким движением, сильно толкнул его в сторону сержанта. Оба они, не удержавшись на ногах, упали на охранника, уже вставившего ключ в замок железной двери. Тот, в свою очередь, упал на пол. Все трое изумленно уставились на Андреа, не понимая, что происходит, да так и застыли в этих позах -- и поступили весьма благоразумно, ибо под дулом направленного на тебя с расстояния трех шагов "шмайссера" лучше не суетиться.

Меллори обратился к сержанту:

-- Где остальные трое?

Ответа не последовало. Сержант посмотрел на него с вызовом. Меллори повторил вопрос. На этот раз на чистом немецком языке. Охранник, не обращая на него внимания, вопросительно посмотрел на Нойфельда, лицо которого напоминало каменную маску.

-- Не сходите с ума, -- последовал ответ Нойфельда. -- Или вы не видите, что это убийцы? Отвечайте на вопрос!

-- Они спят после ночного дежурства, -- сержант указал на одну из дверей. -- Там.

-- Откройте дверь и прикажите им выходить по одному. Спинай вперед, руки за голову, -- приказал Меллори.

-- Делайте, как вам сказано, -- подтвердил Нойфельд.

Сержант выполнил приказ. Трое охранников, отдохавшие в соседней комнате, даже не помышляли о сопротивлении и в точности выполнили предъявленные им требования. Меллори повернулся к охраннику, который с ключом в руках успел уже отойти от двери.

-- Откройте дверь, -- приказал Меллори. Охранник открыл замок и широко раскрыв дверь. Четверо английских офицеров медленно, неуверенной походкой вошли в комнату. Они, видимо,

потеряли в весе за время заключения, но физически не пострадали. Выходивший первым майор с пышными усами внезапно остановился и с удивлением посмотрел на Меллори и его людей.

-- Боже правый! -- в его речи ощущался характерный акцент жителя лондонского предместья.-- Какого черта вы, парни, среди этого дерьма...

-- Отставить разговоры,-- оборвал его Меллори.-- Простите, но сейчас нет времени на объяснения,-- уже мягче сказал он.-- Одевайтесь потеплее, выходите и ждите на улице.

-- Но... куда вы нас забираете?

-- Домой. В Италию. Сегодня же вечером. Поторопитесь, прошу вас.

-- Италия? Что вы имеете в виду?

-- Быстрее! -- Меллори взглянул на часы и покачал головой.-- Мы уже опаздываем.

С трудом подавив естественное волнение, четверо пленников собрали теплую одежду и вышли из дома. Меллори вновь повернулся к сержанту.

-- У вас должны быть лошади. Где конюшня?

-- С обратной стороны блокауза,-- с готовностью ответил сержант. Судя по всему, он быстро приспособился к новым обстоятельствам.

-- Хороший мальчик,-- похвалил его Меллори и посмотрел на Гроувса и Рейнольдса.-- Нам понадобятся еще две лошади. Приготовьте их, будьте так добры.

Сержанты вышли. Под неусыпным наблюдением Меллори и Миллера Андреа по очереди обыскал шестерых охранников и, не обнаружив ничего подозрительного, загнал всех в камеру, закрыл замок и повесил ключ на крюк, вбитый в стену. Затем так же тщательно Андреа обыскал Нойфельда и Дрошного. Лицо Дрошного побагровело от ярости, когда Андреа небрежно швырнул его кинжалы в угол комнаты.

Меллори посмотрел на них и сказал:

-- Я бы, конечно, пристрелил вас обоих, но сейчас в этом нет необходимости. До утра вас не хватятся.

-- Да кому они вообще нужны,-- резонно заметил Миллер.

-- Во всяком случае, не нам,-- безразличным тоном произнес Меллори и улыбнулся.-- Не могу отказать себе в удовольствии сказать вам кое-что на прощание, гауптман Нойфельд. Вам будет о чем подумать, пока вас случайно не обнаружат.-- Он многозначительно посмотрел на молчащего Нойфельда и продолжал:

-- Я имею ^ виду ту информацию, которую передал вам сегодня утром.

Нойфельд тревожно посмотрел на него.

-- При чем здесь ваша информация?

-- Боюсь, что она была несколько неточной. Дело в том, что Вукалович ожидает наступление не с юга, через мост, а с севера, через ущелье Зеницы. Сейчас, насколько нам известно, в лесу, севернее ущелья, дислоцировано около двухсот ваших танков. Но к двум часам ночи, то есть ко времени, когда намечено наступление, от них уже ничего не останется. Я связался с базой бомбардировщиков в Италии. Представляете, какая замечательная цель -- две сотни танков на площади в сто пятьдесят ярдов в ширину и не более трехсот в длину! Английские бомбардировщики будут ровно в 1.30, а к 2 часам с танками будет покончено!

Нойфельд посмотрел на него долгим застывшим взглядом. Потом медленно и тихо произнес:

-- Черт бы вас побрал! Проклятье!

-- За это вас по головке не погладят, это уж как пить дать,-- согласился Меллори.-- К тому времени, когда вас обнаружат, если это вообще произойдет, все будет кончено. До встречи после войны.

Андреа запер Нойфельда и Дрошного в боковой комнате и повесил ключ на тот же крючок, где висел ключ от камеры. Затем они вышли, закрыли наружную дверь, повесив ключ на вбитый рядом гвоздь, и двинулись в путь. Гроувс и Рейнольдс оседлали двух новых лошадей и поскакали вслед за своим отрядом. Впереди с компасом и картой в руках ехал Меллори.

Некоторое время они ехали по краю поляны, вдоль опушки

леса. Они проехали около полумили, когда Андреа остановил лошадь, спешился и начал внимательно осматривать правое переднее копыто лошади. Затем перевел взгляд на подъехавших к нему товарищей.

-- Камень попал в подкову, -- объяснил он. -- Дело плохо, придется его удалять. Не ждите, я догоню вас через несколько минут.

Меллори кивнул и двинулся вперед, сделав знак остальным. Андреа вытаскивал нож, поднял копыто и усердно изображал, как он вытаскивает застрявший камень. Спустя пару минут он оглянулся и увидел, что замыкающие Рейнольдс и Гроувс скрылись за поворотом. Андреа убрал нож, отпустил лошадь, которая и не думала хромать, привязал ее к дереву и пошел пешком обратно, по направлению к блокгаузу. Присев за стволом подходящей сосны, он достал из футляра бинокль.

Ему не пришлось долго ждать. На противоположном конце поляны из-за дерева выглянул человек. Андреа, растянувшись на снегу, поднял к глазам бинокль. Он сразу узнал сержанта Баера, чье лунообразное лицо и добрые тридцать килограммов лишнего веса при маленьком росте не давали возможности спутать его с кем-либо.

Баер, осмотрев поляну, скрылся в лесу и тотчас же появился снова, ведя за собой лошадей. У первой к седлу был приторочен какой-то груз в большом брезентовом мешке. Две другие лошади везли седоков со связанными сзади руками. Без сомнения, это были Мария и Петар. За ними из леса выехали четверо солдат. Процессия с сержантом Баером во главе пересекла поляну и скрылась за блокгаузом. Андреа задумчиво осмотрел опустевшую поляну, раскурил новую сигару и поспешил к своей лошади.

Сержант Баер подошел к двери блокгауза и достал из кармана ключ. Тут он обратил внимание на другой ключ, висящий на гвозде снаружи. Снял его, спрятав свой обратно в карман, открыл дверь и зашел внутрь. Он огляделся, снял со стены второй ключ и открыл боковую комнату. Оттуда вышел гауптман Нойфельд, взглянул на часы и улыбнулся.

-- Вы пунктуальны, как всегда, сержант Баер. Передатчик прихватили?

-- Конечно. Он на улице.

-- Прекрасно, прекрасно. -- Нойфельд взглянул на Дрошного и снова улыбнулся. -- Пора нам побывать на плато Ивеничи.

Сержант Баер подобострастно произнес:

-- Вы так уверены, что речь идет о плато Ивеничи, герр гауптман? Позвольте спросить, на чем основана ваша уверенность?

-- На чем основана? Все очень просто, дорогой Баер. Дело в том, что Мария... Кстати, вы привезли ее с собой?

-- Конечно, герр гауптман.

-- Так вот, Мария мне сказала. Это плато Ивеничи. Ночь опустилась на плато Ивеничи, но колонна выбивающихся из сил людей продолжала свое дело. Снег на предполагаемой посадочной полосе был уже примят, оставалось лишь поплотнее утрамбовать его. Работа куда менее сложная физически, но люди уже настолько измотались, что едва передвигали онемевшие ноги. Даже свежие силы пятисот человек, прибывших на подмогу, не смогли существенно изменить положение.

Колонна, правда, несколько изменила систему построения. Теперь она вытянулась в длину: пятьдесят шеренг по двадцать человек в каждой. Снег под крыльями самолета был уже достаточно примят, дело было за тем, чтобы добиться как можно более твердой поверхности для шасси.

Яркая луна низко висела над вершинами гор. Редкие облака медленно плыли с севера. Когда они пересекали лунный диск, по белой поверхности покрытого снегом плато лениво ползли черные тени, погружая на несколько мгновений колонну людей в крошечную темноту. В этом сказочном чередовании света и тьмы было что-то зловещее, рождавшее суеверные страхи. Как прозаически заметил полковник Вис, обращаясь к капитану Влановичу: "Похоже на Дантов ад, только на сотню градусов прохладней". "По крайней мере, на сотню", -- подумал Вис.

Насколько в аду жарко, он мог только догадываться.

Именно эта картина открылась взору Меллори и его товарищей, когда они, преодолев последний затяжной подъем, остановили коней на вершине каменистой гряды, отделяющей западную оконечность плато от крутого скалистого склона. Было без двадцати девять вечера. Какое-то время они не могли сдвинуться с места, замороженные открывшейся перед ними фантастической картиной. Тысяча усталых людей, мерно бредущих по снежной равнине, -- они понимали, что ничего подобного никогда в жизни не видели и больше не увидят. Меллори первому удалось сбросить с себя оцепенение. Он посмотрел на Миллера и Андреа и медленно покачал головой с выражением глубокого изумления, как бы отказываясь верить собственным глазам. Миллер и Андреа были также потрясены. Меллори прищепил коня и свернул на едва заметную тропинку, ведущую вниз вдоль склона.

Через десять минут их приветствовал полковник Вис.

-- Не ожидал вас увидеть, капитан Меллори, -- энергично тряс его руку, сказал Вис. -- Бог свидетель, не ждал вас. У вас и ваших людей потрясающая способность выходить сухими из воды.

-- Повторите это через несколько часов, -- сухо заметил Меллори, -- и мне будет действительно приятно услышать ваши слова.

-- Но ведь все уже кончено. Мы ожидаем самолет, -- Вис посмотрел на часы, -- ровно через восемь минут. У нас здесь достаточно места для приземления и для взлета. Вы сделали все, ради чего прилетели, и весьма преуспели в этом. Вам здорово повезло.

-- Повторите через несколько часов, -- Меллори опять сказал.

-- Простите, -- Вис не мог скрыть удивления, -- боитесь, что самолет не долетит?

-- Я абсолютно уверен в самолете. Просто то, что было, что сделано... Это только начало.

-- Начало?

-- Я вам объясню.

Нойфельд, Дрошный и сержант Баер привязали лошадей на опушке леса и пошли к вершине гряды пешком. Сержанту Баеру приходилось особенно туго -- взбираться по снегу с переносным передатчиком в большом рюкзаке за спиной человеку его комплекции было не просто. Добравшись до вершины гряды, откуда открывался вид на плато, они залегли в снег. Нойфельд достал было бинокль, но сразу отложил его: луна появилась из-за черных облаков, осветив все происходящее на плато до мельчайших деталей -- черные фигуры людей настолько ярко выделялись на белом в лунном свете снегу, что бинокль совершенно не требовался.

Справа стояли палатки Виса и наспех сооруженная полевая кухня. Рядом с меньшей палаткой стояла группа из десяти -- двенадцати человек, занятая, судя по всему, оживленной беседой. Прямо напротив своего наблюдательного поста они увидели колонну людей, которая, развернувшись на краю плато, начала медленно двигаться в противоположном направлении. Люди шли медленно, едва переставляя ноги по свежееутрамбованному снегу. Так же, как незадолго до этого Меллори и его друзей, Нойфельда, Дрошного и Баера поразила величественная необычность происходящего в полумраке таинства. Нойфельду пришлось сделать над собой усилие, чтобы оторвать взгляд от ползущей колонны и вернуться к действительности.

-- Как мило, -- прошептал он, -- со стороны наших югославских друзей предпринять такие грандиозные усилия ради нас. -- Он повернулся к Баеру и указал на передатчик. -- Свяжитесь с генералом.

Баер расчехлил передатчик, установил его прямо на снегу, выдвинул телескопическую антенну и стал крутить ручку настройки. Он быстро настроился на нужную частоту, передал Нойфельду микрофон. Нойфельд надел наушники и снова посмотрел вниз, где тысяча людей, мужчины и женщины, словно муравьи, медленно передвигались по снежной равнине. Внезапно в наушниках послышался треск. Нойфельд встрепенулся.

-- Герр генерал?

-- Это вы, гауптман Нойфельд, -- голос генерала в наушниках звучал негромко, но чисто, без искажений и помех. -- Ну как, оправдались мои предположения относительно психологии англичан?

-- Вы настоящий психолог, герр генерал. Все произошло в точности так, как вы предсказывали. Вам будет интересно узнать, что британские ВВС планируют начать массированную бомбардировку ущелья Зеницы сегодня ночью, ровно в 1.30.

-- Ну, ну, -- задумчиво произнес Циммерман. -- Это интересно, хотя и неудивительно.

-- Так точно, герр генерал.-- Нойфельд поднял глаза на Дрошного, который тронул его за рукав и указал на север,-- Минутку, герр генерал.

Нойфельд снял наушники и посмотрел в направлении, которое указывал Дрошный. Он поднес к глазам бинокль, но так ничего и не заметил. Однако все явственней был слышен гул приближающегося самолета. Нойфельд водрузил наушники на прежнее место.

-- За пунктуальность надо поставить англичанам пятерку. Самолет уже на подходе.

-- Отлично. Держите меня в курсе.

Нойфельд сдвинул наушники и обратил взгляд на север. Непроглядная тьма. Ошибки быть не могло -- звук самолетных двигателей становился все отчетливей. Внезапно внизу, в районе плато, прозвучали три резких сигнала. В мгновение ока человеческая колонна рассыпалась.

Мужчины и женщины, освобождая взлетную полосу, бросились в глубокий снег с восточной стороны плато. Осталось, видимо, по предварительной договоренности, человек восемьдесят, которые перешли на противоположную сторону полосы.

-- Должен сказать, они неплохо организованы,-- произнес Нойфельд с видимым удовольствием.

Дрошный по-волчьи оскалился:

-- Тем лучше для нас, верно?

-- По-моему, все сегодня стараются изо всех сил, чтобы помочь нам,-- согласился Нойфельд.

Темная громадная туча медленно проплыла к югу, и белая луна осветила плато. Нойфельд сразу увидел самолет, совсем близко, не более чем в миле. Его очертания резко выделялись в мерцающем свете луны, пока он опускался на дальний конец взлетной полосы. Вновь прозвучал сигнальный свист, и в ту же секунду люди по обеим сторонам взлетной дорожки одновременно включили карманные фонари, что было необязательно при ярком лунном свете, но совершенно необходимо в том случае, если луна опять спрячется за тучу.

-- Посадка закончена,-- сказал в микрофон Нойфельд.-- Это бомбардировщик "Веллингтон".

-- Будем надеяться, что посадка прошла удачно,-- сказал Циммерман.

-- Будем надеяться, герр генерал.

"Веллингтон" совершил успешную посадку. Настолько успешную, насколько возможно было в таких труднейших условиях. Сначала он быстро снижал скорость, но затем, приземлившись, покатился вперед, как будто не тормозя.

Нойфельд произнес в микрофон:

-- Посадка закончена, герр генерал.

-- Почему он не останавливается? -- удивился Дрошный.

-- Нельзя сажать самолет на снег так же, как на бетонную полосу,-- объяснил Нойфельд. '-- Им потребуется каждый ярд полосы при взлете.

Было видно, что пилот "Веллингтона" придерживается того же мнения. Когда ему оставалось ярдов пятьдесят до конца дорожки, две группы людей выделились из рядов, огороживших взлетную полосу. Одна группа бросилась к уже открытой двери самолета, а другая -- в хвост. Обе группы подбежали к бомбардировщику, когда он выруливал на стоянку в конце полосы. Дюжина человек схватилась за хвост машины, поворачивая ее на 180 .

Дрошный был потрясен.

-- Клянусь Богом, они не теряют времени.

-- Они не имеют права терять ни секунды. Если самолет остановится даже на самое короткое время, то начнет погружаться в снег,-- Нойфельд поднял к глазам бинокль и сказал в микрофон:

-- Они садятся в самолет, мой генерал. Один, два, три... семь, восемь, девять. Есть, девять! -- Нойфельд вздохнул с облегчением.-- Примите мои поздравления, мой генерал. Девять!

Самолет тем временем уже развернулся в ту сторону, откуда прилетел. Пилот, не отпуская тормозов, запустил двигатели на полную мощность, и через двадцать секунд машина уже опять бежала по взлетной полосе. Пилот не допускал случайностей. Он дотянул "Веллингтон" до самого конца полосы, и только после этого самолет взмыл в ночное небо.

-- Взлет завершен, герр генерал,-- доложил Нойфельд.-- Все точно по плану.-- Он прикрыл микрофон рукой, посмотрел вслед удаляющемуся бомбардировщику и улыбнулся Дрошному.-- Я думаю, мы могли бы пожелать им "счастливого пути".

Меллори в числе сотен людей, окружавших взлетную площадку, опустил бинокль:

-- Счастливого пути.

Полковник Вис печально покачал головой:

-- И все эти усилия только для того, чтобы отправить пятерых моих людей на каникулы в Италию.

-- Видит Бог, они заслужили отдых,-- возразил Меллори.

-- Бог с ними. Лучше подумаем о себе,-- произнес Рейнольдс требовательно. Несмотря на тон, лицо его не выражало злобы. Он был всего лишь расстроен и слегка удивлен: -- В этом чертовом самолете должны были сидеть мы!

-- Будет вам. Я просто передумал.

-- Черт бы вас побрал с вашими вечными фокусами,-- в сердцах выпалил Рейнольдс.

На борту "Веллингтона" усатый майор оглядел трех своих товарищей и пятерых партизан, покачал головой и повернулся к сидящему рядом капитану:

-- Просто удивительно!

-- Очень странно, сэр, -- сказал капитан. Он бросил взгляд на бумаги в руке майора,-- Что у вас там?

-- Карты и документы, которые я должен отдать какому-то бородавчатому моряку, когда мы приземлимся в Италии. Станный малый этот Меллори.

-- Так точно, сэр, очень странный,-- согласился капитан.

Вис, Вланович и Меллори со своей группой отделились от толпы и стояли у входа в палатку Виса.

Меллори обратился к Вису:

-- Вы приготовили веревки? Мы должны немедленно отправляться.

-- К чему вся эта спешка, сэр? -- поинтересовался Гроувс. Так же, как у Рейнольдса, его обида сменилась замешательством.-- Все как-то неожиданно.

-- Петар и Мария,-- угрюмо произнес Меллори.-- Это из-за них надо спешить.

-- А что с Петаром и Марией? -- подозрительно осведомился Рейнольдс.

-- Их держат взаперти в блокаузе. А когда Нойфельд и Дрошный вернутся туда...

-- Вернутся? -- изумился Гроувс.-- Что вы имеете в виду? Мы же их заперли. И каким образом, господи помилуй, вам стало известно, что Петара и Марию держат в блокаузе? Как это может быть? Ведь их же не было там, когда мы уходили... а это было совсем недавно.

-- Когда Андреа сказал, что его лошадь поранила копыто о камень по пути сюда из блокауза, дело было совсем не в этом. Андреа установил наблюдение.

-- Видите ли,-- объяснил Миллер,-- Андреа никому не доверяет.

-- Он видел, как сержант Баер вел туда Петара и Марию,-- продолжал Меллори.-- Они были связаны. Баер освободил Нойфельда и Дрошного, и, бьюсь об заклад, наша драгоценная парочка следила, действительно ли мы улетели.

-- Вы не все нам рассказываете, правда, сэр? -- с горечью

отметил Рейнольдс.

-- Вот что я вам скажу, -- уверенно отчеканил Меллори. -- Если мы не попадем туда как можно скорее, Марии и Петару придется туго. Нойфельд и Дрошный еще не знают, но уже, должно быть, предполагают, что именно Мария сообщила мне, где скрывают этих четырех связных. Они всегда знали, кто мы, -- Мария сказала им. Теперь они знают, кто такая Мария. Как раз перед тем, как Дрошный убил Саундерса...

-- Дрошный? -- лицо Рейнольдса выражало полную растерянность. -- Мария?

-- Я ошибся, -- в голосе Меллори слышалась усталость. -- Мы все понаделали ошибок, но эта была самая серьезная. -- Он улыбнулся, но глаза оставались серьезными. -- Вспомните те резкие слова, которые вы бросили в адрес Андреа, когда он затеял драку с Дрошным у столовой в лагере Нойфельда.

-- Конечно, я помню. Это была глупейшая история...

-- Вы сможете извиниться перед Андреа, когда представится возможность, -- перебил Меллори. -- Андреа провоцировал Дрошного, потому что я его об этом просил. Я знал, что Нойфельд и Дрошный о чемто договаривались в столовой, когда мы вышли, и искал момент, чтобы спросить Марию, что именно они обсуждали. Она сказала, что они намеревались послать пару четников за нами в лагерь Брозника, тайно, конечно, чтобы сообщить о нас. Это были те двое наших "проводников" в грузовике. Андреа и Миллер убили их.

-- Теперь понятно, -- протянул Гроувс. -- Андреа и Миллер убили их.

-- Чего я не знал, так это того, что Дрошный тоже шел за нами по пятам. Он видел нас с Марией вместе, -- Меллори посмотрел на Рейнольдса. -- Так же, как и вы. Я не знал в то время, что он нас видел, но теперь мне это известно. С самого утра Мария все время находится под угрозой смерти. Но я ничего не мог сделать. Вплоть до последнего момента. Если бы я только высунулся, с нами было бы все кончено.

Рейнольдс покачал головой.

-- Но вы сами только что сказали, что Мария предала нас...

-- Мария, -- сказал Меллори, -- высококвалифицированный агент английской разведки. Отец -- англичанин, мать -- югославка. Она жила в этой стране еще до прихода немцев. Была студенткой в Белграде. Примкнула к партизанам, которые обучили ее как радистку, а затем организовали для нее побег к четникам. У четников в это время находилась в плену радистка одной из британских миссий. Немцы главным образом обучили Марию абсолютно достоверно копировать почерк этой радистки: ведь каждый радист имеет свой собственный почерк. И, конечно, тут сыграл роль ее безупречный английский. Таким образом, она оказалась в непосредственном контакте с нашими разведцентрами как в Северной Африке, так и в Италии. Немцы считали, что полностью околпачили нас. На самом деле все было наоборот. Миллер сказал с упреком:

-- Ты мне тоже всего этого не говорил.

-- Мне надо было все обдумать. Ее ведь все-таки уличили в том, что она принимала участие в заброске последних четырех связных. Она, конечно, сообщила об этом немцам. А эти связные приносили информацию, укрепляющую веру немцев в то, что второй фронт, -- а на самом деле настоящее вторжение в Югославию -- дело первостепенной важности.

Рейнольдс произнес медленно, почти по слогам:

-- О нашем прибытии они тоже знали?

-- Безусловно. Они знали о нас все, кроме одного:

они не знали, что мы знали о том, что они знали. Поэтому то, что они знали, было только наполовину достоверно.

Рейнольдс с явным трудом усвоил услышанное и тихо произнес: -- Сэр!

-- Да?

-- Я был неправ, сэр.

-- Это случается, -- успокоил его Меллори. -- Иногда это случается. Вы были неправы, сержант, но вы ошибались из лучших побуждений. Это моя вина. Только моя. Но у меня были связаны

руки.-- Меллори похлопал его по плечу.-- Я думаю, теперь вы найдете в себе силы простить меня.

-- А Петар? -- спросил Гроувс.-- Он не ее брат?

-- Петар -- это Петар. И ничего больше. Чист, как стекло.

-- И все-таки еще много неясного...-- начал Рейнольдс, но Меллори перебил его.

-- Отложим разговоры. Полковник Вис, прошу вас, карту.-- Капитан Вланович вынес карту из палатки, и Меллори указал на флажок: -- Взгляните сюда. Плотина на Неретве и Клеть Зеницы. Я сообщил Нойфельду то, что сказал мне Брозник,-- партизаны уверены, что наступление начнется с юга через Неретвинский мост. Но, как я уже говорил, Нойфельд знал -- и еще до нашего прибытия,-- кто мы такие на самом деле. Поэтому он был убежден, что я лгу. Он был также убежден в моей осведомленности в том, что наступление готовится через ущелье Зеницы на севере. Уверяю вас, что были весьма веские причины так думать: там сосредоточены двести немецких танков. Вис был потрясен:

-- Двести!

-- Сто девяносто из них сделаны из фанеры, хотя Нойфельд и Дрошный предполагают, что это нам неизвестно. Германское командование заинтересовано в том, чтобы информация о якобы готовящемся наступлении с севера попала в Италию, и единственный способ в этом убедиться -- дать нам улететь отсюда. Что они с удовольствием и сделали, поочередно устраняя с нашего пути все возможные препятствия. Они, несомненно, понимали, что нам прежде всего необходимо любым способом попасть в блокаду. Дали нам возможность освободить английских связных, но при этом задержали единственного человека, который мог помочь нам,-- Марию. И, естественно, предупредили сержанта Баера, который потом их и освободил.

-- Понятно.-- Для всех было очевидно, что полковнику Вису ничего не понятно.-- Вы упоминали массированную воздушную атаку на северное ущелье Зеницы. Теперь, конечно, целью станет мост через Неретву?

-- Никоим образом. Вы же не захотите, чтобы мы нарушили слово, данное вермахту. Как и обещано, воздушная атака будет произведена на ущелье Зеницы. Чтобы убедить немцев на случай, если у них остались последние сомнения на наш счет. Кроме того, вы знаете так же хорошо, как и я, что к этому мосту невозможно подступиться с воздуха. Он должен быть ликвидирован другим способом.

-- Каким именно?

-- Что-нибудь придумаем. Утро вечера мудренее. И последнее, полковник Вис. В полночь прибудет еще один "Веллингтон", затем еще один в три часа утра. Отпустите обоих. Следующий прибудет в шесть часов утра -- вот его задержите до нашего возвращения. Лучше сказать, до нашего предполагаемого возвращения. Если повезет, мы улетим до рассвета.

-- Если повезет,-- мрачно повторил Вис.

-- И радируйте генералу Вукаловичу. Сообщите ему все, что услышали от меня. Обрисуйте обстановку и скажите, чтобы в час ночи открыл массированный огонь из стрелкового оружия на северном перевале.

-- А по какой цели?

-- Хоть по луне.-- Меллори вскочил на лошадь.-- По коням и в путь.

-- Луна, конечно, незавидная мишень,-- согласился генерал Вукалович,-- и притом очень далекая. Но если это нужно нашим друзьям, мы готовы.-- Вукалович помолчал и посмотрел на полковника Янцы, сидевшего рядом на упавшем дереве. Они находились в лесу, к югу от ущелья Зеницы. Затем он опять проговорил в микрофон: -- И все-таки танков много, полковник Вис. Вы не хотите, чтобы мы находились в непосредственной близости к этому месту после часа ночи? Не беспокойтесь, нас там не будет.-- Вукалович снял наушники и повернулся к Янцы.-- Снимаемся в полночь. Тихо и осторожно. Оставим несколько человек, пусть устроят побольше шума.

-- Это те, которые будут палить в луну?

-- Именно. Свяжитесь с полковником Ласло на Неретве.

Сообщите ему, что мы присоединимся к нему до начала наступления. Затем соединитесь с майором Стефаном. Скажите, чтобы оставил позицию и пробирался в штаб полковника Ласло.-- Вукалович задумался.-- Немного развлечемся, верно?

-- Есть ли какой-нибудь шанс у этого Меллори? -- в самом вопросе Янци слышался ответ.

-- Давайте рассуждать,-- начал Вукалович.-- Конечно, шанс есть. Должен быть. В конце концов это ведь дело случая. А выбора нет у нас.

Янци не ответил, но несколько раз кивнул, как будто Вукалович провозгласил некую мудрую истину.

ГЛАВА 9. ПЯТНИЦА 21.15 -- СУББОТА 00.40

Меллори и его люди спустились на лошадях по поросшему густым лесом холму от плато Ивеничи до блокауза в четыре раза быстрее, чем поднялись, скользя по обледенелой поверхности склона, покрытой глубоким снегом, они всякий раз рисковали наткнуться на густо растущие сосны. Ни один из пяти всадников не был опытным наездником, и поэтому неизбежные падения и столкновения были столь же частыми, сколь и болезненными. Ни один из них не смог избежать весьма чувствительного падения из седла в глубокий снег. Но именно этот толстый снежный покров, да еще привычка к подобным переходам их горных лошадей спасали от серьезных травм. К счастью, ни один из них не переломал себе костей.

Показался блокауз. Когда они находились в двухстах ярдах от цели, Меллори предупреждающе поднял руку. Он спешил, привязал свою лошадь к стволу сосны и жестом пригласил остальных последовать его примеру.

Миллер пожаловался:

-- Я устал от этой чертовой лошади, но еще больше мне не хочется волочиться пешком по снегу. Почему бы нам до конца не доехать на лошадях?

-- Потому что за блокаузом конюшня, и лошади начнут беспокоиться и ржать, если почуют своих.

-- Они и так могут заржать.

-- Но там еще и часовые на постах,-- заметил Андреа.-- Я не думаю, капрал Миллер, что мы должны быть настолько безрассудны, чтобы появиться перед ними верхом на лошадях.

-- Часовые? Зачем? Кого им опасаться? Нойфельд и его компания должны быть уверены, что мы уже пол-Адриатики пролетели.

-- Андреа прав,-- сказал Меллори.-- О Нойфельде можно говорить что угодно, но он первоклассный офицер и учитывает все. Там будет охрана, -- Он поднял голову к ночному небу. Небольшая туча приближалась к лунному диску. -- Видите?

-- Вижу,-- жалобно протянул Миллер.

-- В нашем распоряжении тридцать секунд. Бежим к дальнему торцу блокауза -- там нет амбразур. И, когда мы будем там, сохрани вас господа, вымолвить хоть слово. Полная тишина. Если они что-нибудь услышат, если только заподозрят, что мы здесь, то забаррикадируют вход и используют Петара и Марию как заложников. Тогда придется ими пожертвовать.

-- И вы бы на это пошли, сэр? -- изумился Рейнольдс.

-- И я бы на это пошел. Хотя с большей радостью дал бы отрубить себе правую руку, но я бы на это пошел. У меня нет выбора, сержант.

-- Да, сэр. Я понимаю.

Луна скрылась за тучей. Пятеро людей вышли из укрытия и бросились вниз по склону, с трудом преодолевая густой снежный покров. Не доходя тридцати метров до блокауза, они по сигналу Меллори замедлили шаг, чтобы не быть услышанными часовыми. Затем продолжили движение, осторожно ступая след в след. Наконец, они достигли нужного места. Луна все еще была скрыта

за тучей, и они остались незамеченными. Меллори не стал поздравлять ни себя, ни своих товарищей с успехом. Он быстро опустился на четвереньки и пополз за угол блокгауза, прижимаясь к стене. В пяти футах от угла располагалась первая амбразура. Меллори не пришлось закапываться глубже в снег -- стены были так толсты, что он уже находился в мертвой зоне. Он старался производить как можно меньше шума. И небезуспешно. Ему удалось совершенно беззвучно миновать амбразуру. Остальные четверо тоже удачно справились с этой нелегкой задачей, несмотря на то, что в последний момент луна уже выползла из-за тучи.

Меллори добрался до входа. Он сделал знак Миллеру, Рейнольдсу и Гроувсу оставаться на своих местах, в то время как они с Андреа прильнули к двери.

И сразу же услышали голос Дрошного, угрожающий и полный ненависти.

-- Предательница. Вот кто она такая. Расстрелять ее. Немедленно!

-- Зачем вы это сделали, Мария? -- голос Нойфельда в противоположность Дрошного был спокойным и даже мягким.

-- Зачем она это сделала? -- прорычал Дрошный.-- Из-за денег. Вот зачем. Что же еще?

-- Почему? -- Нойфельд продолжал мягко настаивать.-- Разве капитан Меллори грозился убить вашего брата?

-- Хуже.-- Они должны были напрягаться, чтобы услышать тихий голос Марии.-- Он хотел убить меня. Кто бы тогда ухаживал за моим слепым братом?

-- Мы теряем время,-- Дрошный был в нетерпении.-- Разрешите мне их вывести в расход обоих.

-- Нет.-- Спокойный голос Нойфельда не допускал возражений.-- Слепой мальчик, испуганная девочка. Вы же человек!

-- Я четник!

-- А я офицер вермахта.

Андреа прошептал на ухо Меллори:

-- В любую минуту кто-нибудь может заметить наши следы на снегу.

Меллори кивнул и отступил в сторону. У него не было никаких иллюзий относительно реакции вооруженных до зубов людей, когда они с Андреа ворвутся в комнату. Поэтому он пустил вперед Андреа. Никто лучше его не справился бы с таким делом. И Андреа незамедлительно это доказал. Быстрый поворот дверной ручки, мгновенное движение правой ноги -- и вот уже Андреа стоит в дверном проеме. Дверь еще не до конца распахнулась, а в комнате уже звучало ровное стаккато "шмайссера" Андреа. Выглянув из-за его плеча, Меллори сквозь образовавшуюся дымовую завесу увидел, как с застывшим удивлением на лицах, скорчившись, падали на пол двое немецких солдат. Подняв свой автомат, Меллори вошел в комнату вслед за Андреа.

В "шмайссере" больше не было нужды. Остальные солдаты были безоружны. Дрошный и Нойфельд двигались. Они были совершенно потрясены происходящим и к тому же понимали бесполезность самоубийственного сопротивления.

Меллори обратился к Нойфельду:

-- Вы только что купили себе жизнь.-- Затем он повернулся к Марии, подождал, пока она и ее брат выйдут из дома, и снова посмотрел на Дрошного и Нойфельда: -- Ваше оружие.

Нойфельд, с трудом двигая губами, вымолвил:

-- Во имя господа Бога...

Но Меллори не был расположен к беседе. Он поднял свой "шмайссер":

-- Ваше оружие.

Нойфельд и Дрошный, как во сне, отстегнули свои пистолеты и бросили на пол.

-- Ключи.-- Дрошный и Нойфельд смотрели на него молча и с полным непониманием.-- Ключи,-- повторил Меллори.-- Немедленно! Или они уже не понадобятся.

На несколько секунд в комнате воцарилось полное молчание. Затем Нойфельд повернулся к Дрошному и кивнул. Тот хмуро, если только можно назвать хмурым лицо, перекошенное от изумления и

ужаса, достал из кармана ключи. Миллер взял их, молча отпер одну из дверей, показал на нее автоматом и подождал, пока Дрошный, Нойфельд, Баер и другие солдаты войдут. Затем запер за ними дверь и положил ключи в карман. Андреа нажал спусковой крючок своего автомата, направленного на передатчик. Теперь уже вряд ли кто-то взялся бы его починить. Затем они вышли. Меллори запер дверь и далеко зашвырнул ключ, который сразу же утонул в снегу. Рядом с блокаузом были привязаны лошади. Семь лошадей. Как раз то, что нужно. Меллори подбежал к амбразуре и крикнул:

-- Наши лошади привязаны к соснам в двухстах ярдах отсюда. Не забудьте.

Рейнольдс посмотрел на него с удивлением.

-- Вы думаете об этом, сэр? В такую минуту?

-- Я должен думать обо всем в любое время.-- Меллори повернулся к Петару, который неловко взбирался на лошадь, затем обратился к Марии: -- Скажите ему, чтобы снял очки.

Мария посмотрела на него с удивлением, потом кивнула и что-то сказала своему брату. Он сначала не понял, потом послушно наклонил голову, снял темные очки и спрятал их в карман.

Рейнольдс изумленно посмотрел на Меллори:

-- Я не понимаю, сэр.

Меллори прищипорил лошадь и обрезал: -- А вам это и необязательно.

-- Прошу прощения, сэр.

Меллори повернул свою лошадь и произнес устало:

-- Уже почти одиннадцать часов, сыпок, а это слишком поздно, учитывая, что нам еще надо успеть.

-- Сэр,-- Рейнольдсу явно понравилось то, что Меллори назвал его "сынок",-- мне действительно необязательно это знать.

-- Я ответил на ваш вопрос. Мы должны ехать так быстро, как только смогут наши лошади. Слепой не видит препятствий, не может хорошо сохранять равновесие и должным образом управлять лошадью. Короче, у слепого гораздо больше шансов выпасть из седла, чем у нас с вами. Достаточно того, что слепой слеп. Мы не можем подвергать его дополнительному риску. Он может упасть, очки разобьются и поранят ему глаза.

-- Я не думал... я хотел... простите, сэр.

-- Не извиняйся, сынок. Настала моя очередь извиниться перед тобой. Будь так добр, последи за ним.

Полковник Ласло обзирал в бинокль залитый лунным светом скалистый склон у моста через Неретву. На южном берегу реки, на лугу, на опушке соснового бора и в самом бору, насколько мог видеть полковник, не было никакого движения, ни души. Ласло стало уже охватывать беспокойство от этой неестественной тишины, когда кто-то тронул его за плечо. Он повернулся и узнал майора Стефана, командира батальона на западном перевале.

-- Добро пожаловать. Генерал предупредил меня о вашем прибытии. Ваш батальон с вами?

-- То, что от него осталось.-- Стефан печально улыбнулся.-- Все, кто может передвигаться. И те, кто не может.

-- Если Бог поможет, нам все и не понадобятся сегодня. Генерал говорил вам о некоем Меллори? -- Майор Стефан кивнул, и Ласло продолжал: -- Если его постигнет неудача... Если немцы перейдут сегодня ночью Неретву...

-- Ну что ж,-- Стефан пожал плечами,-- мы все готовы умереть сегодня ночью.

-- Да, чему быть, того не миновать,-- согласился Ласло. Он поднял бинокль и вновь углубился в наблюдение за Неретвинским мостом.

Тем временем Меллори и шестеро его спутников весьма успешно справлялись со своими лошадьми. Даже Петар ни разу не упал. По правде говоря, этот склон не был таким крутым, как предыдущий, от плато Ивеничи до блокауза, но Рейнольдс все же предполагал, что Меллори намеренно ограничивает скорость их передвижения. Возможно, размышлял Рейнольдс, Меллори оберегает слепого, который неотступно следовал за ним. Гитара Петара, крепко привязанная, висела через плечо, поводья он бросил и

обеими руками Крепко вцепился в переднюю луку седла. Постепенно мысли Рейнольдса перенеслись к сцене в блокгаузе. Через некоторое время он пустил свою лошадь вперед и догнал Меллори.

-- Сэр?

-- В чем дело? -- Меллори был явно недоволен.

-- Одно слово, сэр. Очень срочно. Меллори поднял руку, и вся кавалькада остановилась.

-- Покороче, -- резко произнес он.

-- Нойфельд и Дрошный, сэр...-- Рейнольдс как будто засомневался, потом продолжил: -- Вы считаете, они знают, куда мы направляемся?

-- Какое это может иметь значение?

-- Прошу вас.

-- Да, знают. Если только они не последние кретины. А они не последние.

-- Очень жаль, сэр, -- констатировал Рейнольдс, -- что вы их все-таки не прикончили напоследок.

-- Ближе к делу, -- нетерпеливо отрезал Меллори.

-- Слушаюсь, сэр. Вы говорили, что сержант Баер освободил их раньше.

-- Конечно. -- Меллори начинал терять терпение. -- Андреа видел, как они появились. Я уже все объяснил. Они -- Нойфельд и Дрошный -- должны были подняться на плато Ивеничи, чтобы удостовериться, что мы улетели.

-- Я это понимаю, сэр. И вы знали, что Баер следит за нами. Как он попал в блокгауз?

Терпение Меллори лопнуло, и он выпалил с раздражением:

-- Потому что я оставил оба ключа снаружи.

-- Да, сэр. Вы ожидали его. Но сержант Баер не знал об этом и уж во всяком случае не думал найти там ключи.

-- Господи, твоя власть, дубликаты! -- Меллори с яростью вбил кулак одной руки в ладонь другой. -- Глупец! Глупец! Конечно же, у него были свои ключи!

-- А Дрошный может знать короткий путь до лагеря, -- произнес Миллер задумчиво.

-- Мало этого, -- Меллори уже взял себя в руки, но видимое спокойствие не скрывало его внутреннего возбуждения, -- Он может связаться по радиации с Циммерманом и предупредить его, чтобы тот отвел танковые дивизии от Неретвы. Вы попали в точку, Рейнольдс. Спасибо, сынок. Как думаешь, Андреа, далеко отсюда до лагеря Нойфельда?

-- Не больше мили, -- бросил Андреа через плечо, так как, верный своей привычке "меньше слов -- больше дела", был уже в пути.

Через десять минут они остановились на опушке леса, в двадцати ярдах от лагеря Нойфельда. В некоторых домах светились окна, из столовой доносилась музыка и несколько солдат-четников прогуливались по территории.

Рейнольдс прошептал Меллори:

-- Как мы это сделаем, сэр?

-- Мы ничего не будем делать. Действовать будет Андреа.

Гроувс тихо произнес:

-- Андреа? Один? Он будет один? Меллори вздохнул:

-- Объясните им, капрал Миллер.

-- Да стоит ли? Впрочем, ладно. Дело вот в чем, -- сказал Миллер добродушно. -- У Андреа это просто хорошо получается.

-- И у нас получится, -- обиделся Рейнольдс. -- Мы -- морские пехотинцы. Нас специально обучали.

-- И хорошо научили, не сомневаюсь, -- согласился Миллер. -- Еще пять-шесть лет тренировки, и половина из вас сможет попробовать с ним потягаться. Впрочем, я сильно сомневаюсь в вашем успехе. Скоро вы поймете -- я не хочу вас обидеть, поймите меня правильно, сержанты: Андреа -- волк, а вы пока -- овцы, -- Миллер помолчал и мрачно закончил: -- Как и все те, кто сейчас находится в радиорубке.

-- Как и все те... -- Гроувс обернулся. -- Андреа! Он исчез! Я не видел, как он ушел.

-- Никто никогда этого не видит, -- объявил Миллер. -- И те несчастные тоже не увидят, как Андреа войдет. -- Он посмотрел на

Меллори.-- Пора.

Меллори взглянул на светящиеся стрелки своих часов:

-- 11.30. Уже пора.

Все замолчали, и стало совсем тихо. Только слышно было, как нетерпеливо перебирают ногами лошади, привязанные в лесу. Вдруг Гроувс изумленно вскрикнул: перед ними предстал Андреа. Меллори посмотрел на него и спросил:

-- Сколько?

Андреа показал два пальца и медленно двинулся к лошадям. Остальные последовали за ним. Рейнольдс и Гроувс обменивались взглядами, которые яснее слов говорили, что по поводу Андреа они заблуждались не меньше, чем по поводу Меллори.

В тот самый момент, когда Меллори и его отряд привязывали своих лошадей в лесу, окружающем лагерь Нойфельда, бомбардировщик "Веллингтон" готовился к посадке на хорошо освещенное летное поле. То самое, на котором Меллори и его друзья впервые появились двадцать четыре часа назад в итальянском городе Термоли. "Веллингтон" мягко приземлился. Пока он бежал по взлетной полосе, параллельно с ним двигался армейский грузовик с радиостанцией. На левом переднем сиденье и на правом заднем устроились две уже знакомые фигуры: капитан Дженсен, бородатый пират, и генерал-лейтенант британской армии, с которым Дженсен провел много часов, измеряя шагами комнату Оперативного штаба в Термоли.

Самолет и грузовик остановились одновременно. Дженсен, демонстрируя удивительную ловкость для своих внушительных размеров, легко спрыгнул на землю и быстро пересек бетонную полосу. Он оказался у "Веллингтона" как раз, когда дверь открылась и первый пассажир, усатый майор, спрыгнул на землю.

Дженсен кивнул на бумаги, зажатые в руке майора, и без лишних предисловий спросил:

-- Это мне?

Майор поначалу растерялся, обескураженный таким приемом, затем кивнул в ответ. Дженсен молча взял пакет, вернулся в "джип", на свое место, включил фонарик и принялся пристально изучать бумаги. Повернувшись в своем кресле, он обратился к радисту, сидящему рядом с генералом:

-- Маршрут полета прежний. Цель та же. Передайте немедленно на базу.

Радист надел наушники.

В пятидесяти милях к юго-востоку в местечке Фоя строения и взлетные полосы базы тяжелых бомбардировщиков королевских ВВС вибрировали от гула работающих самолетных двигателей: на западном конце основной взлетной полосы выстроились несколько эскадрилий тяжелых бомбардировщиков "Ланкастер", ожидающих сигнала к взлету. Сигнал не заставил себя долго ждать. Неподалеку от взлетной полосы остановился "джип", похожий на тот, в котором сидел в Термоли Дженсен. На заднем сиденье радист в наушниках колдовал над рацией. Наконец, он оторвался от нее и отчеканил:

-- Инструкции прежние. Немедленно. Немедленно. Немедленно.

-- Инструкции прежние,-- повторил капитан на переднем сиденье.-- Немедленно.-- Он достал деревянный ящик, вынул три ракетницы и выстрелил из каждой по очереди. Сверкающие вспышки -- зеленая, красная и снова зеленая -- прочертили в небе цветные дуги и растаяли у земли. Гром в конце взлетного поля усилился, и первый "Ланкастер" пришел в движение. Через несколько минут от земли оторвался последний и стал подниматься в черное враждебное небо Адриатики.

-- Я абсолютно уверен, что они прекрасно знают свое дело,-- доверительно сообщил Дженсен генералу, удобно устроившемуся на заднем сиденье,-- Наши друзья из Фои уже в пути.

-- Прекрасно знают свое дело...-- повторил генерал.-- Может быть. Не знаю. Зато я точно знаю, что эти проклятые немецкие и австрийские дивизии все еще не покинули своих позиций на линии Густава. Час наступления на этой линии пробьет...-- он посмотрел на часы,-- ровно через тридцать часов.

-- Времени достаточно, -- уверенно заявил Дженсен.

-- Хотелось бы и мне в это верить.

Дженсен бодро улыбнулся в ответ и повернулся в своем кресле. Как только он это сделал, улыбка сползла с его лица, а пальцы принялись выбивать нервную барабанную дробь по обтянутому кожей сиденью.

К тому времени, когда Дрошный и Нойфельд со своими людьми примчались на лошадях к лагерю, луна опять выползла из-за тучи. Пар, поднимавшийся от вздымающихся боков лошадей, сверкал мелкими блестками в лунном свете. Нойфельд соскочил с лошади и повернулся к сержанту Баеру.

-- Сколько лошадей осталось в конюшнях?

-- Двадцать или около этого.

-- Быстро. Сколько людей, столько и лошадей. Седлайте!

Нойфельд махнул Дрошному, и они вместе побежали к радиорубке. Дверь, как ни странно, в эту холодную ночь была широко распахнута. Еще не добежав до двери, Нойфельд прокричал:

-- Связь с Неретвинским мостом, немедленно. Сообщите генералу Циммерману...

У входа он остановился как вкопанный. Дрошный встал рядом. Второй раз за эту ночь лица обоих вытянулись от полученного потрясения. Всего одна лампа освещала комнату, но и этого было достаточно. Двое людей лежали на полу в причудливо изогнутых позах, один на другом. Оба были мертвы. Рядом с ними валялся вдребезг разломанный передатчик. Нойфельд долго смотрел на эту картину, не веря своим глазам, потом повернулся к Дрошному.

-- Верзила, -- тихо произнес он. -- Это его работа.

-- Точно, -- согласился Дрошный и зловеще оскалился. --

Помните, что вы мне обещали, гауптман Нойфельд? Верзила -- мой.

-- Вы получите его. Пошли. Мы еще можем их догнать. Оба повернулись и побежали обратно. Сержант Баер и солдаты уже седлали лошадей.

-- Только автоматы, -- прокричал Нойфельд. -- Никаких винтовок. Сегодня придется поработать. Да, сержант Баер!

-- Слушаю, гауптман Нойфельд.

-- Сообщите людям, что мы не будем брать пленных.

Лошадей группы Меллори почти не было видно от пара, поднимавшегося от их разгоряченных тел. Нетвердый шаг, который даже нельзя было назвать рысью, выдавал беспредельную усталость. Меллори взглянул на Андреа. Тот кивнул в ответ:

-- Согласен. Пешком мы скорее доберемся.

-- Наверное, я старею. -- Меллори на минуту задумался. -- Плохо соображаю сегодня.

-- Не понимаю.

-- Лошади. У Нойфельда и его людей будут свежие лошади из конюшен. Нам надо было убить их или хотя бы увести.

-- Возраст тут ни при чем. Сказывается недосыпание. Мне это тоже не приходило в голову. Человек не в состоянии все предусмотреть.

Андреа остановил лошадь и хотел сойти, когда что-то привлекло его внимание на склоне, внизу. Он окликнул Меллори. Через минуту они подъехали к узкоколейке, столь типичной для центральной Югославии. Колея, которая представилась их взору, заросшая и достаточно ржавая на вид, все же еще могла быть использована по назначению. Это была та самая колея, которая попала им на глаза, когда они обследовали зеленые воды Неретвинского водохранилища по пути из лагеря майора Бронника. Но сейчас Меллори и Миллер одновременно заметили помимо самой колеи еще небольшую запасную ветку, ведущую в сторону, а на ней небольшой паровозик. Этот старинный механизм был весь покрыт ржавчиной и, казалось, не трогался со своей стоянки с самого начала войны. По всей вероятности, так оно и было.

Меллори достал крупномасштабную карту и посветил на нее фонарем.

-- Нет сомнений, это та самая колея, которую мы видели сегодня утром. Она идет вдоль Неретвы и миль через пять сворачивает к югу. -- Он помолчал и задумчиво произнес: -- Хотел бы я знать, можно ли сдвинуть эту штуку с места.

-- Что? -- Миллер посмотрел на него с ужасом. -- Паровоз

развалится на части, стоит лишь до него дотронуться. Он проржавел насквозь. Да еще и дорога под уклон.-- Миллер бросил тоскливый взгляд вниз со склона.-- Какая, по-твоему, у нас будет скорость, когда мы налетим в конце пути на одну из этих чудовищных сосен?

-- Лошади выдохлись,-- мягко заметил Меллори,-- а я хорошо знаю твою нелюбовь к пешим прогулкам. Миллер посмотрел на паровоз с отвращением:

-- Ну, можно придумать что-нибудь другое.

-- Тише! -- Андреа напрягся и вытянул шею,-- Они идут. Я слышу их шаги.

-- Уберите подпорки из-под передних колес! -- быстро сказал Миллер. Он побежал вперед и несколькими сильными и меткими ударами, которые привели в полную негодность носки его ботинок, выбил из-под колеса треугольный костыль, прикрепленный цепью к паровозу. Рейнольдс не менее энергично выбил второй.

Все вместе, даже Мария и Петар, изо всех сил толкали паровоз сзади. Ни с места. Они отчаянно пытались снова и снова. Тщетно! Колеса паровоза не сдвинулись ни на сантиметр. Тогда высказал свое предположение Гроувс:

-- Сэр, на таком уклоне паровоз могли оставить на тормозах.

-- О, господи! -- воскликнул Меллори с досадой.-- Андреа, быстро. Отпусти тормозной рычаг. Андреа бросился к подножке:

-- Здесь этих чертовых рычагов не меньше дюжины,-- послышался его жалобный голос.

-- Тогда отпусти всю дюжину этих чертовых рычагов.-- Меллори с беспокойством поглядывал на колею. Может быть, Андреа действительно слышал шаги, а может быть, и нет. Пока, во всяком случае, никого не было видно. Но он хорошо понимал, что Нойфельд и Дрошный, которые выбрались из блокгауза через несколько минут после их ухода и знали все тропинки в лесу гораздо лучше их, могли находиться где-нибудь поблизости.

Со стороны паровоза послышался немыслимый металлический скрежет, а за ним голос Андреа:

-- Готово!

-- Толкайте,-- приказал Меллори.

Опять раздался скрежет, на этот раз уже от колес, и паровоз сдвинулся с места, да так легко, что они, не удержавшись на ногах от неожиданности, попадали на землю. Но тут же вскочили и побежали догонять паровоз, который стал резво набирать скорость. Андреа протянул руку Марии и Петару, потом помог забраться остальным. Гроувс был последним и уже заносил ногу на ступеньку, как вдруг повернулся и побежал назад к лошадям, отвязал притороченные к стременам веревки, перебросил их через плечо и бросился догонять паровоз. Меллори протянул ему руку и помог вскочить на подножку.

-- Сегодня не мой день,-- печально произнес Меллори.-- Вернее, вечер. Сначала я забыл, что у Баера могут быть дубликаты ключей. Потом про лошадей, потом про тормоза, теперь не подумал о веревках. Интересно, что еще я забуду?

-- Может быть, о Нойфельде и Дрошном,-- послышался бесстрастный голос Рейнольдса.

-- А что с ними?

Рейнольдс показал стволом "шмайссера" назад, на рельсы:

-- Разрешите стрелять, сэр?

Меллори оглянулся. Нойфельд, Дрошный и группа солдат-всадников появились из леса на расстоянии не более ста ярдов от паровоза.

-- Разрешаю открыть огонь,-- спокойно согласился Меллори.-- Остальным лечь,-- Он отстегнул и поднял свой "шмайссер" как раз в тот момент, когда Рейнольдс нажал на спусковой крючок своего. Секунд пять вся тесная кабина паровозика сотрясалась от грохота, производимого двумя автоматами. По знаку Меллори стрельба прекратилась. Исчезла мишень, по которой можно было бы стрелять. Нойфельд и его люди сначала пытались стрелять в ответ, но скоро поняли, что, балансируя в седлах лошадей, они находятся в гораздо менее выгодном положении, чем их противники, которые удобно

устроились на своем устойчивом железном коне. А поняв это, они повернули лошадей и скрылись в лесу по другую сторону колеи. Но не все успели это сделать. Двое солдат лежали лицом вниз на снегу, в то время как их лошади продолжали бежать за паровозом. Миллер поднялся, огляделся и тронул Меллори за плечо:

-- Меня интересует одна небольшая деталь. Как мы остановим эту штуку? -- он с интересом посмотрел в окно: -- Уже, наверное, под шестьдесят идем.

-- Думаю, не больше двадцати в час. Уже достаточно быстро, чтобы обогнать лошадей. Спроси у Андреа. Он отпускал тормоза.

-- Он отпустил десяток рычагов, -- поправил Миллер. -- Любой из них мог быть тормозом.

-- Но ведь ты не станешь здесь околачиваться без дела, -- резонно заметил Меллори, -- вот и выясни, как остановить эту чертову колесницу.

Миллер недовольно посмотрел на Меллори и принялся думать, как остановить чертову колесницу.

Рейнольдс одной рукой поддерживал Марию, чтобы она не упала на болтающейся во все стороны платформе. Другой рукой он взял Меллори за плечо и прошептал:

-- Они схватят нас, сэр. Обязательно схватят. Почему бы нам не поберечь этих двоих? Поможем им скрыться в лесу.

-- Благодарю за идею. Но не могу согласиться. Только с нами у них есть какой-то шанс. Слабый, но есть. Оставьте их, и они будут растерзаны.

Паровоз делал уже не двадцать миль в час, как утверждал Меллори. И хотя он еще не делал шестидесяти, как предполагал Миллер, но шел так быстро, что весь трясся и дребезжал. Это ясно указывало, что он находится на пределе своих возможностей. К этому времени исчезли последние деревья справа от колеи, отчетливо виднелись на западе потемневшие воды Неретвинского водохранилища. Колея теперь шла вдоль крутого обрыва. У всех, кроме Андреа, лица выражали крайнее напряжение. Меллори поинтересовался:

-- Ну что, сообразили, как остановить эту штуковину?

-- Очень просто, -- Андреа указал на рычаг. -- Достаточно потянуть его на себя.

-- Прекрасно, машинист. Действуй. Мне надо осмотреться.

К явному облегчению большинства пассажиров, Андреа налег на тормозной рычаг. Послышался невероятный визг, вызывавший зубовой скрежет, паровоз потонул в клубах черного дыма, колеса проползли еще какое-то небольшое расстояние по рельсам, и паровоз остановился. Все смолкло, дым развеялся. Андреа с сознанием выполненного долга и с видом специалиста-железнодорожника выглянул из окна. Для полноты картины ему не хватало только промасленной ветоши в одной руке и сигнального флажка в другой. Меллори и Миллер спрыгнули и побежали к обрыву, остановившись не более чем в десяти дюймах от края. Правда, до конца добежал только Меллори. Миллер последние два метра полз на четвереньках, зажмурив глаза. Потом он приоткрыл один глаз, заглянул вниз, зажмурился снова и также на четвереньках пополз обратно. Миллер жаловался, что, даже стоя на верхней ступеньке лестницы, с трудом удерживается от желания броситься в пролет.

Меллори задумчиво глядел в глубину. Они стояли над водохранилищем, которое, отражаясь в неверном свете луны, казалось, находилось невероятно далеко, в головокружительной глубине. Широкая верхняя часть стены плотины была хорошо освещена и охранялась не менее чем полдюжиной немецких солдат. Лестница, о которой говорила Мария, была скрыта от глаз, зато виднелся подвесной мост, весьма ненадежный на первый взгляд, постоянно находящийся под угрозой огромного валуна каменистой осыпи левого берега. Еще ниже вода светлела, что указывало на предполагаемый брод. Меллори задумался. Несколько мгновений он смотрел на открывшуюся картину, вспомнил, что погоня может быть уже близка, и поспешил обратно к паровозу. Он обратился к Андреа:

-- Мили полторы, не больше, я думаю. -- Повернулся к Марии:

-- Вы знаете, там есть брод или должен быть брод, немного ниже

плотины. Можно ли спуститься вниз?

-- Только горному козлу.

-- Какое неуважение к командиру, -- неодобрительно проворчал Миллер.

-- Не обращайтесь на него внимания, -- сказал Меллори.

В пяти-шести милях от плотины генерал Циммерман вышагивал взад и вперед по поляне, окруженной сосновым бором, к югу от Неретвинского моста. Рядом с ним шагал полковник, один из его дивизионных командиров. В глубине леса можно было рассмотреть сотни людей, множество танков и самоходных орудий, с которых были сняты маскировочные чехлы. У каждого танка и орудия хлопотала группа людей, по всей видимости, производя последние приготовления. Игра в прятки окончилась. Все ожидания тоже подходили к концу. Циммерман посмотрел на часы.

-- Двенадцать тридцать. Первые пехотные батальоны отправятся через пятнадцать минут и рассредоточатся по северному берегу. В два часа пойдут танки.

---- Так точно, герр генерал. -- Все детали были продуманы много часов назад, но иногда полезно повторить указания. Полковник посмотрел на север. -- Я иногда думаю, есть ли там кто-нибудь вообще.

-- Меня беспокоит не север, -- угрюмо произнес Циммерман. -- Я все время думаю о западе.

-- Союзники? Вы... Вы думаете их воздушная армада скоро прибудет? Вы все еще об этом думаете, мой генерал?

-- Я все еще думаю об этом. Они прилетят, помяните мое слово. За мной, за вами, за всеми нами. -- Он передернул плечами и принужденно улыбнулся. -- Костлявая старуха-смерть уже точит свою косу.

ГЛАВА 10. СУББОТА. 00.40--01.20

-- Мы подъезжаем, -- сказала Мария. Она высунулась из окна дребезжащего и болтающегося во все стороны паровоза, и ее светлые волосы подхватил и рассыпал ветер. Отодвинувшись от окна, она обратилась к Меллори: -- Осталось метров триста.

-- Пора браться за дело, машинист, -- Меллори, в свою очередь, повернулся к Андреа.

-- Вас понял. -- Андреа налег на тормозной рычаг. Вся процедура повторилась: немислимый визг тормозов, скрежет колес, огромное облако черного дыма. Паровоз остановился, и Андреа, выглянув из окна, увидел ущелье в форме перевернутой буквы "Л". -- В ярде остановились.

-- Не больше, -- согласился Меллори. Если после войны окажешься без работы, тебе всегда найдется место железнодорожника, -- Он спрыгнул на землю, подал руку Марии и Андреа, подождал, пока спустятся Миллер, Рейнольдс и Гроувс и нетерпеливо крикнул Андреа:

-- Ну что ты так долго?

-- Иду, -- спокойно отозвался Андреа. Он отпустил до конца рычаг тормоза, и древняя конструкция опять начала набирать скорость. -- Никогда не знаешь, что может случиться.

Они подошли к расщелине на обрыве скалы. Этот обрыв, вероятно, был результатом какого-то доисторического оползня, который спустился к Неретве. Водовороты вскипали у порогов, образовавшихся при том же оползне много веков назад. Призвав на помощь воображение, этот глубокий шрам на лице скалы можно было бы назвать и ложиной, но на самом деле это была совершенно перпендикулярная прорезь, состоящая из каменистой осыпи, сланца и гальки. И все готово было каждую минуту посыпаться вниз. Путь этой устрашающей массы только однажды, на середине, прерывался небольшим скалистым уступом. Миллер бросил взгляд в зияющие глубины, быстро отошел от края скалы, со страхом и недоверием перевел взгляд на Меллори.

-- Я думаю, да, -- ответил Меллори.

-- Но ведь это невозможно. Даже когда я взбирался на южный склон на Навароне...

-- Ты не взбирался на южный склон на Навароне, -- неодобрительно прервал его Меллори. -- Андреа и я тащили тебя на веревке.

-- Разве? А я и забыл. Но это... такое может присниться только в кошмарном сне.

-- Но нам же не надо взбираться по этому склону. Как раз наоборот. С тобой все будет в порядке, если только не покатишься кубарем.

-- Со мной будет все в порядке, если не покачусь кубарем, -- автоматически повторил Миллер. Он следил за тем, как Меллори связывает вместе две веревки и обвязывает их вокруг ствола сосны. -- А Мария и Петар?

-- Петару для этого не нужны глаза. Ему нужно только обвязаться веревкой и спуститься на ней вниз. У Петара сил достаточно. Кто-нибудь уже будет внизу и поможет ему встать на ноги. Андреа поможет нашей юной леди. Теперь поспешим. Нойфельд и его люди с минуты на минуту будут здесь. Если они нас застанут, это будет совсем ни к чему. Андреа, ты идешь с Марией.

Андреа и девушка сразу же подошли к краю лощины и стали спускаться, держась за веревку. Гроувс смотрел на них какое-то время с сомнением, потом подошел к Меллори.

-- Я пойду последним, сэр, и заберу веревку с собой. Миллер взял его под руку и отвел на несколько шагов.

-- благородно, мой мальчик, очень благородно, но, к сожалению, так не пойдет. Во всяком случае, не тогда, когда от этого зависит жизнь Дасты Миллера. Поясняю: наша жизнь сейчас зависит от ведущего в связке, а капитан Меллори, насколько я знаю, лучший специалист в мире...

-- Я не совсем понимаю...

-- Эта одна из причин, по которой он был назначен руководителем группы. Босния знаменита своими скалами и горами. А Меллори забирался на Гималаи, когда вы, юноша, еще не решались вылезти из своей коляски. Но даже вы не слишком молоды, чтобы ничего не слышать о нем.

-- Кейт Меллори?! Новозеландец?!

-- Он самый. Идите, ваша очередь.

Первые пятеро спустились благополучно. Даже Миллер, который шел предпоследним, совершил свое путешествие к выступу скалы без приключений. Правда, при этом он пользовался только ему известной альпинистской техникой, то есть попросту крепко зажмурил глаза с самого начала и не открывал до самого конца. Последним шел Меллори. Он сворачивал веревку по мере продвижения, спускался быстро и уверенно, казалось, даже не глядя, куда ставит ногу, но при этом не потревожил ни одного камня. Гроувс неотступно следил за его спуском и был явно потрясен.

Меллори встал на ноги на самом краю уступа. Свет луны падал таким образом, что пороги Неретвы, обволакиваемые кипящими и фосфоресцирующими бурунами, были полностью освещены, тогда как нижняя часть склона под их ногами оставалась в тени. Пока Меллори изучал обстановку, луну закрыло небольшое облако, и тогда даже то, что раньше можно было разглядеть с трудом, совсем скрылось из виду. Меллори знал, что они не должны дожидаться, пока снова появится луна, так как Нойфельд со своими людьми мог быть рядом. Меллори закрепил веревку на уступе и сказал Марии и Андреа:

-- Вот этот спуск будет действительно опасен. Опасайтесь камнепадов.

Андреа и Марии потребовалось чуть больше минуты, чтобы завершить спуск, о чем они оповестили остальных, дернув два раза за веревку. По пути они все же задели несколько небольших камней, но Меллори не опасался, что при спуске следующего это может вызвать обвал, смертельно опасный для Андреа и Марии. Андреа прожил слишком долгую и опасную жизнь, чтобы погибнуть от такого пустяка. Отправляя следующего, он и его предупредил о возможности обвала. В очередной раз Меллори посмотрел вверх,

туда, откуда они только что спустились. Если Нойфельд и его люди уже прибыли, то вели они себя очень тихо и осторожно: конечно же, последние два часа наверняка заставили их быть осмотрительными.

Луна снова выглянула из-за тучи, когда Меллори уже заканчивал спуск. Он представлял себе, какой замечательной мишенью мог послужить, если бы враг появился на вершине скалы в этот момент, хотя Андреа и подстраховывал его на этот случай снизу. С другой стороны, освещение помогло ему спуститься в два раза быстрее, чем в прошлый раз. Восхищенные зрители снизу наблюдали, как Меллори без всякой страховки ловко спускался вниз: без малейшей ошибки он успешно достиг каменистого берега реки и посмотрел на пороги. Затем произнес, обращаясь ко всем сразу:

-- Вы знаете, что может произойти, если Нойфельд со своими людьми появится на вершине скалы и увидит нас здесь при свете луны? -- Молчание свидетельствовало о том, что они очень хорошо знают, что может произойти в таком случае.-- Тогда за дело. Рейнольдс, попробуйте попытать счастье? -- Рейнольдс кивнул.-- Только оставьте автомат.

Меллори отвязал веревку, затянул узлом на поясе Рейнольдса и вместе с Андреа и Гроувсом ухватился за другой конец. Рейнольдс бросился вперед, перескакивая с камня на камень, что было чрезвычайно трудно в кипящем водовороте. Дважды его сбивало с ног, дважды он поднимался снова и в тот момент, когда уже почти достиг противоположного берега, река опять сбила его с ног и швырнула в поток. Кашляющего и отплевывающегося, его вытащили на берег. Не взглянув ни на кого, не сказав ни слова, он в ярости снова бросился вперед. И на этот раз ярость, видимо, помогла ему благополучно добраться до цели.

Он буквально вполз на противоположный берег и несколько минут лежал без движения, отдыхая и набираясь сил. Затем поднялся, подошел к сосне, росшей на берегу, снял с себя веревку и привязал ее к стволу сосны. Меллори на своей стороне обернул веревку дважды вокруг большого камня и кивнул Андреа и Марии.

Меллори опять взглянул вверх. Там все еще никого не было. И все же Меллори считал, что им надо торопиться -- слишком долго их баловала удача. Андреа и Мария были уже почти на середине пути, когда он отправил вперед Гроувса с Петаром. Он молил бога, чтобы выдержала веревка. Как только Андреа и Мария ступили на берег, он пустил Миллера с автоматами наперевес и остался один. Гроувс и Петар тоже успешно достигли берега. Меллори должен был дожждаться, пока дойдет Миллер, потому что, если бы он пошел вместе с ним и упал в воду, то, потянув за собой Миллера, рисковал потерять оружие. Меллори подождал, пока Андреа помог выбраться на берег Миллеру, и принялся за дело сам. Он отвязал веревку от страховочного камня, завязал ее узлом вокруг пояса и бросился в воду. Он сорвался на том самом месте, где раньше не повезло Рейнольдсу, но был вытянут на берег, вдоволь наглотавшись воды.

-- Раны, повреждения, сломанные кости? -- поинтересовался Меллори. Сам он чувствовал себя как человек, переплывший Ниагару в бочке.-- Нет? Прекрасно.-- Он посмотрел на Миллера,-- Ты останешься со мной здесь. Андреа поведет остальных вверх, до поворота реки. Там они и подождут нас.

-- Я? -- удивился Андреа.-- Наверху лощины того и гляди появятся наши "друзья". Меллори отвел его в сторону:

-- У нас еще есть "друзья", которые могут прийти по берегу реки из гарнизона у плотины.-- Он кивнул в сторону двух сержантов, Марии и Петара.-- Что будет с ними, если они нарвутся на патруль альпийских стрелков?

-- Я подожду тебя за поворотом.

Андреа и остальные стали медленно подниматься вверх по берегу реки, поминутно скользя и спотыкаясь & камни. Меллори и Миллер отошли под прикрытие двух больших валунов и установили наблюдение.

Прошло несколько минут. Луна все еще светила, а наверху лощины по-прежнему никого не было видно. Миллер сказал с

беспокойством:

-- Как ты думаешь, что могло случиться? Слишком долго они не появляются...

-- Я думаю, что они все еще нас ищут.

-- Ищут?

-- Конечно. Они же не знают, где мы сошли с паровоза,-- Меллори вынул карту и принялся пристально ее изучать с помощью тщательно замаскированного карманного фонарика-карандаша. Через три четверти мили вниз по железной дороге был обозначен резкий поворот налево. По всей вероятности, паровоз сошел с рельсов именно там,-- Последний раз, когда Нойфельд и Дрошный нас видели, мы были на паровозе. Естественно, они будут следовать за ним до тех пор, пока не дойдут до того места, где его найдут. Когда они обнаружат разбитый паровоз, то, конечно, поймут, что случилось. Но уже будет поздно. Возвращаться придется вверх и на уставших лошадях.

-- Все именно так, клянусь Богом. Но пусть они поторопятся,-- проворчал Миллер.

-- Что я слышу? -- удивился Меллори,-- Дасти Миллер рвется в бой?

-- Совсем нет,-- отрезал Миллер. Он посмотрел на часы: -- Но время не терпит.

-- Время на исходе,-- согласился Меллори. И в этот момент они появились. Миллер, посмотрев вверх, заметил, как в лунном свете сверкнуло что-то металлическое, и на краю лощины появилась голова. Он тронул Меллори за руку.

-- Я вижу,-- прошептал Меллори. Оба одновременно достали "парабеллумы" и сняли предохранители. Тем временем голова в шлеме стала подниматься и постепенно переросла в фигуру. Теперь ее силуэт четко вырисовывался в свете луны на фоне черного неба. Человек стал медленно и осторожно спускаться и вдруг, выбросив вверх руки, упал и покотился вниз. Если даже он и кричал, ни Меллори, ни Миллер не могли слышать его крика из-за шума бушующей реки. Падающий ударился об уступ, отскочил от него и, раскинув руки, упал в воду. Следом за ним еще некоторое время падали камни.

Миллер угрюмо пофилософствовал:

-- Ты был прав, когда говорил, что это опасно. Еще одна фигура появилась на краю обрыва с целью совершить вторую попытку спуска, а за ней еще несколько человек. Через пару минут луна опять скрылась за тучей, а Меллори и Миллер все пытались рассмотреть происходящее на другом берегу, пока у них не разболелись глаза. Но сгустившаяся темнота не позволяла им ничего разглядеть.

Когда, наконец, луна снова пробилась сквозь тучу, стало видно, что первый альпинист уже преодолел выступ и с максимальной осторожностью продвигался дальше. Меллори тщательно прицелился и выстрелил.

Альпинист судорожно вздрогнул, опрокинулся на спину и полетел вниз догонять свою смерть. Следующий покоритель опасного спуска, несмотря на гибель своего товарища, произошедшую у него на глазах, продолжал свой путь. Меллори и Миллер прицелились, но луна внезапно опять скрылась, и им пришлось опустить оружие. К тому времени, когда луна вновь появилась, четыре человека на том берегу уже закончили спуск, и двое из них, обвязавшись веревками, готовились переходить вброд реку. Меллори и Миллер ждали, пока они пройдут две трети пути. Теперь они представляли собой очень удобную мишень, и стрелки не могли промахнуться. И они не промахнулись. Белая пена моментально окрасилась в красный цвет, и, оставаясь попрежнему в связке, тела понеслись к ущелью. Их так крутило и переворачивало, руки и ноги так подбрасывало вверх, что они были похожи на живых людей, которые, хоть и без всякой надежды на успех, стараются бороться за свою жизнь. Так или иначе, те двое, которые остались на берегу, казалось, не воспринимали случившееся как трагедию. Они смотрели на плывущие тела своих товарищей в полном недоумении. Еще две-три секунды, и они так и ушли бы из жизни, не ведая, что стряслось. Но луна снова спряталась, и Меллори с Миллером пришлось вновь опустить

пистолеты. Тем двоим предоставлялась короткая передышка.

Меллори посмотрел на часы и произнес возмущенно:

-- Какого черта они не стреляют? Уже пять минут второго.

-- Кто не начинает стрелять? -- удивился Миллер.

-- Ты сам слышал. Ты же был там. Я просил Виса передать Вукаловичу, чтобы они обеспечили нам прикрытие, начиная с часу ночи. В районе ущелья Зеницы. Это меньше чем в миле отсюда. Мы больше не можем ждать...-- Он осекся. Раздался треск беспорядочной винтовочной стрельбы, хорошо слышный даже на таком сравнительно большом расстоянии. Меллори улыбнулся: -- Ладно уж. Плюс-минус пять минут роли не сыграют. Пошли. Я думаю, Андреа уже беспокоится.

Андреа действительно волновался. Он возник перед ними сразу, как только они миновали первый изгиб реки.

-- Где вы оба болтались? -- начал он неодобрительно.-- Вы заставили меня волноваться...

-- Объясню в свое время. Если оно для нас наступит, это свое время. Наши друзья-бандиты будут здесь через две-три минуты. Они прекрасно оснащены. Правда, четверых уже потеряли. Нет, шестерых, считая тех двоих, которых Рейнольдс уложил с паровоза. Остановишься у следующей излучины и займешься ими. Один. Я думаю, справишься?

-- Сейчас не до шуток,-- возмутился Андреа.-- А потом что?

-- Гроувс, Рейнольдс и Петар со своей сестрой пойдут с нами вверх по реке. Рейнольдс и Гроувс как можно ближе к плотине, а Петар и Мария до первого надежного укрытия, желательно поближе к подвесному мосту, учитывая этот чертов камень, который того и гляди на него грохнется.

-- Подвесной мост, сэр? -- спросил Рейнольдс.-- Камень?

-- Я видел его, когда мы выходили из паровоза на разведку.

-- Вы видели его? Но Андреа не видел.

-- Я предупредил его.-- Меллори явно торопился. Не обращая внимания на недоверчивое выражение лица сержанта, он обратился к Андреа.-- Дасте и я больше ждать не можем. Призови на помощь свой "шмайссер" и останови их.-- Он показал на северо-запад в сторону ущелья Зеницы, откуда доносилась непрерывная ружейная пальба.-- При таком шуме они не поймут разницы.

Андреа кивнул, удобно устроился между двух больших камней и выпустил для пробы очередь из своего "шмайссера". Остальная группа двинулась дальше, вверх по реке, спотыкаясь и скользя на валунах, которыми была усеяна правая сторона Неретвы, пока не выбрались на тропинку, извивающуюся меж камней. По ней они шли метров сто до небольшой излучины. Одновременно, как будто по приказу, остановились и посмотрели вверх. Огромная стена Неретвинской плотины предстала перед ними во всей красе. Дух захватывало от ее высоты. Над плотиной вставали и уходили в ночное небо скалы. Они поднимались сначала вертикально, а потом как будто склонялись друг к другу и, казалось, даже соединялись вершинами. Но Меллори уже хорошо знал, что это оптический обман. На вершине самой стены хорошо были видны сторожевые будки и радиорубка. Можно было разглядеть и маленькие фигурки немецких солдат. С самого верха восточной стороны плотины, там, где располагались сторожевые будки, на железных опорах спускалась вниз, к подножью ущелья, зигзагообразная лестница, выкрашенная, как знал Меллори, в зеленый цвет. В тени, отбрасываемой плотиной, она казалась черной. У подножья лестницы бурлила белой пеной вода, стремясь побыстрее вырваться из выходных труб плотины. Меллори попытался определить, сколько ступеней у лестницы. Двести. Быть может, двести пятьдесят. И по всей длине ни одной площадки, где можно было бы передохнуть. Лестница была полностью открыта для наблюдения сверху. Меллори подумал, что он вряд ли бы выбрал такую лестницу для нападения -- слишком опасно. На полпути между тем местом, где они стояли, и подножьем лестницы над спокойными водами ущелья качался подвесной мост. Старый, ветхий, обшарпанный, он внушал мало доверия, но если и внушал какое-то, то оно моментально рассеивалось от одного вида огромного валуна, висящего прямо над восточной оконечностью моста, который, казалось, в любую минуту может низвергнуться со своего неустойчивого ложа.

Рейнольдс осмотрел открывшуюся его взору картину и обратился к Меллори:

-- Мы были очень терпеливы, сэр.

-- Вы были очень терпеливы, сержант, и я вам очень благодарен. Вам, конечно, известно, что в Клеті Зеницы располагается югославская дивизия. Это как раз слева от нас, за горами. Вы также знаете, что в два часа ночи немцы собираются пустить через Неретвинский мост две танковые дивизии против партизан, вооруженных только винтовками. И если немцев не остановить, а их остановить трудно, они югославов уничтожат. Вам, наверно, также известно, что единственный способ остановить немцев -- взорвать Неретвинский мост. И вы знаете наверняка, что все наши предыдущие действия были только прикрытием для настоящих.

В голосе Рейнольдса была нескрываемая горечь:

-- Теперь узнал, и что же? -- Он указал в сторону ущелья.-- Я также знаю, что мост расположен где-то там.

-- Верно. А я знаю также, что если бы даже мы и приблизились к мосту, а это совершенно невозможно, то мы все равно не взорвали бы его, имея мы хоть целый грузовик взрывчатки. Взорвать стальной мост на бетонных опорах -- дело нешуточное.-- Он повернулся и посмотрел на плотину.-- Поэтому мы сделаем это по-другому. Видите плотину? За ее стеной тридцать миллионов тонн воды. Вполне достаточно для того, чтобы снести золотые ворота, а не то что этот мост через Неретву.

Гроувс произнес шепотом:

-- Вы сумасшедший.-- И, подумав, добавил: -- Сэр.

-- Знаю не хуже вашего. Но мы все равно снесем эту плотину. Даст и я.

-- Но в нашем распоряжении только несколько ручных гранат,-- Рейнольдс был почти в отчаянии.-- А в этой стене должно быть пять-семь метров толщины, и все из бетона. Взорвать ее! Но как?

Меллори покачал головой:

-- Есть способ...

-- Послушайте, вы, как всегда, не договариваете...

-- Спокойно! Черт возьми, парень, неужели ты никогда, никогда не поймешь? Если тебя в последнюю минуту поймут и заставят говорить, что станет с дивизией Вукаловича в Клеті Зеницы? Чего не знаешь, того не скажешь.

-- Но вы же знаете! -- голос Рейнольдса звенел от негодования.-- Вы. и Даст, и Андреа -- полковник Ставрос -- вы все знаете. Гроувс и я знаем, что вы знаете, а вас тоже могут заставить говорить.

Меллори сказал сдержанно:

-- Заставить говорить Андреа? Ну, если сильно припугнуть, вы могли бы отнять у него его любимые сигары. Конечно, Даст и меня можно заставить говорить. Но кто-то должен это уметь.

Гроувс сказал тоном человека, смиряющегося с действительностью:

-- Как вы попадете на другую сторону стены? Вы же не можете ее взрывать с этой стороны!

-- Не можем, имея те средства, которыми располагаем,-- согласился Меллори.-- Мы перейдем на другую сторону. Перелезем вон там,-- он показал на ущелье с другой стороны реки.

-- Мы полезем туда? -- осведомился Миллер как бы между прочим. Но было видно, что он ошеломлен.

-- По лестнице. Но не все время. Три четверти пути по лестнице, потом дальше по скале, пока не выйдем на уровень приблизительно сорока футов над плотиной, как раз там, где скала начинает нависать. Оттуда, с уступа, точнее -- из расщелины...

-- Расселина! -- в ужасе повторил Миллер.

-- Расселина. Она тянется на сто пятьдесят футов как раз над плотиной под углом, вероятно, градусов двадцать к горизонтали. Вот туда мы и пойдем.

Рейнольдс посмотрел на Меллори с недоверием:

-- Это безумие!

-- Безумие! -- эхом отозвался Миллер.

-- Я бы не делал этого, если бы у нас был выбор,-- признался Меллори.-- К сожалению, это единственный выход.

-- Но вас обнаружат,-- не успокаивался Рейнольдс.

-- Необязательно,-- Меллори вынул из своего рюкзака черный водолазный костюм, и Миллер покорно достал такой же. Пока они одевались, Меллори продолжал:

-- Мы будем, как черные мухи на черной стене.

-- Он еще на что-то надеется,-- проворчал Миллер.

-- Кроме того, они должны смотреть в другую сторону, если нам повезет и ВВС вовремя начнет бомбежку. А если мы все же будем обнаружены, вот тут начнете действовать вы с Гроувсом. Капитан Дженсен был прав. Дело оборачивается так, что нам без вас не обойтись.

-- Комплименты? -- Гроувс повернулся к Рейнольдсу.-- Комплименты от капитана? Значит, нас ожидают неприятности.

-- Что поделаешь? -- вздохнул Меллори. Он уже облачился в свой костюм и теперь укреплял на ремне альпинистские крючья и молоток, которые он тоже вынул из рюкзака.

-- Если мы будем в опасности, вы оба обеспечите нам прикрытие.

-- Каким образом? -- подозрительно спросил Рейнольдс.

-- Устроитесь где-нибудь внизу у подножья плотины и откроете огонь по охране, которая находится наверху.

-- Но мы будем, как на ладони.-- Гроувс осмотрел каменистый пейзаж левого берега у подножья плотины и лестницы.-- Здесь совершенно негде укрыться. У нас не будет никаких шансов.

Меллори завязал рюкзак и повесил на плечо свернутую в кольцо длинную веревку:

-- Боюсь, что их действительно очень мало.-- Он посмотрел на светящийся циферблат своих часов: -- Но зато в ближайшие сорок пять минут вы в безопасности, а мы нет.

-- В безопасности?

-- Относительной, конечно.

-- Хотите поменяться местами? -- с надеждой проговорил Миллер. Ответа не последовало, а Меллори был уже в пути. Миллер бросил последний безнадежный взгляд на скалы, ткнул ботинком рюкзак и поплелся за Меллори. Рейнольдс готов был броситься вдогонку, но Гроувс остановил его и кивнул Марии, чтобы она шла с Петаром вперед:

-- Мы немного подождем, чтобы обеспечить тыл. На всякий случай.

-- В чем дело? -- спросил его Рейнольдс шепотом.

-- Вот в чем. Наш капитан Меллори уже признавался, что совершил за эту ночь четыре ошибки. Я думаю, что сейчас он совершает пятую.

-- Не понял.

-- Он уложил все яйца в одну корзину и не учел этого. Какой смысл, например, в том, чтобы вылезать к этой дурацкой стене вдвоем? Они нас сверху уложат, не моргнув глазом. Для такого дела достаточно и одного. Тогда хотя бы один из нас останется жив и сможет обеспечить безопасность Марии и Петара. Так что я пойду к плотине, а ты...

-- А почему ты должен идти? Почему не...

-- Погоди, я не закончил. Я думаю, Меллори слишком оптимистично настроен, если он думает, что Андреа один может задержать людей, идущих от ущелья. Их, по самым скромным подсчетам, должно быть не менее двадцати, и они не на карнавал собрались. Они собрались нас укокошить. Что выйдет, если они одолеют Андреа, выйдут к подвесному мосту и найдут там Марию и Петара? А мы в это время будем расслаиваться и быть мишенями у подножья плотины? Они уничтожат их обоих, ты и глазом не успеешь моргнуть.

-- А может быть, и не сразу убьют. Что если Нойфельда уложат прежде, чем они подойдут к подвесному мосту? Тогда, если это будет зависеть от Дрошного, Мария и Петар еще порядком помучаются, прежде чем умереть. Вот ты и будешь стоять с Марией и Петаром где-нибудь у моста и прикрывать нас.

-- Ты, может быть, и прав. Но мне это не нравится.--

Рейнольдс поежился. -- Меллори отдал нам приказ, а он не из тех, кто любит, чтобы их приказы не выполняли.

-- Он никогда не узнает. Даже если он вернется, в чем я сильно сомневаюсь, он все равно не узнает. И ведь он действительно начал делать ошибки.

-- Не такого сорта. -- Рейнольдсу все еще было не по себе.

-- Я прав или нет? -- настаивал Гроувс.

-- Я не думаю, что это имеет принципиальное значение, в конце концов, -- устало согласился Рейнольдс. -- 0 'кей, пусть будет по-твоему.

Оба сержанта поспешили за Петаром и Марией.

Андреа услышал шарканье тяжелых сапог по камням, звякнул зацепившийся за скалу автомат. Андреа затих, распластавшись на животе и устроив свой "шмайссер" между камней. Звуки приближавшихся людей свидетельствовали о том, что они находятся уже не более чем в сорока ярдах от того места, где укрывался Андреа. Он слегка приподнялся и нажал на спусковой крючок.

Ответ последовал незамедлительно. Сразу из четырех или даже пяти автоматов, как определил Андреа. Не обращая внимания на свистящие над головой пули, он поудобнее устроился и выпустил вторую очередь. Один из стрелявших вздрогнул, выронил автомат и упал в Неретву, которая, бурля и вскипая белой пеной, унесла его прочь. Андреа выстрелил снова, и второй солдат, конвульсивно выпрямившись, тяжело упал на камни. Внезапно послышался резкий окрик, и стрельба затихла.

Из восьми стрелявших отделился один, показался из-за камня, который служил ему укрытием, и осторожно пополз к упавшему. На лице Дрошного, а это был именно он, пока он полз, появился свойственный ему волчий оскал, но сейчас он отнюдь не изображал улыбку. Он подполз к лежащему на камнях и перевернул его на спину: это был Нойфельд. Кровь струилась из раны на его голове. Дрошный выпрямился с искаженным от гнева лицом и резко повернулся, когда кто-то из его людей тронул его за руку.

-- Он мертв?

-- Пока нет. Ранен. И тяжело. Он будет без сознания несколько часов, а может быть, и дней. Я не знаю, только врач мог бы сказать.

Дрошный повернулся к солдатам:

-- Вы вдвоем перенесете его через брод в безопасное место.

Двое останутся с ним, третий вернется сюда. И, во имя господ Бога, скажите остальным, чтобы поторапливались.

Не теряя злобного выражения и на мгновение забыв об опасности, Дрошный вскочил на ноги и выпустил длинную автоматную очередь. Андреа продолжал удобно лежать без движения, насколько это было возможно, устроившись в своем укрытии, и с интересом наблюдал за происходившим, не обращая ровным счетом никакого внимания на отлетавшие рикошетом пули и разлетавшиеся в разные стороны осколки камней.

Звуки стрельбы достигли ушей охраны на вершине плотины. Невероятный шум, производимый стрельбой, и эхо от нее, доносившееся со стороны ущелья и самой плотины, делали совершенно невозможным определить, откуда она раздается на самом деле. Но зато стало абсолютно ясно, что к привычной уже ружейной стрельбе добавились характерные звуки автоматных очередей. И казалось, что автоматные очереди доносятся со стороны ущелья от подножья плотины. Один из охранников плотины подошел к дежурному капитану, коротко о чем-то с ним переговорил и быстрым шагом двинулся к одному из барачков, расположенному на бетонной площадке с восточной стороны плотины. В этом строении дверью служила полотняная занавесь. За ней располагалась радиостанция, на которой дежурил капрал.

-- Распоряжение капитана, -- сказал сержант. -- Свяжитесь с мостом через Неретву и передайте генералу Циммерману, что мы, то есть капитан, обеспокоены. Вокруг нас стреляют, и какая-то стрельба, похоже, доносится со стороны реки.

Сержант с нетерпением ждал, пока оператор наладит связь. Его нетерпение еще усилилось, когда в наушниках что-тобрякнуло и оператор стал записывать сообщение. Сообщение сержант отдал капитану, и тот прочел его вслух.

-- Генерал Циммерман сообщает: "Оснований для беспокойства нет. Стреляют наши югославские друзья со стороны ущелья Зеницы, они палят без цели, так как с минуты на минуту ожидают начала наступления соединений одиннадцатой армии. Еще больше шума будет позже, когда англичане начнут сбрасывать бомбы. Но вас они не тронут, можете не беспокоиться".-- Капитан опустил листок с сообщением.-- Очень 'хорошо. Если генерал говорит, что беспокоиться не о чем,-- значит, не о чем. Вы знаете репутацию генерала, сержант?

-- Я знаю репутацию генерала, сэр.-- С неопределенного расстояния, откуда-то снизу, опять донеслись звуки автоматной очереди. Сержант с недовольным и обеспокоенным видом замер.

-- Вы все еще беспокоитесь? -- спросил капитан.

-- Простите, герр капитан. Я, конечно, знаю репутацию генерала и полностью ему доверяю.-- Он помолчал и продолжил: -- И все-таки, даю голову на отсечение, что последняя автоматная очередь была из ущелья.

-- Поберегите свою голову, сержант,-- добродушно сказал капитан.-- Лучше обратитесь к нашему полковому врачу и проверьте слух.

На самом деле слух у сержанта был в полном порядке в отличие от капитана. Последняя автоматная очередь, как совершенно справедливо отметил сержант, действительно была произведена со стороны ущелья.

Именно там Дрошный и его люди, число которых теперь удвоилось, продвигались вперед, парами или в одиночку, резкими, очень короткими бросками, стреляя на ходу. Стрельба их была абсолютно беспорядочна, так как они все время спотыкались и скользили на камнях. Андреа им не отвечал, во-первых, потому, что не хотел до поры до времени обнаруживать себя, во-вторых, потому, что берег патроны. Вторая причина была существенно важнее, так как Андреа уже отбросил свой "шмайссер" в сторону и теперь с интересом изучал гранату, которую только что снял с пояса.

Дальше вверх по реке сержант Рейнольдс стоял на восточном конце деревянного шаткого мостика, который соединял стороны ущелья в самой узкой его части. Беснующиеся под ним воды Неретвы не оставляли никакой надежды тому, кто случайно или по неосторожности свалился бы с этой шаткой конструкции. Рейнольдс смотрел в ту сторону, откуда доносились автоматные очереди, и в десятый раз решал вопрос:

может быть, рискнуть, перейти мост и прийти на помощь Андреа? При всем его возникшем в последнее время уважении к этому человеку он, как и Гроувс, не мог себе представить, чтобы Андреа в одиночку смог справиться с двадцатью вооруженными до зубов врагами. С другой стороны, он клятвенно обещал Гроувсу оставаться с Марией и Петаром. Еще одна автоматная очередь донеслась со стороны ущелья. Рейнольдс, наконец, сделал выбор. Он оставит свой пистолет Марии на случай, если это вдруг понадобится, и покинет ее на время, которое потребуется, чтобы оказать помощь Андреа.

Он обернулся, чтобы сказать Марии о своем решении, но ни ее, ни Петара не было поблизости. Рейнольдс с ужасом огляделся вокруг. Его первой мыслью было, что они упали в реку, но он сразу отмел это нелепое предположение. Машинально посмотрел в сторону берега у подножья плотины и сразу, хотя луна в это время скрылась, увидел их обоих, пробирающихся к железной лестнице, где стоял Гроувс. Сначала он удивился, что они пошли туда, не предупредив его, а потом вспомнил, что ни он, ни Гроувс просто не сказали им, чтобы они оставались у моста. "Спокойно,-- подумал он про себя,-- Гроувс скоро вернет их обратно к мосту, и тогда будет возможность сказать им о своем решении". Он даже немного успокоился. Не потому, что боялся идти к Андреа и встретиться лицом к лицу с Дрошным и его людьми, а потому, что, хоть и ненадолго, откладывалась необходимость принимать решение, в правильности которого он все-таки до конца не был уверен.

Гроувс изучал нескончаемые зигзаги зеленой железной лестницы, казалось, намертво сросшейся со скалой, и вдруг

застыл от удивления, увидев Марию и Петара, бредущих, как обычно, взявшись за руки. Он вспыхнул:

-- Что это вы здесь делаете, дорогуши? Вы не имеете никакого права здесь находиться. Разве вы не понимаете -- охрана только взгляд бросит вниз, и вас не будет в живых. Возвращайтесь обратно к сержанту Рейнольдсу. Да поскорее!

Мария мягко перебила его:

-- Очень любезно с вашей стороны, сержант Гроувс, что вы так о нас беспокоитесь. Но мы не хотим уходить. Мы останемся здесь.

-- А какого черта вы будете здесь делать? -- грубо поинтересовался Гроувс. Он помолчал, потом продолжил уже мягче:

-- Я теперь знаю, кто вы, Мария. Я знаю все, что вы сделали и как прекрасно справились с делом. Но это не ваша работа. Прошу вас.

-- Нет, -- она упрямо покачала головой. -- Я тоже могу стрелять.

-- У вас не из чего стрелять. Кроме того, здесь Петар. Какое право вы имеете рисковать им? Он знает, где находится?

Мария заговорила со своим братом посербскохорватски. Он отвечал ей, как обычно, извлекая из горла какие-то странные звуки. Когда он закончил, Мария повернулась к Гроувсу.

-- Он сказал, что этой ночью готов умереть. У него есть то, что вы называете шестым чувством, и он говорит, что не видит будущего за этой ночью. Он говорит, что устал убегать. Он сказал, что будет ждать здесь, пока не пробьет его час.

-- Из всех упрямцев...

-- Пожалуйста, сержант Гроувс, -- ее голос, по-прежнему тихий, звучал уже тверже. -- Он уже сделал свой выбор, и вы его не переубедите. Гроувс кивнул:

-- Но, может быть, я все-таки смогу переубедить вас.

-- Я не понимаю.

-- Петар не может нам помочь. Слепой не может ничего. Зато вы сможете. Если захотите.

-- Говорите.

-- Андреа сдерживает отряд, состоящий как минимум из двадцати четников и немецких солдат. -- Гроувс криво усмехнулся, -- Я не сомневаюсь в том, что Андреа нет равных в таком деле. И все же один человек не может справиться с двадцатью. Если его убьют, то Рейнольдсу придется охранять мост в одиночку. А если убьют Рейнольдса, то Дрошный со своими людьми подоспеют как раз вовремя, чтобы предупредить охрану, как раз вовремя, чтобы спасти плотину, как раз вовремя, чтобы послать сообщение генералу Циммерману, чтобы тот также вовремя отвел танки в безопасное место. Я думаю, Мария, Рейнольдсу может потребоваться ваша помощь. Здесь ваша помощь не нужна совсем, а от вашего присутствия там может зависеть успех всего дела. Тем более что вы умеете стрелять.

-- Но, как вы справедливо заметили, у меня нет оружия.

-- Верно. Теперь оно у вас будет. -- Гроувс протянул ей свой "шмайссер", потом обойму.

-- Но... -- Мария с сомнением приняла оружие. -- Теперь у вас нет автомата.

-- Не волнуйтесь, у меня есть пистолет, -- Гроувс показал ей свой "парабеллум". -- Другого оружия мне этой ночью не понадобится. Я не могу себе позволить шуметь в неподобающее время.

-- Но я не могу оставить брата.

-- Я думаю, можете. Скорее, должны. Никто больше не сможет помочь вашему брату. Тем более, теперь. Пожалуйста, поспешите.

-- Ну что ж. -- Она сделала несколько шагов, остановилась и вновь повернулась к нему. -- Мне кажется, вы слишком много на себя берете, сержант Гроувс.

-- Я не понимаю, о чем речь, -- ответил Гроувс ледяным тоном. Она посмотрела на него долгим взглядом, повернулась и пошла вдоль берега вниз по реке.

Гроувс удовлетворенно улыбнулся самому себе в темноте.

Улыбка сходила с его лица по мере того, как лунный диск медленно выплывал из своего очередного укрытия. Гроувс

прошептал вдогонку Марии:

-- Ложитесь лицом вниз на камни и молчите.

Он проследил, как она немедленно исполнила его приказ, и обратил взгляд вверх на лестницу. Его лицо в этот момент отражало крайнюю степень напряжения.

Окунувшись в разлившийся лунный свет, Меллори и Миллер, как могли, теснее прижались к одной из опор лестницы. К этому моменту они проделали уже три четверти пути. Лестница, казалось, вросла в скалу, стала ее частью. Их неподвижный взгляд был устремлен в одну и ту же точку.

Они смотрели вверх, где приблизительно в пятидесяти футах над ними, чуть левее, двое любопытных охранников облокотились на парапет наверху плотины. Их взгляд был устремлен в ущелье, откуда доносились звуки стрельбы. Им достаточно было перевести взгляд чуть ниже, и Мария с Гроувсом были бы обнаружены. Им достаточно было перевести взгляд чуть правее, и были бы обнаружены Меллори и Миллер. Для тех и других это было бы равносильно смерти.

ГЛАВА 11. СУББОТА. 01.20--01.35

Гроувс, так же как и Меллори с Миллером, заметил двух немецких охранников, вглядывающихся сверху в то, что творилось внизу, у подножия плотины. У Гроувса было ощущение полной незащищенности. Что же должны были испытывать в этой ситуации Меллори и Миллер, прижимаясь к лестнице всего в нескольких метрах от охранников? У них обоих, и Гроувс это знал, были с собой "парабеллумы" с глушителями. Но пистолеты были в карманах мундиров, а мундиры -- под водолазными костюмами. И достать их сейчас не представлялось возможным. Ясно, что если бы только они начали двигаться, пытаясь достать оружие, то были бы мгновенно обнаружены. Гроувсу было непонятно, как их вообще до сих пор не обнаружили: луна так ярко освещала и плотину, и ущелье, что было светло, почти как в облачный полдень. Трудно было поверить в то, что у солдат вермахта настолько плохое зрение. Гроувсу оставалось только предположить, что солдаты не столько всматривались, сколько вслушивались в звуки стрельбы, постоянно доносящиеся снизу. С чрезвычайной осторожностью Гроувс вытащил свой "парабеллум". Даже принимая во внимание все возможности этого оружия, шансы Гроувса попасть в одного из охранников с этого расстояния были весьма проблематичными. Так что в данной ситуации пистолет мог оказать ему только моральную поддержку. Просто сжимать его в руках уже было лучше, чем ничего.

Гроувс оказался прав. Прав в том, что два охранника, совсем не успокоенные заверениями генерала Циммермана, напрягали в основном не зрение, а слух, пытаясь определить характер и направление огня, звуки которого доносились со стороны реки и становились постепенно все отчетливей. Во-первых, потому, что они простонапросто приближались, во-вторых, потому, что отвлекающий огонь партизанских защитников ущелья Зеницы слабел из-за недостатка патронов. Гроувс был прав и в том, что ни Меллори, ни Миллер не предприняли даже попытки дотянуться до своего оружия. В первую минуту Меллори, как и подумал Гроувс, боялся пошевелиться, чтобы не привлечь внимания. Потом, опять-таки одновременно с Гроувсом, пришел к мысли, что охранники больше напрягают слух, чем зрение, и не стоило им в этом мешать. А еще через минуту Меллори пришел к выводу, что вообще ничего не надо предпринимать, так как со своего наблюдательного поста он видел то, что никак не мог видеть Гроувс: очередная громадная черная туча вот-вот готовилась накрыть лунный диск. И мгновение спустя тень наплывающей траурной завесы перекрасила зеленые воды Неретвы в цвет индиго, накрыла стену плотины, поглотила лестницу с прижавшимися к ней людьми и повергла ущелье в

темноту. Гроувс вздохнул с облегчением и опустил "парабеллум". Мария поднялась и продолжила путь к мосту. Петар повел своим невидящим взглядом, как это обычно делают слепые. Меллори и Миллер в тот же момент продолжили свой путь вверх.

Меллори уже покинул лестницу на очередном ее повороте и поставил ногу на один из тех немногочисленных выступов, которые предлагала почти вертикальная скала опытному скалолазу. Почти не за что было держаться, почти что некуда было встать. Если бы Меллори мог пользоваться своим альпинистским снаряжением -- крючьями и молотком, которые были прикреплены у него на поясе, то это восхождение он мог бы считать, исходя из своей практики, средним по трудности. Но о том, чтобы воспользоваться этими столь необходимыми в подобной ситуации предметами, не могло быть и речи. Меллори находился как раз напротив стены плотины и не более чем в тридцати футах от охранников. Незначительный металлический лязг, который мог быть произведен молотком, вряд ли привлек бы слух не очень внимательного человека, но именно в этом пороке -- невнимательности -- никак нельзя было обвинить охранников. Таким образом, Меллори пришлось полагаться только на свой природный талант и многолетний альпинистский опыт, что он и делал, истекая потом под своим водолазным костюмом. В это самое время Миллер, сорока футах ниже, продвигался вверх с таким напряжением, что сразу забыл о недавнем вынужденном отдыхе. Одна мысль а подобном подъеме в другое время довела бы его до истерики.

В это время Андреа тоже продвигался вперед, но ни один самый искушенный наблюдатель не смог бы обнаружить на его смуглом лице и следа напряжения. Так же, как и охранники на верху, плотины, Андреа больше слушал, чем смотрел. С того места, где он находился, он мог видеть только камни и неустанно бурлящие воды Неретвы. Не было слышно ни одного постороннего звука, но это могло означать только одно:

Дрошный, Нойфельд -- Андреа не мог знать, что ранил именно Нойфельда -- и их люди, наученные горьким опытом, продвигались вперед ползком, не покидая одного укрытия, пока не обнаружат другого.

Прошло не больше минуты, и Андреа услышал то, что ожидал услышать, -- негромкий стук задетого кем-то камня. Ярдах в десяти, определил Андреа. Он удовлетворенно кивнул, как бы отвечая самому себе, и приготовил гранату. Две секунды помедлил и, выглянув из-за своего камня, швырнул ее. Послышался взрыв, и при вспышке света стало видно, как двое солдат, перевернувшись в воздухе, отлетели в разные стороны.

Звук взрыва достиг ушей Меллори. Он затих и медленно повернул голову к вершине плотины, которая теперь уже оставалась в двадцати футах под ним. Двое охранников опять насторожились, посмотрели друг на друга, недоуменно пожали плечами и продолжили обход. А Меллори продолжил свое восхождение.

Теперь ему стало немного легче. Стали попадаться такие выступы, за которые можно было не цепляться пальцами, а ухватиться всей рукой или даже поставить ногу. Он даже смог забить один крюк, что, конечно, намного облегчило работу. Когда он в следующий раз остановился и посмотрел вверх, то увидел, что находится не более чем в десяти футах от наклонной расселины, до которой стремился добраться. И, как он и говорил Миллеру, это была именно расселина, не более того. Меллори опять двинулся вперед и снова остановился, подняв голову.

Трудно различимый вначале из-за шума воды и беспорядочной стрельбы, доносящейся со стороны ущелья Зеницы, с каждой минутой все яснее слышался низкий гул, который вряд ли можно было с чем-нибудь спутать тому, кто хоть когда-либо слышал его во время войны: это был звук приближающейся эскадрильи тяжелых бомбардировщиков. Меллори прислушался и удовлетворенно улыбнулся.

Многие улыбнулись в ту ночь, услышав этот звук подходящей с запада эскадрильи "Ланкастеров". Улыбнулся Миллер, все еще прижатый к лестнице и собирающий все свое мужество, чтобы не смотреть вниз. Улыбнулся Гроувс у подножья лестницы и Рейнольдс

у моста. Улыбнулся Андреа на правой стороне Неретвы, поняв, что этот шум будет хорошим прикрытием для других звуков, и снял с пояса следующую гранату. У входа в полевую кухню на обжигающем ветру плато Ивеничи улыбнулись и пожали друг другу руки полковник Вис и капитан Вланович. На южной оконечности Клетки Зеницы генерал Вукалович и трое старших офицеров, полковник Янци, полковник Ласло и майор Стефан, одновременно опустили бинокли, которые они уже много часов подряд направляли на Неретвинский мост и окружающий его тревожный лес, и с улыбкой облегчения посмотрели друг на друга. Но удивительнее всего было то, что шире всех улыбнулся генерал Циммерман, который в это время уже садился в свою машину в лесу к югу от Неретвинского моста.

Меллори продолжил восхождение, уже быстрее и увереннее достиг расселины, поднялся выше, приготовился вбить очередной крюк в подходящую трещину в скале и вынул молоток. Сейчас он находился все еще не более чем в сорока футах над плотиной. А для того, чтобы вбить крюк, пришлось бы нанести несколько мощных ударов. Даже при тех громовых раскатах, которые производили "Ланкастеры", трудно было предположить, что нельзя будет различить металлический лязг молотка о крюк. Тем временем звук работающих двигателей "Ланкастеров" неумолимо приближался.

Меллори посмотрел вниз. Миллер смотрел вверх и, пытаясь, удержаться все на той же злополучной лестнице, делал отчаянные жесты, постукивал по циферблату часов, призывая Меллори обратить внимание на время. Меллори отрицательно покачал головой и махнул свободной рукой, указывая вниз. Миллер в ответ тоже помотал головой.

"Ланкастеры" в это время как раз проходили у них над головами. Ведущий отвернул, пересекая по диагонали плотину; слегка задрал нос, подлетая к горам. И в этот момент земля вздрогнула. Миллиардами черных брызг взорвалась Неретва, и грохот первого взрыва оглушил их. Бомба весом в полтонны взорвалась в ущелье Зеницы. После этого грохот падающих и разрывающихся в ущелье бомб стал непрерывным. В небольших промежутках между взрывами грохотало эхо, перекатывающееся по горам и долинам Боснии.

Меллори больше не приходилось опасаться, что его услышат: он не смог бы услышать звука собственного голоса. Большинство сброшенных бомб покрывало ограниченное пространство не более чем в миле от того места, где Меллори прижимался к скале. Он вбил крюк, укрепил на нем веревку и бросил другой конец Миллеру. Тот немедленно ухватился за нее и полез вверх. Глядя на Миллера, Меллори подумал, что тот похож на святого великомученика. Миллер совсем не умел лазить по горам, но явно успешно справлялся с веревкой. В очень короткий срок он добрался до Меллори, прочно встал ногами на край расселины и ухватился обеими руками за крюк.

-- Ты что, собираешься повеситься на этом крючке?

-- Вешаться не собираюсь, но попробуй меня отсюда сдвинуть.

-- И не подумаю,-- усмехнулся Меллори. Он свернул в кольцо веревку, которую использовал

Миллер для подъема, повесил ее на плечо и продолжил свой путь вверх по расселине.

-- Я поднимусь выше, вобью еще один крюк, привяжу к нему веревку, и ты поднимешься ко мне. Годится?

Миллер бросил взгляд вниз и передернул плечами:

-- Если ты думаешь, что мне нравится здесь, то сильно ошибаешься.

Меллори снова усмехнулся и двинулся вперед.

К югу от Неретвинского моста генерал Циммерман и его адъютант напряженно вслушивались в громовые раскаты, доносящиеся с места воздушного налета. Генерал взглянул на часы.

-- Так,-- произнес он.-- Первый эшелон пойдет на позицию.

В тот же момент вооруженные до зубов пехотинцы, согнувшись почти пополам, чтобы их не было видно из-за парашюта, стали быстро продвигаться по Неретвинскому мосту. Перейдя на другую

сторону, они рассредоточились за мостом вдоль северного берега реки, скрытые от партизан крутым подъемом берега. Однако им только казалось, что они были скрыты. На самом деле партизанские разведчики, вооруженные ночными биноклями и полевыми телефонами, устроились, под смертельной угрозой быть в любую минуту обнаруженными, менее чем в ста ярдах от моста, постоянно посылая сообщения Вукаловичу.

Циммерман посмотрел вверх и сказал адъютанту:

-- Остановите их. Скоро опять покажется луна.-- Он вновь взглянул на часы.-- Через двадцать минут пускайте танки.

-- Они остановили переход через мост? -- спросил Вукалович.

-- Так точно! -- Это был голос первого наблюдателя.-- Я думаю, в связи с тем, что вот-вот должна появиться луна.

-- Я тоже так думаю,-- согласился Вукалович и добавил: -- Вам надо успеть вернуться. Это для вас единственный шанс.

Андреа с таким же интересом вглядывался в ночное небо. Вынужденное отступление поставило его в невыгодное положение: он не был обеспечен прикрытием. "Луна выйдет, и я как на ладони",-- констатировал он, на мгновение призадумался и бросил гранату туда, где были видны самые большие камни, ярдах в двадцати. Не дожидаясь взрыва, стал быстро отползать вверх по реке. Единственным результатом взрыва была бешеная автоматная очередь, выпущенная Дрошным и его людьми в то место, откуда только что сбежал Андреа. Одна из пуль чиркнула по рукаву его куртки, но такое случалось уже не раз. Он успел скрыться за очередным скоплением валунов прежде, чем луна окончательно вышла из своего укрытия и на этот раз ярко высветила людей Дрошного, которые в этот момент пересекали открытое пространство. Пригнувшись у подвесного моста, Рейнольдс вместе с подошедшей Марией слышали взрыв и определили, что Андреа находился уже не более чем в ста ярдах, на другой стороне реки.

Рейнольдс собирался отправиться на помощь Андреа, как только Гроувс пришлет обратно Марию и Петара. Но три причины заставили его временно отменить свое решение. Во-первых, Гроувс не смог отослать обратно Петара. Во-вторых, неумолимо приближающийся звук автоматных очередей говорил о том, что Андреа постепенно и равномерно отступает и находится в данный момент в выгодной боевой позиции. И, наконец, в-третьих, Рейнольдс понимал, что если Дрошный и схватит Андреа, то он, заняв оборонительную позицию за камнем, сможет некоторое время задерживать Дрошного и его людей и не пускать их на мост.

И все же, бросив еще один взгляд на полную луну и осыпанное звездами небо, он снова изменил решение. Холодный расчет уступил место характеру, а характер Рейнольдса не позволял, чтобы кто-нибудь один служил подсадной уткой и отдувался за всех. И еще его мучила мысль, что Дрошный использует лунное освещение для последней атаки на Андреа. Он тронул Марию за плечо.

-- Даже все полковники Ставросы, взятые вместе, иногда нуждаются в дружеской поддержке. Оставайтесь здесь. Мы скоро вернемся.-- Он повернулся и побежал по подвесному мосту.

"Проклятье!" -- выругался про себя Меллори. Проклятье, проклятье, проклятье! Хоть бы еще одно облако! Почему они не выбрали для операции безлунную ночь? Но ругайся, не ругайся -- другого выхода не было. Какую выбрали, такую выбрали. Другой не было и не могло быть. И все равно: проклятая луна! Меллори посмотрел на север, откуда ветер гнал одно несчастное облако, за которым простиралось чистое звездное небо. Очень скоро и плотина, и все ущелье будут полностью освещены. Меллори подумал, что на этот период он мог бы себе придумать и более удачное положение.

К этому времени он прошел уже половину расстояния, на которое простиралась расселина. Меллори посмотрел налево и определил, что ему предстояло пройти еще около тридцати или сорока футов, чтобы пересечь плотину и оказаться над водохранилищем. Он взглянул вправо и не удивился, обнаружив, что Миллер стоял все там же, где он его оставил, вцепившись обеими руками в спасительный крюк. Он сжимал его так, как будто

это был самый драгоценный друг, каким он, впрочем, для него и являлся в тот момент. И, наконец, посмотрел вниз. Он находился в пятидесяти футах над уровнем плотины, как раз над крышей сторожевой будки. Опять взглянул на небо: еще минута, не больше, и небо снова полностью очистится. Что он днем сказал Рейнольдсу? Вспомнил! Да, теперь ясно, что лучше бы он этого не говорил. Он был новозеландец, но всего лишь второго поколения. Все его более древние предки были шотландцами, а хорошо известно, как у шотландцев развито шестое чувство и дар ясновидения. Он отбросил все дурные предчувствия и двинулся вперед.

Гроувсу, стоящему у подножья лестницы, Меллори был уже виден только смутно, и то в основном за счет воображения. Он понимал, что как только Меллори совсем скроется из виду, ему будет очень трудно прикрыть его огнем. Гроувс потянул Петара за рукав, пытаясь показать ему, чтобы тот сел у подножья лестницы. Петар вначале смотрел на него невидящим и непонимающим взором, но вдруг как будто понял, что от него хотят, и послушно сел. Гроувс положил свой "парабеллум" с глушителем в карман и полез вверх.

В миле к западу "Ланкастеры" продолжали бомбить ущелье Зеницы. Бомбы ложились с необычайной аккуратностью, попадая в одну и ту же цель. Взрываясь, они поднимали в воздух вывороченные с корнем деревья, тучи земли и камней, вызывая то тут, то там вспышки пожаров, быстро испепеляющих немецкие фанерные танки. В семи милях к югу Циммерман все с тем же интересом и удовольствием прислушивался к звукам бомбежки, не прекращающейся на севере. Он повернулся к адъютанту, сидящему рядом в командирской машине.

-- Я думаю, мы можем поставить королевским ВВС отличную отметку. Надеюсь, наших людей нет в районе бомбежки?

-- Ни одного немецкого солдата в районе ущелья Зеницы, герр генерал.

-- Прекрасно, прекрасно.-- Генерал уже, повидимому, забыл о своих дурных предчувствиях.-- Так, пятнадцать минут. Луна скоро появится, так что попридержите пехоту. Следующая часть пойдет с танками.

Рейнольдс, пробираясь вниз по правому берегу Неретвы, ориентируясь на звук стрельбы, теперь уже

совсем отчетливой, внезапно застыл. Все люди реагируют одинаково, когда ощущают направленное им в затылок дуло. Очень осторожно, чтобы, не дай Бог, не потревожить чей-то палец, лежащий на спусковом крючке, Рейнольдс повел глазами вправо. С огромным облегчением он обнаружил, что с этой стороны ему не приходится ждать опасности.

-- Вам был дан приказ,-- прозвучал голос Андреа.-- Что же вы здесь делаете?

-- Я... я решил, что вам все же понадобится помощь.-- Рейнольдс потер шею.-- Простите, я был не прав.

-- Пошли. Пора возвращаться и переходить мост.-- Андреа швырнул еще пару гранат и побежал вверх вдоль реки. Рейнольдс не отставал от него.

Наконец, луна пробилась сквозь тучу. Во второй раз за эту ночь Меллори пришлось затаить дыхание и прижаться к скале. Обе ноги его упирались в уступ, образованный расселиной, руками он обхватил крюк, который успел до появления ночного светила вбить в скалу и даже привязать к нему веревку. Менее чем в пяти ярдах от него Миллер, уцепившись за другой конец веревки, успел преодолеть какое-то расстояние вверх, а теперь тоже вынужден был вжаться всем телом в скалу и застыть в вынужденной неподвижности. Оба скалолаза смотрели вниз на плотину.

Они разглядели шестерых охранников. Двое стояли на дальнем западном конце, двое -- в середине, а оставшаяся пара находилась непосредственно под альпинистами. Ни Меллори, ни Миллер не имели никакого представления, сколько еще охранников могло быть на плотине в сторожевом помещении. Зато они прекрасно понимали, что положение их отчаянное, так как они представляли собой прекрасную мишень.

Пройдя три четверти пути по лестнице, Гроувс тоже застыл.

С того места, где он находился, ему отчетливо были видны Меллори, Миллер и двое охранников. Он вдруг ясно понял, что на этот раз вряд ли удача улыбнется им. Меллори, Миллер, Петар или он сам -- кто из них погибнет первым? Уцепившись за лестницу, он с горечью подумал, что, наверно, будет первой жертвой. Медленно и очень осторожно он ухватился левой рукой покрепче за лестницу, правой достал свой "парабеллум" и укрепил его на сгибе локтя левой.

Двое охранников на восточном конце плотины испытывали неопределенное чувство страха. Как и прежде, они снова перегнулись через парапет и стали вглядываться вниз, в долину.

"Они должны меня увидеть, они не могут не видеть меня, господа, я же как раз у них перед глазами", -- думал Гроувс. Он неминуемо должен быть обнаружен.

Должен быть, но не был. Волею судьбы один из охранников поднял глаза вверх, посмотрел левее, и рот его сам собой раскрылся от изумления. Двое в черных костюмах прилипли к скале, как тараканы. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя и дернуть за рукав товарища. Тот посмотрел в ту сторону, куда ему указывали, и челюсть его тут же отвисла, как в комической пантомиме. Но застыли они ненадолго. В мгновение ока один из них поднял "шмайссер", другой вытащил пистолет, и оба прицелились в беззащитных альпинистов.

Гроувс еще поудобней пристроил свой "парабеллум", тщательно и не спеша прицелился, нажал спусковой крючок. Один из охранников, со "шмайссером" в руках, выронил автомат, резко выпрямился и стал медленно оседать, переваливаясь через ограждение. Второму потребовалось не очень много времени, чтобы оправиться от очередного изумления и понять, что происходит. Но нужный момент, хоть и короткий, он упустил. Тело его товарища, которое он не успел удержать, полетело вниз в бушующие воды и пропало в темной глубине ущелья.

Оставшись один, охранник перегнулся через парапет и с ужасом следил за падением товарища. Было абсолютно ясно, почему он находился в таком недоумении, -- выстрела он не слышал. И все же очень скоро он осознал происходящее, так как следующая пуля, отколов кусочек бетона от парапета, просвистела у его уха и улетела в ночное небо. На этот раз изумление не помешало солдату действовать молниеносно. Надеясь скорее на Бога, чем на свою меткость, он сделал два выстрела и скрипнул зубами от удовольствия. Сразу же в ответ на свой выстрел он услышал крик и увидел, как Гроувс вскинул руку, все еще сжимающую пистолет, и схватился за левое плечо. Лицо Гроувса перекосило от боли, глаза заволокло пеленой, но он был сержантом морской пехоты, и рана не помешала ему снова прицелиться. "Что-то у меня со зрением", -- подумал Гроувс. Ему казалось сквозь пелену на глазах, что охранник сжимает свой пистолет двумя руками, чтобы лучше прицелиться, но он не был в этом уверен. Он успел дважды нажать спусковой крючок своего "парабеллума". Внезапно боль куда-то пропала, и ему вдруг очень захотелось спать.

Охранник наверху согнулся. Он пытался ухватиться за парапет, чтобы сохранить равновесие, но почувствовал, что не в силах больше контролировать движение своих рук и ног. Ноги поскользнулись на краю парапета, и последние силы оставили человека, оба легких которого пробили две пули, выпущенные Гроувсом. Какое-то мгновение его пальцы еще сжимали край парапета, но затем разжались.

Гроувс был без сознания. Весь левый рукав его мундира пропитался кровью, которая непрерывно лилась из рваной раны на плече. Если бы его правая рука не оказалась зажатой между лестницей и скалой, он неминуемо упал бы вниз. Пальцы правой руки медленно разжались, и "парабеллум" выпал.

Сидя у подножья лестницы, Петар слышал, как пистолет стукнулся о камень не более чем в футе от него. Он инстинктивно вскинул голову вверх, поднялся, проверил рукой, на месте ли гитара, и стал взбираться по лестнице.

Меллори и Миллер видели сверху, как слепой певец полез вверх к потерявшему сознание Гроувсу. В тот же момент, как будто следуя какому-то телепатическому сигналу, Меллори

посмотрел вниз на Миллера, который сразу же поймал его взгляд. Лицо Миллера было напряжено до предела и казалось изможденным. Он освободил одну руку от веревки, которую сжимал изо всех сил, и почти с отчаянием показал Меллори на раненого сержанта. Меллори покачал головой.

Миллер хрипло произнес:

-- Первая потеря.

-- Первая.

Оба снова посмотрели вниз. Петар находился уже не более чем в пяти метрах от Гроувса. Ни Меллори, ни Миллер не видели, в каком состоянии находился в этот момент Гроувс. Глаза его были закрыты, а правая рука начала понемногу сползать, хоть и оставалась по-прежнему между лестницей и скалой. Постепенно рука его сползала все ниже и ниже, вот уже высвободился локоть, вот уже рука совсем свободна, и тело Гроувса стало неотвратно отделяться от лестницы. Но именно в это время подоспел Петар. Он стоял как раз под Гроувсом, успев его подхватить и снова прижать к лестнице. Петар поймал его и какое-то время мог удерживать. Но это было все, что он мог сделать.

Луна тем временем, наконец, скрылась за долгожданным облаком.

Миллер преодолел последние пять ярдов, которые отделяли его от Меллори. Он произнес:

-- Они оба погибли, ты понимаешь это?

-- Понимаю.-- Голос Меллори звучал еще более устало, чем капитан выглядел.-- Пошли. Еще какихнибудь тридцать футов, и мы будем на месте.

Оставив Миллера, Меллори продолжил свой путь вверх по расселине. Меллори двигался теперь очень быстро, постоянно рискуя, чего никогда не позволил бы себе опытный скалолаз, но у него не было другого выхода. Время, время и еще раз время. Минута ему потребовалась, чтобы подойти к тому месту, которое наметил заранее. Он вбил еще один крюк и снова привязал веревку. Затем подал сигнал Миллеру, чтобы тот догонял его. Пока Миллер преодолевал последний отрезок пути, Меллори снял с плеча еще одну веревку длиной в шестьдесят футов, связанную узлом через каждые пятнадцать дюймов, и привязал ее к тому же крюку. Другой конец свободно бросил вниз. В это время подошел Миллер, и Меллори, тронув его за плечо, указал вниз.

Темные воды Неретвинского водохранилища были как раз под ними.

ГЛАВА 12. СУББОТА. 01.35--02.00

Андреа и Рейнольдс лежали, скрючившись, за валунами на западном конце старого подвесного моста. Андреа бросил взгляд через мост на то место, где над ним навис огромный камень, а выше поднималась почти отвесная скала. Он потер шершавый подбородок, покачал в раздумье головой и повернулся к Рейнольдсу.

-- Пойдете первым. Я прикрою огнем. Когда переберетесь на другую сторону, прикроете меня. Не останавливаться и не оглядываться. Вперед.

Рейнольдс, согнувшись, побежал к мосту. Собственные шаги казались ему слишком громкими, когда он ступил на неустойчивую поверхность моста. Он ухватился руками за веревочные поручни и стал перебираться, стараясь, по приказу Андреа, не смотреть по сторонам и не оглядываться. На спине между лопаток он постоянно ощущал неприятный холодок. К своему собственному удивлению, он перешел мост, не услышав ни единого выстрела, и сразу поспешил к большому валуну неподалеку от моста, чтобы использовать его как укрытие. К еще большему удивлению, за этим камнем он обнаружил Марию. Но удивляться было некогда, и он сразу взял наизготовку свой "шмайссер".

На противоположном берегу Андреа не было видно. На

короткое мгновение Рейнольдс пришел в ярость, решив, что Андреа использовал этот трюк, чтобы избавиться от него, но тут же вздохнул с облегчением, услышав два взрыва чуть ниже, на дальнем берегу реки. Он сразу вспомнил, что у Андреа оставались неиспользованными две гранаты, а Андреа, подумал Рейнольдс, не тот человек, который оставит гранаты болтаться без дела. Кроме того, понял Рейнольдс, эти взрывы дадут Андреа дополнительное время для броска через мост. Так оно и вышло. Андреа появился почти мгновенно, успешно перейдя мост. Рейнольдс тихо позвал его, и Андреа присоединился к ним в укрытии.

-- Что дальше? -- так же тихо спросил Рейнольдс.

-- Всему свое время.-- Он, не торопясь, достал из водонепроницаемой коробки сигару, из другой коробки -- спички, чиркнул, поднес огонек к сигаре и с удовольствием затянулся. Рейнольдс заметил, что он прикрывал горящий конец сигары сложенной ковшиком ладонью.

-- А теперь я скажу вам, что будет дальше. Нас должна поджидать небольшая компания. Они здорово рисковали, пытаясь поймать меня. К их чести, надо сказать, что они отчаянные ребята. У других не хватило бы терпения. Вы с Марией пройдете пятьдесят-шестьдесят ярдов в сторону к плотине и укроетесь там. Держите на прицеле дальний конец моста.

-- А вы останетесь здесь? -- спросил Рейнольдс. Андреа выпустил очередное огромное облако вонючего дыма:

-- Только на минутку.

-- Тогда я тоже остаюсь.

-- Если вы хотите распрощаться с жизнью -- это ваше личное дело. Но если этой юной леди прострелят голову, она уже больше не будет так привлекательна.

-- Что вы имеете в виду, черт возьми? -- вспыхнул Рейнольдс.

-- Я имею в виду нечто очень определенное. Этот валун служит вам прекрасным укрытием со стороны моста. А если Дрошный со своими людьми пройдут еще тридцать -- сорок ярдов вверх по реке? Где тогда вы укроетесь?

-- Я об этом не подумал, -- согласился Рейнольдс.

-- Придет день, когда выяснится, что вы слишком часто повторяете эту фразу. Но тогда уже поздно будет о чем-либо думать, -- проворчал Андреа.

Минуту спустя они были на месте. Рейнольдс спрятался за огромным валуном. Этот камень надежно укрывал их со стороны моста и берега, но при этом они были видны со стороны плотины. Рейнольдс посмотрел налево, туда, где скрывалась Мария. Она улыбнулась ему, и он подумал, что никогда не видел более храброй девушки. Он слегка высунул голову и посмотрел в сторону ущелья. Со стороны западной оконечности моста не было ни души. Единственные признаки жизни проявлялись за камнем у дальнего конца моста, где Андреа усердно откапывал землю и гальку у основания камня.

Внешнее спокойствие, как всегда, обманчиво. Рейнольдсу казалось, что на западной оконечности моста никого нет, но это было совсем не так. Жизнь там была ключом, хотя и совершенно бесшумно. Ярдах в десяти от моста, за грудой камней, прятались Дрошный, сержант-четник, дюжина немецких солдат и четников.

Дрошный смотрел в бинокль. Сначала он изучал местность у дальнего конца подвесного моста, затем левее, где прятались за валуном Рейнольдс с Марией, и, наконец, перевел взгляд на плотину. Он внимательно вгляделся в зигзагообразную линию подвесной лестницы. Не было никаких сомнений: не доходя четверти расстояния до вершины плотины, к лестнице прижимались двое.

-- Господи всемогущий! -- Дрошный снова опустил бинокль, и лицо его исказил ужас. Он повернулся к сержанту-четнику:

-- Как ты думаешь, что они собираются делать?

-- Плотина! -- мысль поразила его при взгляде на перекошенное от страха лицо Дрошного. Мысль пронзила мгновенно и неотвратимо.-- Они собираются взорвать плотину!

Никому даже в голову не пришло подумать, каким образом Меллори и его друзья собираются взрывать плотину. Как это не

раз уже случалось с другими, Дрошный и его люди стали свыкаться с мыслью, что Меллори и его спецкоманда обладают сверхъестественными способностями совершать невозможное.

-- Генерал Циммерман! -- захрипел не своим голосом Дрошный.-- Его надо предупредить! Если плотина взорвется, когда по мосту пойдут танки и пехота...

-- Предупредить его? Побойтесь Бога! Каким образом мы можем его предупредить?

-- На плотине есть радиопередатчик. Сержант с глубочайшим недоумением уставился на Дрошного:

-- С таким же успехом он мог быть на луне. Они оставили прикрытие. Это несомненно. Они должны были обеспечить тыл. И тот из нас, кто рискнет перейти этот мост, будет убит.

-- Вы думаете? -- Дрошный бросил угрюмый взгляд на плотину.-- А что с нами произойдет, если эта штука взлетит на воздух?

Медленно, беззвучно и почти невидимо Меллори и Миллер плыли по темным водам Неретвинского водохранилища на север, прочь от плотины. Внезапно Миллер, который был слегка впереди, тихо вскрикнул и остановился.

-- Что случилось? -- спросил Меллори.

-- Вот что.-- Миллер с усилием вытянул из воды кусок проволочного кабеля,-- Никто не подумал об этой маленькой штучке.

-- Никто,-- согласился Меллори. Он нырнул.-- А здесь еще и стальная паутина внизу,-- проговорил он, вынырнув.

-- Противоторпедная сеть?

-- Именно.

-- Зачем? -- Миллер показал на север, где на расстоянии не более двухсот ярдов водохранилище делало крутой поворот между скал.-- Ни один бомбардировщик не может здесь маневрировать, чтобы сбросить торпеды.

-- Жаль, что немцы до этого не додумались. Это очень усложняет работу.-- Он посмотрел на часы.-- Поспешим. Мы уже опаздываем.

Они освободились от проволоки и поплыли быстрее. Через несколько минут, после того как завернули за угол водохранилища и потеряли из виду плотину, Меллори тронул Миллера за плечо. Оба повернулись и посмотрели туда, откуда только что приплыли. К югу, не более чем в двух милях, черное звездное небо внезапно вспыхнуло разноцветным букетом сигнальных огней: красных, желтых, зеленых. Вспыхнув, они медленно тонули в водах Неретвы.

-- Ну что ж, очень красиво,-- оценил Миллер.-- Только кому это все нужно?

-- Это нужно нам. По двум причинам. Тем, кто будет смотреть на эту красоту, а будут смотреть все, понадобится потом не менее десяти минут, чтобы снова привыкнуть к темноте. Таким образом, все, что будет происходить здесь в это время, вряд ли будет видно. Это во-первых. А, во-вторых, пока они будут смотреть вверх, они не смогут смотреть вниз.

-- Очень логично,-- одобрил Миллер.-- Наш друг, капитан Дженсен, не из простаков.

-- Отнюдь. Он из тех, про кого говорят: семь раз отмерит, один -- отрежет.-- Меллори снова повернул голову на восток и прислушался.-- Можешь полюбоваться. Все как вымерло. А его я уже слышу.

На высоте не более пятисот футов над водой, на бреющем полете, шел с востока "Ланкастер". Не долетев ярдов двухсот до того места, где находились Меллори и Миллер, самолет вдруг выбросил черный шелковый парашют и тут же, взревев двигателями, задрал нос и резко пошел вверх, чтобы не задеть скалы на дальнем конце ущелья.

Миллер посмотрел на медленно снижающийся парашют, затем повернул голову к сверкающим разноцветным огням и провозгласил философским тоном:

-- Небо сегодня полно всякой всячины.

Затем они с Меллори поплыли в сторону снижающегося парашюта.

Петар терял силы. Уже долгое время он держал неподвижное

тело Гроувса, прижавшись к железной лестнице, его руки дрожали и ныли от напряжения. Зубы были сжаты, а лицо, опущенное и залитое потом, дергалось, и кривилось. Проще говоря, долго он продержаться не мог.

В ярком свете сигнальных ракет Рейнольдс, находившийся с Марией все в том же укрытии, вдруг увидел Петара и Гроувса. Он повернулся к Марии. Одного взгляда на ее напряженное лицо было достаточно, чтобы понять: она тоже их увидела.

Рейнольдс хрипло произнес:

-- Оставайтесь здесь. Я должен помочь им.

-- Нет! -- она схватила его за руку, пытаясь вложить в этот жест всю свою волю и отчаяние. Взгляд ее снова, как и в первый раз, когда Рейнольдс увидел ее, походил на взгляд загнанного зверя. -- Пожалуйста, сержант, не надо! Вы должны оставаться здесь!

Рейнольдс пытался возразить:

-- Ваш брат...

-- Сейчас есть нечто более важное.

-- Только не для вас. -- Он попытался встать, но Мария вцепилась в него с такой силой, что он не мог освободиться, не причинив ей боли. Рейнольдс произнес почти нежно: -- Пустите меня, девочка, я должен идти.

-- Нет! Если Дрошный и его люди появятся... -- Она замолчала, так как в этот момент последний всплеск разноцветных огней осветил черное ночное небо и тут же погас, погрузив ущелье в полную тьму. Мария снова повторила, уже мягче: -- Ведь вы останетесь, правда?

-- Теперь я должен остаться. -- Рейнольдс приподнялся из-за валуна и поднес к глазам ночной бинокль. Подвесной мост и дальний берег были безжизненны. Он посмотрел в сторону ложины и различил Андреа, который как раз закончил свои землекопные работы и отдыхал. Ощущая какое-то непрерывное беспокойство, Рейнольдс перевел взгляд в сторону моста. Внезапно он насторожился, вытер линзы бинокля, протер глаза и снова поднял бинокль.

Его глаза, потерявшие на некоторое время остроту зрения из-за ярких вспышек ракет, теперь пришли в норму, и не могло быть никакого сомнения в том, что он увидел. Семь -- восемь человек во главе с Дрошным по-пластунски ползли по деревянным перекладинам подвесного моста.

Рейнольдс выпрямился и, насколько мог далеко, швырнул гранату в сторону моста. Она взорвалась не ближе сорока ярдов от цели. Граната наделала много шума, подняла кучу гравия, но не смогла причинить ни малейшего вреда ползущим. Зато она дала сигнал Андреа, а за ним уже дело не стало. Андреа уперся обеими ногами в огромный камень, спиной уперся в скалу и сделал первое усилие. Камень только слегка качнулся. Андреа подождал, пока громадина вернется на место, и повторил операцию. Камень качнулся чуть больше, Андреа опять расслабился, потом толкнул в третий раз.

Внизу, на мосту, Дрошный со своими людьми, не понимая, конечно, причины взрыва, застыли на месте. Двигались только их глаза, пытаясь отыскать источник опасности и не подозревая, где она на самом деле.

С каждым новым толчком камень все дальше и дальше выползал из своего ложа. Андреа же все ниже и ниже сползал спиной по своей скалистой опоре. Теперь он уже почти лежал на земле. Андреа тяжело дышал, пот струился по лицу. Когда камень откатывался назад, казалось, что он вот-вот раздавит Андреа. Он глубоко вздохнул и последним мощным, резким движением распрямил ноги и спину. Какое-то мгновение камень качался, как будто раздумывая, не вернуться ли назад, и тяжело покатился вниз.

Дрошный ничего не слышал и уж наверняка в такой темноте ничего не мог видеть. Только инстинктивное предчувствие смертельной опасности заставило его посмотреть вверх. Волосы Дрошного встали дыбом от ужаса, когда он увидел катящийся сверху огромный камень. А камень тем временем уже не катился, а подпрыгивал, продолжая свое неумолимое смертоносное движение. За собой он увлекал поток более мелких камней и гальки. Дрошный

предупреждающе вскрикнул. Все вскочили, но большинству из них было уже просто некуда деваться.

Совершив последний большой прыжок, камень достиг моста и переломил его пополам. Двое солдат, которые стояли на пути камня, погибли сразу. Пятерых отбросило в реку, и они помчались вперед, увлекаемые неумолимым водоворотом, навстречу своей смерти. Половинки моста продолжали держаться на веревочных поручнях, которые провисали посередине до самой воды.

Не менее дюжины черных парашютов, прикрепленных к трем цилиндрическим предметам, плавали, наполовину затонув, в черной, под стать им, воде Неретвы. Меллори и Миллер обрезали веревки парашютов и соединили цилиндры в одну линию проволокой, специально имевшейся для этой цели. Меллори обследовал первый цилиндр и осторожно повернул расположенный наверху рычаг. Сжатый воздух взбурлил воду позади. Цилиндр сдвинулся с места и медленно поплыл вперед, увлекая за собой остальные два. Меллори повернул рычаг в прежнее положение и обратился к Миллеру:

-- Эти рычаги на правой стороне корпуса контролируют выпускные клапаны. Приоткрой немного один так, чтобы только проверить работу, не более того. Я сделаю то же самое на этом.

Миллер осторожно приоткрыл клапан и почувствовал движение цилиндра.

-- Зачем это?

-- А тебе хотелось бы самому тянуть на буксире до стены плотины полторы тонны аматола? Реактивный движок своего рода. Похоже на ходовую секцию двадцатидюймовой торпеды. Воздух под давлением в триста атмосфер, дальше клапан должен работать как надо.

-- Пусть работает, как хочет, лишь бы мне не тащить, -- Миллер закрыл клапан. -- Так?

-- Так. -- Теперь, когда все было готово, Меллори снова открыл рычаг ведущего цилиндра. Послышался булькающий звук, вода вокруг цилиндров пошла пузырями, и все три цилиндра с двумя сопровождающими отправились в путь к плотине.

После того как камень разбил мост, погибло семеро, но двое остались в живых. Дрошный и сержант-четник, оба в ушибах и синяках, прижались к сломанному концу моста. Сначала они могли только едва держаться за остатки моста, наполовину погрузившись в ревущий поток. Но, постепенно приходя в себя после отчаянной борьбы, они смогли обхватить переломанные бревна ногами и руками и так висели, переводя дух. Дрошный подал сигнал кому-то, находившемуся на берегу, затем показал направление, откуда свалился камень.

Спрятавшиеся за камнями трое четников, те трое, которые, на свое счастье, не успели ступить на мост, поняли сигнал. В семидесяти футах выше того места, где, вцепившись руками и ногами в остатки моста, находился в подвешенном состоянии Дрошный, скрытый высоким берегом, Андреа, лишенный своего последнего укрытия, пытался перебраться повыше. На другом берегу реки один из трех четников тщательно прицелился и выстрелил.

К счастью для Андреа, выстрелы, направленные вверх в такой темноте, редко достигают цели. Пули просвистели в опасной близости к левому плечу Андреа и, отскочив рикошетом от поверхности скалы, только чудом не задели его. "В следующий раз они не промахнутся", -- подумал Андреа. Он отскочил в сторону, потерял равновесие и, как ни пытался его вернуть, это сделать не удалось, и он покатился вниз, увлекая за собой целый поток камней. Град пуль сыпался вокруг него. Четники, полностью убежденные в том, что Андреа остался один и больше бояться некого, поднялись в полный рост и палили из автоматов очередь за очередью.

И опять Андреа сопутствовала удача. Рейнольдс и Мария выбежали из-за своего укрытия и помчались по берегу, стреляя на ходу в четников. Те, в свою очередь, сразу забыв об Андреа, повернулись в сторону новой опасности. Тем временем Андреа безуспешно пытался остановить свое падение. Но ему это не удавалось, и он продолжал катиться вниз в центре маленькой лавины, пока не ударился всем телом и головой о большой камень,

потеряв сознание.

Рейнольдс сильным рывком вспрыгнул на лежащий у берега камень, стараясь не замечать пуль, свистевших над головой, тщательно прицелился и выпустил длинную очередь, очень длинную, пока магазин "шмайссера" не опустел. Все три четника простились с жизнью.

Рейнольдс выпрямился и с удивлением обнаружил, что дрожат руки. Он посмотрел на Андреа, который лежал без сознания в опасной близости к воде, и сделал к нему несколько шагов. Вдруг совсем рядом услышал стон. Рейнольдс бросился на этот звук.

Мария полусидела-полулежала на каменистом берегу. Обеими руками она обхватила ногу чуть выше колена, и кровь струилась у нее по пальцам. Лицо, обычно слегка бледное, теперь покрылось смертельной белизной и было искажено страхом и болью. Рейнольдс беззвучно выругался, выхватил нож и стал разрезать ткань вокруг раны. При этом он старался ободряюще улыбаться. Мария закусилла нижнюю губу и смотрела на Рейнольдса глазами, полными боли и слез. Рана была страшная на вид, но Рейнольдс сразу понял, что не опасная. Он вытащил свою походную аптечку, готовясь перевязать рану, и снова взглянул на Марию, но она полными ужаса глазами смотрела мимо него.

Рейнольдс мгновенно обернулся. Дрошный выбрался на берег, поднялся на ноги и теперь склонился над распростертым телом Андреа, намереваясь столкнуть его в реку.

Мгновенно схватив свой "шмайссер", Рейнольдс нажал на спусковой крючок: выстрела не последовало. Он забыл, что истратил все патроны на четников* Тогда поискал глазами оружие Марии, но так и не нашел. Больше ждать он не мог -- Дрошный был совсем рядом с Андреа. Рейнольдс выхватил нож и бросился к Дрошному. Тот видел его и знал, что Рейнольдс вооружен только ножом. Он обнажил зубы в своей волчьей ухмылке и вытащил один из своих кривых ножей, висящих на поясе.

Двое мужчин приблизились друг к другу и стали ходить кругами. Рейнольдсу никогда в жизни еще не приходилось применять нож, и он не испытывал иллюзий по поводу исхода предстоящего поединка. Ведь, по словам Нойфельда, Дрошному нет равных на Балканах в искусстве владения ножом. И в этом нет оснований сомневаться, подумал Рейнольдс. Во рту у него пересохло.

В тридцати ярдах от них Мария, ослабевшая от боли и потери крови, поползла к тому месту, где, как ей казалось, уронила автомат, когда была ранена. Через несколько секунд, которые показались ей вечностью, она нашла его среди камней. Слабыми руками подняла приклад к плечу, но сразу же опустила.

В том положении, в котором она находилась, вряд ли удастся попасть в Дрошного, не задев Рейнольдса. Могло случиться и так, что она убьет Рейнольдса, даже не ранив Дрошного. Оба они теперь стояли грудь в грудь, схватив левой рукой правую руку соперника, держащую нож.

Темные глаза девушки, которые только что были полны страха и боли, теперь выражали только отчаяние. Так же, как и Рейнольдс, она знала о репутации Дрошного, но, в отличие от Рейнольдса, ей приходилось видеть, как этот человек орудует ножом. "Волк и ягненок, -- подумалось ей, -- волк и ягненок. После того, как он убьет Рейнольдса, я убью его". Мысли ее путались. Сначала должен умереть Рейнольдс, и помощи ему ждать неоткуда. Но внезапно отчаяние сменилось надеждой и инстинктивной уверенностью, что любой человек рядом с Андреа может рассчитывать на успех в самой безнадежной ситуации.

Нельзя сказать, что Андреа уже был рядом. Он с трудом поднялся на четвереньки и смотрел непонимающим взглядом вниз на беснующуюся воду, покачивая из стороны в сторону головой, видимо, пытаясь таким образом привести ее в порядок. Но вот он, все еще покачивая головой, поднялся на ноги. Вот он уже встал во весь рост. Вот он уже перестал качать головой. Превозмогая боль, Мария улыбнулась.

Медленно, но как будто не испытывая сопротивления, гигант-четник отвел руку Рейнольдса, сжимающую нож, а свой приставил к его горлу. Лицо Рейнольдса, блестящее от пота,

покрыла тень неизбежной смерти. Он вскрикнул от боли, когда Дрошный вывернул ему руку, чуть не сломав ее, и выронил нож. Одновременно Дрошный заставил его опуститься на колени и нанес левой рукой удар, от которого Рейнольдс распластался на камнях, лоя раскрытым ртом воздух.

Дрошный в этот момент был похож на сытого волка. Хотя он и понимал, что время не терпит, но не мог не доставить себе удовольствия и не полюбоваться делом рук своих. Такого рода зрелища всегда переполняли его радостью. Наконец, он перехватил поудобнее нож и поднял руку. Улыбка широко расплылась на его лице и вдруг завяла, когда он почувствовал, как его собственный нож выпадает из рук. Он обернулся. Лицо Андреа было как будто высечено из камня.

Дрошный снова расплылся в улыбке.

-- Боги благосклонны ко мне, -- он говорил медленно и тихо. Почти шептал. -- Я мечтал об этом мгновении. Даже лучше, если ты умрешь такой смертью. Это послужит тебе хорошим уроком, приятель...

Он прервал себя на полуслове и, сорвав с пояса другой нож, бросился к Андреа мягкими быстрыми кошачьими шагами. Но улыбке вновь суждено было растаять на его лице, когда стальной обруч левой кисти Андреа стиснул его правую руку.

Так же, как и в первый раз, сцена повторилась: правая рука, сжимавшая нож, -- в левой руке противника. Только одно из действующих лиц поменялось. Оба соперника стояли совершенно неподвижно. Лицо Андреа было лишено всякого выражения, лицо Дрошного застыло в оскале. Теперь уже ему ни к чему было устрашать противника, потому на лице была только злобная ярость и ненависть. На этот раз у Дрошного был достойный соперник.

Мария, забыв про боль в ноге, и Рейнольдс, приходя понемногу в себя, затаили дыхание и следили, как левая рука Андреа, делая едва заметные движения, все крепче сжимала правую руку противника. Пальцы Дрошного постепенно ослабевали, наконец, разжались, и нож упал на камни. Его лицо потемнело от невероятного напряжения, на лбу и шее вздулись вены. Вдруг Андреа резким движением освободил свою правую руку, занес ее над головой и так же резко опустил. Нож быстро и послушно прошил грудную клетку Дрошного. Некоторое время гигантчетник стоял прямо с бессмысленной улыбкой. Андреа отпустил его и отошел в сторону, не вынув ножа из тела. Тут же Дрошный стал медленно оседать и, повалившись на каменистый берег, покатился вниз к реке. Сержант-четник, все еще висевший на бревнах рухнувшего моста, с ужасом наблюдал, как непобедимый Дрошный с ножом, торчащим из груди, полетел вниз головой в поток и сразу скрылся из виду.

Рейнольдс с трудом поднялся на ноги и улыбнулся Андреа:

-- Я был не прав по отношению к вам, полковник Ставрос. Простите меня и спасибо вам.

-- Я просто вернул тебе долг, сынок. Я тоже был несправедлив к тебе. -- Он посмотрел на часы: -- Два часа. Уже два часа! Где остальные?

-- О господи, я совсем забыл. Мария ранена. Гроувс и Петар на лестнице. Я не уверен, но, помоему, Гроувс тяжело ранен.

-- Они могут нуждаться в помощи. Быстрее к ним. Я присмотрю за девушкой.

На южной оконечности моста через Неретву генерал Циммерман стоял во весь рост в своей машине и неотрывно следил за секундной стрелкой часов, пока она не дошла до верхней отметки.

-- Два часа, -- произнес Циммерман почти спокойно. Правой рукой он сделал резкий взмах. Прозвучала сирена, и почти одновременно с ней взревели двигатели танков, равномерно застучали сапоги солдат. Первая бронетанковая дивизия генерала Циммермана начала переход через Неретвинский мост.

ГЛАВА 13. СУББОТА. 02.00--02.15

-- Маурер и Шмидт, Маурер и Шмидт! -- дежурный капитан охраны, дико вращая глазами, бежал от сторожевой будки и, добежав, схватил сержанта за рукав.-- Ради всего святого! Где Маурер и Шмидт? Никто не видел их? Никто? Включите прожектора!

Петар, прижатый к лестнице вместе с телом бесчувственного Гроувса, слышал слова, но не понял их смысла. Обхватив Гроувса обеими руками, он самым невыносимым "образом" зажал их между лестницей и скалой. В таком положении, пока руки его не сломаются, он мог снова держать Гроувса. Но лицо Петара, напряженное и покрытое потом, говорило о невыносимых страданиях.

Меллори и Миллер тоже слышали крик, но, как и Петар, не могли понять слов. "Что-нибудь не очень для них благоприятное",-- подумал Меллори. Но его внимание привлекло нечто более существенное. Они как раз достигли противоторпедной сети. Меллори в одной руке держал кабель, а в другой нож, когда Миллер вскрикнул и схватил его за рукав.

-- Бога ради, остановись! -- Меллори посмотрел на него с недоумением.-- Господи, что у меня вместо мозгов? Это не провокация!

-- Это не...

-- Это силовой кабель. Неужели ты не видишь?! Меллори пригляделся:

-- Теперь вижу.

-- Две тысячи вольт, чтоб мне пропасть! -- Миллера трясло.-- Напряжение электрического стула. Мы бы сгорели заживо. Да еще под вой сирены.

-- Перетаскивай поверху,-- скомандовал Меллори. Фыркая и отплевываясь, втискивая стальную тушу в небольшой слой воды между кабелем и ее поверхностью, Меллори и Миллер сумели благополучно провести над ограждением первый цилиндр. Именно в этот момент яркий и широкий луч прожектора возник в ночной темноте и стал обшаривать поверхность воды вблизи плотины.

-- Как раз то, что нужно в данный момент,-- в сердцах Меллори сплонул в воду. Он отвел цилиндр с взрывчаткой, но зацепившийся за кабель соединительный шнур все равно вытаскивал нос торпеды на поверхность.-- Все. Брось его. Ныряй. Держись за сеть.

Оба нырнули. Луч прошел как раз по носу ведущего цилиндра, но, окрашенный в черный цвет, он сливался с черной поверхностью воды. Луч прошел дальше вдоль подножья стены плотины и погас.

Меллори и Миллер осторожно вынырнули и огляделись. Они не заметили никакой опасности. Меллори посмотрел на светящиеся стрелки своих часов:

-- Скорее! Бога ради, скорее! Мы уже вышли из графика на три минуты.

Они спешили. За двадцать секунд провели над кабелем два оставшихся цилиндра, открыли выпускной клапан и еще через двадцать секунд уже плыли вдоль стены плотины. В этот момент луна вырвалась из своего заоблачного плена и посеребрила блестками поверхность воды. Меллори и Миллер теперь были как на ладони. Они это знали, но ничего не могли поделать. Потому продолжали плыть, направляя цилиндры, и делали это очень быстро. Обнаружат их или нет, конечно, существенно, но отворотить неотвратимое они были не в силах.

Миллер глубокомысленно произнес:

-- За двумя зайцами погонишься... Мы опоздали.

-- Нет, еще не совсем. Идея такова: мы должны пропустить на мост танки и разрушить его до того, как пройдут заправщики и пехота.

В это время на вершине плотины сержант охраны выключил прожектор и подошел к капитану:

-- Никого. Все тихо.

-- Очень хорошо,-- капитан кивнул в сторону ущелья.-- Теперь посветите туда. Может быть, что-нибудь обнаружите.

Сержант повиновался и, осветив прожектором ущелье, тут же действительно обнаружил кое-что. Он сразу же увидел прижавшихся к лестнице бесчувственного Гроувса и дошедшего до последней степени изнеможения Петара. Несколькими ступенями ниже стоял

Рейнольдс. Все трое были абсолютно беспомощны и защититься никаким образом не могли. У Рейнольдса даже не было оружия.

Солдат вермахта уже поставил палец на спусковой крючок и направил ствол по ходу луча прожектора, но в это время капитан резким движением опустил дуло его автомата вниз.

-- Идиот! Они нам нужны живые,-- капитан был в ярости.-- Приготовьте веревки. Мы должны их допросить и во что бы то ни стало выяснить, какого черта им здесь надо.

Его слова достигли ушей тех двоих, кто находился в это время в воде, как раз под ними. Они смогли расслышать каждое слово, так как и бомбежка, и винтовочный огонь к этому времени стихли. Тишина наступила так внезапно, что показалась мертвой.

-- Ты слышал? -- прошептал Миллер.

-- Естественно,-- Меллори в это время с надеждой смотрел на небо, где облачко, маленькое, но все же облачко, грозило ненадолго скрыть свет луны.-- Дотащи этих плавающих дур до стены, а я сделаю все остальное.

Он повернулся и поплыл, увлекая за собой один из цилиндров.

Когда луч прожектора вспыхнул со стены плотины, Андреа окончательно понял, что Рейнольдс, Гроувс и Петар спасли Марию и его самого ценой собственных жизней, так как, высветив их лучом, немцы пришли к выводу, что эти трое -- единственная причина всех неприятностей, и больше никого не искали. В это время они как раз вытягивали на веревке Гроувса, а остальные двое продвигались самостоятельно. Все это Андреа видел, перевязывая раненую ногу Марии, но ни слова ей не сказал.

Андреа закрепил повязку и улыбнулся:

-- Так лучше?

-- Значительно,-- улыбнулась в ответ Мария. Спасибо.-- Улыбка ее была вымученная.

-- Прекрасно,-- Андреа посмотрел на часы.-- Нам пора идти. Мне кажется, если мы еще задержимся здесь, то насквозь промокнем.

Он выпрямился, и это спасло ему жизнь: пущенный кем-то нож должен был попасть ему в спину, но вонзился в левое предплечье. Андреа посмотрел на рукоятку и кусок узкого лезвия, торчавшего из его руки, затем медленно, стараясь не причинять себе боли, повернулся. Сержантчетник, последний, кто остался в живых из группы Дрошного, стоял неподалеку ошеломленный. Он не мог понять, как это так получилось, что Андреа не убит. Он не мог понять, почему этот человек, испытывающий, вероятно, сильную боль, не кричит, не корчится, а внимательно на него смотрит. Андреа медленно поднял правую руку, медленно отвел ее назад и резким движением нанес сокрушительный удар ребром ладони сержанту в шею. Смерть пришла к нему еще до того, как его тело коснулось земли. .

Рейнольдс и Петар сидели спиной к спине на вершине плотины у сторожевой будки. Рядом с ними лежал, все еще без чувств, Гроувс. Лицо его было серым и безжизненным. С крыши будки светил прожектор. Охранник направил на них дуло автомата. Рядом стоял капитан вермахта, лицо его выражало крайнее потрясение.

Он говорил по-английски с акцентом, но грамотно, четко:

-- Вы собирались взорвать плотину такой величины несколькими шашками динамита? Вы, должно быть, сумасшедшие!

-- Никто не предупредил нас, что плотина такая большая,-- сердито произнес Рейнольдс.

-- Никто их не предупредил! О, господи, это слова невменяемого. И где же ваш динамит?

-- Сломался деревянный подвесной мост, и мы потеряли динамит и всех остальных своих товарищей.

-- Я не могу в это поверить! Нет, я просто не могу в это поверить! -- Капитан покачал головой и обернулся, чтобы уйти, но Рейнольдс окликнул его.-- Что еще?

-- Мой друг,-- Рейнольдс показал на Гроувса,-- очень плох. Ему нужна медицинская помощь.

-- Позже,-- капитан повернулся к солдату, который находился в открытой радиорубке.-- Какие новости с юга?

-- Они приступили к переходу через Неретвинский мост, герр

капитан.

Эти слова достигли ушей Меллори, который в это время был еще недалеко от Миллера. Он довел свой цилиндр до стены и собирался присоединиться к Миллеру, но в этот момент увидел вспышку света. Он затих и посмотрел вверх и направо.

На вершине стены, у парашюта, стоял охранник и светил фонарем вниз, как раз туда, где они находились. "Мы обнаружены", -- подумал Меллори. Они оба вместе с их малой флотилией должны быть видны как на ладони. Не спеша, придерживаясь за цилиндр, Меллори расстегнул молнию своего водолазного костюма и достал из кармана "парабеллум".

Луч света прошелся вдоль подножья стены и застыл, осветив похожий на торпеду предмет, прикрепленный присоской к стене плотины, и человека в водолажном костюме с револьвером в руке. И этот револьвер -- был виден даже прикрепленный к дулу глушитель -- направлялся прямо на охранника. Тот уже открыл рот, чтобы поднять тревогу, но ни один звук не успел вылететь из его горла. Пробитая пулей голова дернулась, и он навалился на парашют животом, перегнувшись через него и раскинув руки. Фонарь полетел вниз и упал в воду. Всплеск получился довольно звучным. "В той тишине, которая висела теперь над плотиной, его наверняка услышат наверху", -- подумал Меллори. Он подождал секунд двадцать, но реакции не последовало, и Меллори решил больше не ждать. Он посмотрел на Миллера. Миллер смотрел на него. Он, конечно, слышал всплеск и видел пистолет в руках Меллори, но вряд ли понимал, что произошло. Меллори показал ему на тело охранника, висящее на парашюте. Миллер понимающе кивнул. В это время луна скрылась за тучей.

Андреа прижав кровоточащую левую руку, правой помогал Марии идти по камням. Девушка совсем не могла наступить на раненую ногу. Наконец они подошли к подножью железной лестницы. Ступени, зигзагом уходящие вверх, показались им нескончаемыми. С раненой девушкой и бездействующей левой рукой задача, подумал Андреа, почти невыполнимая. И одному Богу известно, когда взлетит на воздух эта стена. Он посмотрел на часы. Если все идет по плану, это должно случиться с минуты на минуту. Андреа молился, чтобы Меллори с его обычной пунктуальностью на этот раз хоть немного выбился из графика. Девушка посмотрела на него и все поняла.

-- Оставьте меня, -- произнесла она. -- Пожалуйста, оставьте меня.

-- Исключено, -- мягко сказал Андреа. -- Мария никогда не простит мне этого.

-- Мария?

-- Другая Мария. -- Андреа взвалил девушку на спину и обвил ее руками свою шею. -- Моя жена. Я думаю, она мне задаст жару. -- Он ухватился здоровой рукой за лестницу и начал карабкаться вверх.

Чтобы непосредственно следить за передвижением своих войск, генерал Циммерман приказал доставить его на мост. Машины остановились прямо на середине, прижавшись к правому краю. Мимо нескончаемой вереницей проходили танки, самоходные орудия и грузовики с орудийными расчетами. Когда последние достигли северной оконечности моста, орудия и танки рассредоточились вдоль берега, подготовленные к началу атаки.

Время от времени Циммерман поднимал бинокль и внимательно изучал небо на западе. Десятки раз ему казалось, что слышен звук приближающейся воздушной армады, и десятки раз он обманывался. Каждый раз генерал ругал себя последними словами, доказывая самому себе безосновательность своих опасений. Он считал, что эти опасения недостойны генерала вермахта. И все же какое-то внутреннее чувство не давало ему покоя. Он снова и снова поднимал бинокль, смотрел в сторону запада. Но ему ни разу не пришлось в голову, что он смотрит в неверном направлении.

Менее чем в полумиле к северу генерал Вукалович опустил свой бинокль и повернулся к полковнику Янци.

-- Все, -- голос генерала звучал невыразимо устало и обреченно. -- Ждем еще пять минут и начинаем контрнаступление.

-- И начинаем контрнаступление, -- в тон ему повторил

Янци.-- За пятнадцать минут, мы потеряем тысячу человек.

-- Мы хотели невозможного. Пришла пора расплачиваться за свои ошибки.

Меллори, волоча за собой длинный шнур, присоединился к Миллеру.

-- Готово?

-- Готово.-- У Миллера тоже был в руке шнур.-- Теперь соединим эти концы с гидростатическим взрывателем и смываемся.

-- В нашем распоряжении будет только три минуты. Ты знаешь, что с нами произойдет, если мы не вылезем из воды в течение трех минут?

-- Лучше не говори об этом,-- взмолился Миллер.

Внезапно он весь напрягся и взглянул на Меллори. Меллори тоже услышал наверху топот бегущих людей и кивнул Миллеру. Оба нырнули.

Капитан охраны, в соответствии с воспитанными в нем понятиями чести солдатского мундира и нормы поведения командира, конечно, не бежал, но очень быстро шел вдоль стены плотины, когда увидел фигуру в форме, не подобающим для солдата образом свесившуюся через парапет. Но потом он вдруг понял, что человек, который с какой-то целью хочет посмотреть вниз, будет держаться руками, а рук солдата на парапете видно не было. Он вспомнил пропавших Маурера и Шмидта и тогда уже бросился бежать.

Охранник не слышал его шагов. Капитан схватил его за шиворот и потянул на себя, но тут же отскочил, так как тело охранника безжизненно рухнуло у его ног лицом кверху. Во лбу солдата зияла черная дыра. Капитан схватился сразу за фонарь и автомат и, понимая, что рискует жизнью, перегнулся через парапет.

Но ничего не было видно. Вернее, никого, кто мог бы за последнюю минуту-полторы убить солдата. Зато было ясно видно, что кто-то уже почти выполнил свою задачу: два темных предмета цилиндрической формы прилепились к плотине на уровне воды. Непонимающим взглядом капитан уставился на них, и вдруг до него дошло, что эти непонятные предметы несут смерть. Он выпрямился и пулей помчался на другой конец плотины, выкрикивая не своим голосом:

-- Радист! Срочно на связь!

Меллори и Миллер вынырнули. Крики, скорее даже вопли капитана, ясно были слышны в ночной тишине. "Меллори выругался:

-- Проклятье, проклятье и еще раз проклятье! -- голос его дрожал от глубокого разочарования.-- Он предупредит Циммермана. У того будет семь-восемь минут, чтобы отвести танки.

-- Что же теперь?

-- Теперь мы дергаем за эти чертовы шнуры и даем деру.

Капитан подбежал к сторожке, у которой сидели Рейнольдс, Петар и лежал Гроувс.

-- Генерал Циммерман! -- прокричал капитан.-- Немедленно свяжитесь с генералом Циммерманом. Передайте ему, чтобы он срочно отвел танки подальше от моста. Эти чертовы англичане заминировали плотину!

-- Ну вот и хорошо,-- голос Петара был едва слышен.---- Все хорошо, что хорошо кончается.

Рейнольдс уставился на него в полном изумлении. Почти механически он принял от Петара протянутые им темные очки и, затаив дыхание, смотрел, как Петар нажал на какую-то кнопку на задней стенке гитары. Стенка открылась, и гитара мгновенно превратилась в автомат, хорошо смазанный, в полной боевой готовности.

Палец Петара застыл на спусковом крючке. Автомат ладно и привычно устроился в его руках. Темные глаза были прищурены и смотрели ясно, с холодной уверенностью. Теперь он, Петар, был хозяином положения.

Солдат, охранявший трех пленников, перегнулся пополам и умер мгновенно, прошивший очередью. В следующую секунду капрал, дежуривший в радиорубке, последовал за охранником, не успев даже снять с плеча свой "шмайссер". Капитан на бегу несколько раз выстрелил в Петара, но тот уверенно вел свою партию. Не

обращая внимания на пулю, которая пробила ему правое плечо, он выпустил остаток обоймы в передатчик и упал с пробитым плечом и раной в голове. Капитан вложил свой все еще дымящийся револьвер в карман и посмотрел на Петара почти безумным взглядом. В этом взгляде не было злобы. Он был полон печали и осознания своего полного поражения. Его глаза поймали взгляд Рейнольдса: с каким-то удивительным взаимопониманием оба в полном потрясении покачали головами.

Меллори и Миллер лезли по веревке вверх и были уже опять почти на уровне вершины стены, когда смолкли последние звуки стрельбы. Меллори посмотрел на Миллера. Миллер пожал плечами, как только может пожать плечами человек, взбирающийся по веревке, и покачал головой, так и не произнеся ни слова. Оба продолжили восхождение еще быстрее, чем прежде.

Андреа тоже слышал выстрелы, но не имел ни малейшего представления, что это за стрельба. Вернее, в тот момент он просто не обращал на нее внимания. Левое плечо горело, как будто обожженное пламенем, по изможденному лицу струился пот. Он знал, что еще не прошел и половины пути вверх по лестнице. Но остановился, почувствовав, что руки девушки, обвитые вокруг его шеи, слабеют. Тогда он обхватил ее за талию невыносимо горевшей рукой и продолжал изнурительный подъем. Почувствовал, что видит все хуже, и подумал: это от потери крови. Левая рука постепенно немела, и нестерпимая боль начинала охватывать правую, которая должна была выносить тяжесть их обоих.

-- Оставьте меня,-- в который раз взмолилась Мария.-- Ради всего святого, оставьте меня! Вы еще можете спастись.

Андреа улыбнулся ей, или ему показалось, что улыбнулся:

-- Вы сами не знаете, что говорите. Моя Мария убьет меня.

-- Оставьте! Оставьте меня! -- она пыталась вырваться и вскрикнула, почувствовав, как Андреа крепко сжал ее.

-- Мне больно!

-- Тогда перестаньте вырваться,-- сдержанно ответил Андреа и продолжал свой страшный путь.

Меллори и Миллер благополучно добрались до уже знакомого места, где в начале расселины был вбит крюк с привязанной к нему веревкой. Теперь они хорошо видели освещенный огнями сторожевой пост и в свете этих огней то, что там происходило. Бесчувственные Гроувс и Петар, разбитый передатчик, два убитых немецких солдата и так хорошо знакомая гитара, превратившаяся теперь в автомат,-- все это рисовало такую ясную картину, что никак нельзя было ошибиться, представляя, что произошло. Меллори поднялся вверх по расселине еще на пятнадцать футов и снова посмотрел вниз: раненый Андреа с раненой девушкой, которая, цепляясь за лестницу левой рукой, пыталась, как могла, облегчить работу Андреа. Они продвигались вперед, но слишком медленно. Им не успеть, пронеслось в голове у Меллори. Это случится со всеми нами, когда-нибудь это должно случиться, подумал Меллори, но представить, что ждет в самом конце такого трудного пути неуязвимого Андреа, было просто невозможно, хотя часто именно то, что невозможно представить, происходит в действительности.

Меллори вернулся к Миллеру. Он снял с плеча веревку, по которой они спускались к водохранилищу, связал ее с другой веревкой, по которой они влезали вверх к расселине, и аккуратно сбросил на крышу сторожевой будки. Затем взял "парабеллум" и приготовился к спуску. В этот самый момент плотина взорвалась.

Взрывы последовали один за другим с интервалом в две секунды. Детонация 3000 фунтов сильной взрывчатки должна была быть оглушительной, но Меллори и Миллер прятались глубоко в расселине, и до них звуки взрывов донеслись приглушенно. Они не столько услышали взрыв, сколько увидели его. Огромные столбы воды взметнулись к вершине плотины, и, казалось, после этого ничего не происходило очень долго. На самом деле прошло секунды три-четыре. Затем медлен-но, очень медленно отделилась огромная центральная часть плотины и так же медленно осела вниз, в ущелье.

Андреа застыл. Он не услышал звука взрыва, но по тому, как начала вибрировать железная лестница, понял, что произошло.

Обхватил Марию обеими руками, крепко прижал к лестнице и посмотрел вверх. Две вертикальные трещины медленно вырисовывались на стене плотины, и она рухнула вниз, как подрубленная. В образовавшееся пространство хлынула выпущенная на свободу зеленая вода Неретвы. Звук рухнувшей тысячетонной громады должен был быть слышен повсюду, но Андреа не слышал ничего, кроме грохота воды. Он успел заметить только, как исчезла под водой взорванная часть плотины и как поверх ее с невероятной скоростью понеслась в их сторону бурлящая, кипящая и грохочущая масса освобожденной воды. Этот бешеный поток, несший камни, обломки бетона, щебень и бог знает что еще, способен был превратить в кровавое месиво все на своем пути. Андреа понял, что если девушка в его руках и останется в живых, то камни, влекомые водой с невероятной силой и скоростью, мгновенно превратят ее лицо в кровавую маску. Он прижал голову девушки к своей груди, и сам, спрятав лицо, нагнув голову, прижался, как мог, теснее к спасительной лестнице, обхватив ее обеими руками.

Водяной вал накрыл их. Перехватило дыхание. Погребенный под этим разрушительным зеленым потоком, Андреа продолжал вести непримиримую борьбу за жизнь. Даже если бы обе руки его были здоровы, невероятно трудно было бы сопротивляться граду ударов, посыпавшихся на них. Ему показалось, что руки вырываются из суставов, и он почувствовал непреодолимое желание разжать их, отдаться во власть жестокому потоку, который, казалось, крушил и рвал на части его мышцы и сухожилия. Но Андреа держался. Стихия пока не могла его сломить. Ломалось другое:

с треском и скрежетом выворачивались железные ступени лестницы, которая теперь была единственным их спасением. Лестница гнулась и корежилась, но какие-то опоры чудом уцелели, и именно за них стальной хваткой продолжал держаться Андреа. Через какое-то время, которое показалось вечностью, уровень воды стал снижаться, сила течения ослабевать, совсем немного, но вполне достаточно, чтобы Андреа это почувствовал и продолжил путь вверх. Каждый раз, когда ему приходилось менять руку, хватка ослабевала и, казалось, его должно снести. Но невероятным усилием воли, со скрежетом зубов, он снова сжимал своими огромными руками ступени и продолжал двигаться вверх. Наконец он поднялся выше уровня воды, перевел дыхание и посмотрел на Марию. Светлые волосы прилипли к ее посеревшим щекам, темные ресницы закрывали глаза. Ущелье казалось переполненным доверху бурлящей и пенящейся белыми гребнями водой, которая сносила на своем пути все без разбора. Вода рычала, грохотала и мчалась в ущелье со скоростью курьерского поезда. А может, даже быстрее.

Прошло тридцать секунд после взрыва, и Меллори снова обрел способность двигаться. Он даже не мог себе объяснить, почему застыл. Пытаясь рассуждать, решил, что был загипнотизирован видом провалившейся от взрыва плотины и бешеного потока воды, почти мгновенно доверху заполнившей ущелье. Но он боялся признаться самому себе, что гораздо больше потрясен мыслью о том, что этот поток увлек за собой Андреа и Марию. Конечно, он никак не мог предположить, что в это время Андреа, по-прежнему сжимая в объятиях девушку, преодолевал последние ступени лестницы у вершины остатков плотины. Меллори ухватился за веревку и начал спускаться, не обращая внимания на боль и даже не ощущая ее в ладонях, с которых он сдирал кожу. Он мысленно называл себя убийцей, убийцей Марии и Андреа. Это он, Меллори, взорвал плотину, а взрыв унес из жизни его друзей.

Но как только ноги коснулись крыши сторожевой будки, он увидел привидения. Именно привидения. Такими ему показались Андреа и бесчувственная Мария на вершине лестницы. Меллори понял, вернее, почувствовал, что Андреа не в силах больше двигаться. Он ухватился за последнюю ступень и пытался, очевидно, уже не в первый раз, но безуспешно взобраться на нее. Силы его покинули.

Меллори был не единственным, кто увидел Андреа и девушку. Капитан охраны и один из его помощников застыли от изумления, глядя на появляющуюся голову Андреа. Стоящий рядом солдат

опомнился первым и поднял автомат. Меллори не мог отпустить веревку, да и не успел бы вытащить свой "парабеллум". На помощь подоспел Рейнольдс. Он, как кошка, одним прыжком бросился на солдата и дернул на себя ствол его автомата. Произошло это как раз в момент выстрела. Рейнольдс умер мгновенно. Двумя секундами позже смерть настигла охранника от выстрела Меллори, который уже спустился на крышу. Затем он направил ствол своего пистолета на капитана и солдата, стоящего рядом.

-- Бросайте оружие.

Они подчинились. Меллори и Миллер спрыгнули с крыши будки, и, пока Миллер держал немцев на прицеле, Меллори бросился к лестнице и помог выбраться Андреа и Марии. Он посмотрел на серое, изможденное лицо Андреа, на его ободренные ладони, на левый рукав, насквозь пропитанный кровью, и спросил:

-- Где это ты пропадал столько времени, черт возьми?

-- Где? -- тихо откликнулся Андреа. -- Сам не знаю. -- Он стоял, еле держась на ногах, но возвышаясь над всеми своей огромной фигурой. Затем провел рукой по глазам и попытался улыбнуться:

-- Задержался, чтобы полюбоваться потрясающим зрелищем.

Генерал Циммерман все еще находился в своей машине, стоящей у парапета неретвинского моста. Он снова поднял к глазам бинокль. Но в первый раз за все время посмотрел не на запад и не на север. Он смотрел на восток, в ту сторону, где находилось ущелье. Через некоторое время повернулся к адъютанту. На лице за одну секунду сменилось несколько выражений -- растерянности, непонимания и, наконец, страха.

-- Вы слышали? -- спросил он.

-- Слышал, герр генерал.

-- И сейчас слышите?

-- Слышу, так точно.

-- Что же это, во имя господ бога, может быть? -- Он слышал, как нарастающий страшный грохот заполняет постепенно все пространство вокруг, -- Это не гром. Звук гораздо сильнее. И продолжительнее. А что значит этот ветер со стороны ущелья? -- генерал уже едва мог слышать свой собственный голос из-за раскатов, доносящихся со стороны ущелья, с востока. -- Плотина! Неретвинская плотина! Они ее взорвали! Немедленно уезжаем отсюда, -- крикнул он водителю. -- О, господи, да скорее же!

Машина дернулась и помчалась вперед. Но было слишком поздно. Слишком поздно для генерала, слишком поздно для его танков, рассредоточенных вдоль берега, слишком поздно для двух отборных дивизий, готовых погубить семь тысяч фанатиков-партизан, засевших в Клетях Зеницы. Огромная стена воды многометровой высоты, с сокрушительной силой поднимая вверх огромные камни и выворачивая с корнем гигантские деревья, выплеснулась из пасти ущелья.

К счастью для солдат Циммермана, страх смерти и сама смерть настигли их почти одновременно. Мост через Неретву вместе с машиной самого Циммермана были сметены в одно мгновение. Огромной мощности поток накрыл танки и тысячи солдат. Когда стихия уgomонилась, на берегах реки едва можно было обнаружить признаки жизни. Осадке тысячи солдат, успев подняться выше по склону, обеспечили себе, хоть и на короткое время, передышку, но две трети армии исчезли сколь мгновенно, столь и безвозвратно. За минуту, не более, все кончилось. Немецкие танковые дивизии были уничтожены. А смертоносный поток воды продолжал нестись дальше, сметая на своем пути все.

-- Молю Бога, чтобы никогда не увидеть ничего подобного, -- генерал Вукалович опустил бинокль и посмотрел на полковника Янци. Взгляд его не выражал ни радости, ни удовлетворения. Только усталость и сострадание.

-- Человек не должен умирать такой страшной смертью, даже если это твой враг. -- Он помолчал, потом продолжил: -- Мне кажется, небольшая часть пехоты смогла спастись. Позаботьтесь о них, полковник.

-- Я о них позабочусь, -- угрюмо произнес Янци. -- Этой ночью убитых больше не будет, будут только пленные. И никто больше не будет стрелять. Первый раз в моей жизни, должен

признаться, я не рвусь в бой.

-- Тогда я вас оставляю, -- генерал устало улыбнулся. -- Мне предстоит деловое свидание. На неретвинской плотине или, скорее, на том, что от нее осталось.

-- С тем самым капитаном Меллори?

-- С тем самым. Мы сегодня отбываем в Италию. Судя по всему, мы были несправедливы к этому человеку. Как вы думаете, полковник?

-- Лично я никогда в нем не сомневался, -- твердо произнес Янци.

Вукалович улыбнулся и повернулся, чтобы уйти.

Капитан Нойфельд с перебинтованной головой стоял, поддерживаемый двумя солдатами, в лощине, спускающейся к Неретве. Он неотрывно смотрел, охваченный ужасом и все еще не веря своим глазам, на то место, где раньше было ущелье. Теперь не более чем в десяти метрах, под его ногами, с огромной скоростью несся все разрушающий на своем пути поток. Он медленно покачал головой. Постепенно до него стал доходить смысл того, что произошло, -- это полное и окончательное поражение. Он повернулся к молодому солдату. Лицо солдата, как в зеркале, отражало мысли Нойфельда.

-- Возьмите двух лучших лошадей и скачите к ближайшему штабу вермахта к северу от ущелья Зеницы. Сообщите им, что войска генерала Циммермана снесены потоком. Точно мы в этом не уверены, но предполагаем. Скажите им, что долина Неретвы -- это долина смерти, и никого не осталось, чтобы защитить ее. Передайте, что союзники могут хоть завтра начать вторжение и ни одного встречного выстрела произведено не будет. Скажите им, чтобы они немедленно передали это сообщение в Берлин. Вы слышите меня, Линдеман?

-- Так точно, герр гауптман. -- По выражению лица Линдемана Нойфельд понял, как мало тот воспринял из его слов, но чувствовал себя слишком усталым, чтобы повторять распоряжение. Линдеман вскочил в седло, взял под уздцы другую лошадь и поскакал вперед вдоль железнодорожного полотна.

Нойфельд проводил его почти отсутствующим взглядом:

-- Ты можешь уже не спешить, мой мальчик.

Второй солдат услышал эту сказанную почти шепотом фразу, но не понял смысла.

-- Простите, герр гауптман? -- переспросил он.

-- Слишком поздно, -- Нойфельд низко опустил голову.

Меллори посмотрел в сторону ущелья, в котором все еще бушевала вода, посмотрел на остатки неретвинской плотины и перевел взгляд на мужчин и женщину позади себя. У него не было сил говорить.

Андреа, весь в ушибах и синяках, с наспех перевязанной и все еще кровоточащей рукой, вновь демонстрировал чудо перевоплощения: посмотрев на него, никто не посмел бы сказать, что еще десять минут назад этот человек был на грани смерти. Он держал на руках по-прежнему бесчувственную Марию. Девушка приходила в себя, но очень медленно. Миллер заканчивал бинтовать Петара. Его раны позволяли надеяться на лучшее. Затем он обернулся к Гроувсу. Несколько минут внимательно осматривал его, затем поднялся.

-- Мертв? -- спросил Меллори.

-- Мертв.

-- Мертв, -- повторил Андреа, горько усмехнувшись. -- Он мертв, этот мальчик, и поэтому мы живы.

-- Он был обречен, -- произнес Миллер.

-- И Рейнольдс, -- голос Андреа звучал невыразимо устало. -- Он тоже был обречен. Что ты ему сказал сегодня, мой дорогой Кейт? Что надо жить сегодняшним днем? Вот он и прожил этот день, вернее, ночь. В эту ночь он спас мне жизнь -- дважды. Он спас жизнь Марии. Он спас жизнь Петара. Но он не смог спасти свою. Мы умнее, мудрее, опытнее и старше. И вот старые остались в живых, а молодые ушли из жизни. Так было уже много раз. Мы смеялись над ними, оскорбляли их своим недоверием, потешались над их молодостью и неопытностью... -- Неожиданно нежным жестом он убрал с лица Марии светлые волосы, и она улыбнулась ему. -- А

в конце концов они оказались лучше, чем мы...

-- Может быть, они и были лучше,-- откликнулся Меллори. Он посмотрел на Петара и грустно покачал головой: -- Мертвы трое -- Гроувс, Рейнольдс и Саундерс. Погибли, так и не узнав, что Петар был руководителем британской разведки на Балканах.

-- Им многое не суждено было узнать,-- Миллер провел рукавом по глазам.-- Так люди и умирают, ничего не узнав, так и умирают.

ЭПИЛОГ

Вновь капитан Дженсен и генерал-лейтенант британской армии находились в штабе, в Термоли. Но на этот раз они не ходили нервно из угла в угол. Время переживаний закончилось. Они, конечно, выглядели усталыми, черты их лиц потемнели и заострились. Но напряжение исчезло, тревога тоже. Если бы они не сидели, удобно устроившись в мягких креслах, а ходили по комнате, можно было бы подумать, что разрабатывается новая операция. В руках они держали бокалы.

Дженсен сделал глоток виски и улыбнулся:

-- Я думал, место генерала -- впереди войска.

-- Не в этот раз, капитан,-- мягко отозвался генерал.-- В 1944 году мудрые генералы остаются позади своего войска, далеко позади. Кроме того, танковые дивизии движутся с такой скоростью, что я вряд ли смог бы их догнать.

-- Неужели так быстро?

-- Быстро, но, конечно, не так, как австрийские и немецкие дивизии, которых спешно перебрасывают с линии Густава к югославской границе. Вот те движутся действительно очень быстро.-- Генерал позволил себе большой глоток и удовлетворенно улыбнулся.-- Полный разгром. Окончательный и бесповоротный. В общем, можно сказать, ваши люди потрудились на славу.

Оба, генерал и капитан, повернули головы, услышав деликатный стук в дверь. Затем тяжелая, обитая кожей дверь открылась и вошел Меллори, а следом за ним Вукалович, Андреа и Миллер. Все были небриты и выглядели так, как будто не спали неделю. У Андреа рука была на перевязи.

Дженсен встал, осушил свой бокал, поставил его на стол и произнес, обращаясь к Меллори, бесстрастным тоном:

-- Много крови пришлось пролить? Меллори, Миллер и Андреа переглянулись. Последовало долгое молчание, затем Меллори произнес:

-- Иногда приходится это делать.

Петар и Мария, взявшись за руки, лежали бок о бок на сдвинутых вместе кроватях в военном госпитале в Термоли. Вошли Меллори, Миллер и Андреа. Впереди всех шел Дженсен.

-- Прекрасные отзывы о вас обоих. Был рад это услышать. Я привел ваших друзей... Наверное, вам надо проститься.

-- Что за порядки в этом госпитале? -- возмутился Миллер,-- Где армейская честь и мораль? У них что, нет отдельных палат для мужчин и женщин?

-- Они уже два года женаты,-- улыбнулся Меллори.-- Разве я забыл тебе сказать?

-- Конечно, не забыл,-- снова возмутился Миллер.-- Это просто выскочило у тебя из головы.

-- Говоря о женитьбе...-- Андреа откашлялся и начал сначала: -- Капитан Дженсен, может быть, помнит, что я еще на Навароне...

-- Да-да,-- Дженсен поднял руку,-- Конечно, помню. Конечно. Безусловно. Естественно. Но я подумал... может быть... дело в том, что... тут подвернулась еще кое-какая работенка, незначительное дельце. Так вот, я и подумал... Раз уж вы все равно здесь...

Андреа, не мигая, смотрел на Дженсена. На его лице был написан нескрываемый ужас.

отсканировано А. Кириченко

по изданию Спецкоманда. Выпуск 3. Алистер Маклин.

"Пушки острова Наварон. 10 баллов с острова Наварон"

Пер. с англ. Н. Е. Знаменской
М.: Юрид. литература, 1990

Обращений с начала месяца: **96**, Last-modified: Wed, 15 Jul 1998 15:32:43 GMT